

**ТАДЖИКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗАДЕ**

На правах рукописи

ГУЛОМАЛИЕВА РУЗАФЗУН КУВАТБЕКОВНА

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ЖЕНСКИХ
УКРАШЕНИЙ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Матробиён С.К.

ДУШАНБЕ – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ.....	15
1.1. Дискуссия об этнолингвистике	15
1.2. Этнолингвистика и ее связь с языком и культурой.....	18
1.3. Лексика – важнейший аспект этнолингвистических исследований	23
1.3.1. Этнографизмы и языковая картина мира.....	35
1.4. Роль этнолингвистики в изучении бесписьменных языков Таджикистана	44
1.4.1. Значение этнолингвистических карт в сохранении бесписьменных языков	50
Выводы по 1 главе	56
ГЛАВА II. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ УКРАШЕНИЙ НА ПРОТЯЖЕНИЕ ИСТОРИИ И ИХ РОЛЬ В НАРОДНЫХ ОБРЯДАХ .	60
2.1. Обзор темы.....	60
2.2 Общие сведения об использовании украшений на протяжении всей истории и их роли в народных обрядах	61
2.3. Этнолингвистические сведения о роли украшений в таджикских обрядах	70
2.3.1. Выражение цвета словами, связанными с женскими украшениями, в шугнанском языке.....	74
2.4. Исследование лексики украшений в таджикском языкознании	79
2.5 Позиция этнологических и фольклорных работ в исследовании лексики украшений.....	85
Выводы по 2 главе.....	101
ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО- ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ	103
3.1. Обзор темы.....	103
3.2. Лексико-семантическая классификация женских украшений в шугнанском языке.....	104
3.2.1. Лексика украшений причесок и волосоплетения.....	105

3.2.2. Лексика макияжа лица	114
3.2.3 Лексика украшений глаз, бровей и ресниц	119
3.2.4 Лексика ушных украшений	123
3.2.5 Лексика шейных и нагрудных украшений.....	127
3.2.6. Лексика украшения рук и ног.....	134
3.2.7. Лексика украшений женской одежды (тюбетейки и джурабы (носки)	139
3.2.8. Выражение лексики украшений во фразеологизмах и пословицах	147
3.3 Языковая принадлежность лексики женских украшений.....	149
3.3.1. Заимствованные слова из таджикского языка.....	151
3.3.2 Заимствования из русского языка	154
3.4. Грамматические особенности женских украшений	156
3.4.1 Простые слова.....	158
3.4.2 Суффиксальный способ образование слов	159
3.4.3. Сложные слова.....	164
3.4.4 Словосочитания связанные с женскими украшениями.....	168
3.4.5. Грамматический род	169
Выводы по 3 главе.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	175
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	176
БИБЛИОГРАФИЯ.....	177

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено этнолингвистическому исследованию лексики женских украшений в шугнанском языке. Выбранная тема изучается в рамках одного из направлений современного языкознания – этнолингвистика.

Актуальность темы исследования. Украшения имеют глубокие традиции в материальной и духовной культуре таджикского народа, берущие своё начало из древних цивилизаций на территории Средней Азии. Украшать себя и свою одежду свойственно народам всего мира, это и привело в дальнейшем к развитию ювелирного искусства, ткачества, шитья и др. Именно поэтому ювелирное искусство, ткачество, шитьё и другие искусства предков таджиков формировались издревле в процессе возрастания продолжительных этнических, культурных и экономических связей между народами региона. В ходе диалога культур обогащались традиции ювелирные искусства, ткачество, шитьё и другие традиции предков таджиков. Ювелирное искусство, ткачество, шитье и другие виды искусств, постоянно находились под влиянием культурного взаимодействия.

Изначально украшения возникли как ритуально-магический предмет. Древние люди считали, что они защищают человека от негативного воздействия природных сил. Поэтому отделочный материал считался священным, не утратил своего значения и по сей день, и почитается у некоторых народов как символ защиты.

Стили женских украшений и украшение для одежды в культуре разных народов и наций имеют свои особенности, что подчеркивает разнообразие, уникальность и неповторимость каждого из этих стилей. Украшать себя, а также украшать одежду различными цветами, образом и формой олицетворяют цивилизацию и культуру человечества. Этот вопрос научно исследован в разных языках, но в шугнанском языке он еще не исследован.

Стоит отметить, что шугнанский язык относится к восточной ветви иранских языков, а его носители проживают по обе стороны реки Пяндж, на

территории Таджикистана и Афганистана, а также в долинах Гунда, Шохдары, Поршинева и Дарморахта Таджикистана.

Жители этой горной страны с древнейших времен сохранили свои традиции, обычаи и нравы. Головные уборы и одежда считаются выражением национальной, культурной и исторической самобытности народа. Как говорится в таджикской традиции: *«Хонаю палос – одаму либос»* «Дом украшают ковры, а человека одежда».

Помимо украшения лица, волос, рук и шеи, женщины также уделяют особое внимание и украшению одежды. Оба эти вопросы являются важными моментами нашего исследования.

Богатая культура таджиков хорошо видна в разнообразии их одежды. Каждая провинция, и даже отдельные районы отличаются друг от друга расположением, формированием определенной культуры и традиционной одеждой. Например, если атлас и адрас распространены в Согдийской области, то в Хатлонской области куртачакан *«национальное платье, украшенное ручной вышивкой»* имеет особый статус. В Бадахшане популярна традиционная красно-белая символическая одежда с уникальными (в основном геометрическими) узорами. Особое значение имеет изучение особенностей этих украшений и традиционной одежды таджиков, особенно шугнаноязычных таджиков, с этнолингвистической точки зрения, чего еще не было исследовано, а также их продвижение, защита и развитие.

Поэтому этнолингвистическое исследование лексики женских украшений в шугнанском языке включает в себя **актуальность** работы.

Степень изученности темы. Этнолингвистическое изучение и исследование в мировой лингвистике активно ведутся со второй половины прошлого века. В отечественных исследованиях этнолингвистика является новой отраслью языкознания и различные ее аспекты изучаются исследователями. В частности, в шугнанском языке носителями языка исследуются обычаи, традиции и восприятие картины мира с этнолингвистической точки зрения. Однако слова, относящиеся к женским

украшениям в шугнанском языке, до сих пор не подвергались серьезному изучению и исследованию.

Исследования М. С. Андреева «Таджики долины Хуфа (над рекой Ому)» и Н. А. Кислякова, А. К. Писарчика «Таджики Каратегина, и Дарваза» можно считать фундаментальным трудом в этом направлении. Опубликованные работы являются результатом этнографической экспедиции в Каратегине и Дарвазе в 1952-1957 гг. Эта экспедиция была организована этнографическим сектором Института истории им. А. Дониш, в котором участвуют такие учёные, как Н. А. Кисляков, Р. А. Неменова, А. К. Писарчик, З. А. Розенфельд, Н. Н. Ершов, И. Мухиддинов, А. М. Хамиджонова, А. З. Широкова и др., и собирают ценные материалы. Хотя научные работы этих исследователей сосредоточены на различных исторических, культурных, этнографических и других аспектах, но в них можно наблюдать этнолингвистические исследования.

Следует отметить, что этнолингвистика как самостоятельная область языкознания продолжает укореняться в таджикском языкознании, тем самым находит своё место в исследованиях и трудах отечественных лингвистов. В частности, такие исследователи – носители языка, как М. Аламшоев, С. Матробиён, Х. Кабиров, Ш. Рустамов, А. Мирбобоев М. Бобомуродова, Ш. Зоолишоева, У. Булбулшоев, М. Броимшоева, Ш. Некушоева, Дж. Худойбердиева, Ч. Назаршоева и другие, проявили особый интерес к этнолингвистическим исследованиям в этом направлении.

Исследовательская работа М. У. Бобомуродовой (2012) посвящена вопросу лексики женских украшений. В своей диссертации исследователь уделила внимание анализу лексики женских украшений в таджикском языке и представила исследование с точки зрения этнолингвистики.

П. Абдулхамидова один раздел своей диссертации посвятила теме «Лексика народной косметики и представления о сохранении красоты и здоровья». В этом разделе исследователь отражает представления о красоте и здоровье, так как в народном понимании они являются взаимодополняющими факторами в представлениях о красоте [2, с. 13].

Также лингвист Ш. Некушоева (2010, 2019) впервые в своей монографии предоставила информацию о лексике украшений в языках шугнано-рушанской группы и посвятила этому вопросу отдельный параграф под названием «Слова – наименования украшений».

Также можно отметить статью И. Лимановой [82], опубликованную под названием «Язгулямские украшения» в книге «Язгулямский сборник» (1996). В данной статье автор предоставляет информацию о женских украшениях язгулямоязычных таджиков и рассказывает об особенностях женских украшений этого народа.

Слова, относящиеся к украшениям шугнанского языка, в частности были собраны и записаны в трехтомном словаре таджикского исследователя Д. Карамшоева «Шугнанско-русский словарь» и четырёхязычном словаре М. М. Аламшоева и Ш. М. Аламшоева «Шугнано-таджикско-русско-английский словарь», что является неопровержимым доказательством нашей работы. Следует отметить, что, кроме этих материалов, полноценного фундаментального труда по женским украшениям в шугнанском языке на сегодняшний день не существует.

Цель исследования. Этнолингвистическая интерпретация и анализ лексики женских украшений в шугнанском языке, а также определение общих и специфических особенностей языковой картины мира в мышлении носителей языка на материалах шугнанского языка составляют основную цель диссертации.

В зависимости от заявленной цели **задачи исследования** можно оценить следующим образом:

- определение аспектов исследования и методов изучения лексики женских украшений;
- показ положения этнографизмов и языковой картины мира в таджикском языкознании;
- показ роли этнолингвистики в исследовании бесписьменных языков Таджикистана;

- определение роли украшений в обрядах таджиков, в том числе шугноноязычных таджиков;
- показ источников экстралингвистических исследований лексики женских украшений;
- определение этнолингвистических аспектов женских украшений в шугнанском языке;
- определение тематических и смысловых особенностей лексики женских украшений в шугнанском языке;
- определение состава и грамматического строя слов, связанных с женскими украшениями в шугнанском языке;
- сравнение лексики женских украшений шугнанского языка с бадахшанскими (памирскими) языками.

Объект исследования. Объектом исследования диссертационной работы является лексика женских украшений в шугнанском языке.

Предмет исследования. Предметом диссертации является исследование и анализ лексических особенностей женских украшений в шугнанском языке.

Основные материалы исследования. Диссертация исследована на основе лингвистических, этнографических, исторических и фольклорных материалов, которые были опубликованы исследователями в конце XIX и XX-XXI веков. В частности, «Таджики долины Хуф» - М.С. Андреева, «Таджики» Б. Гафурова, «Шугнанцы» Т. Каландарова, «Народная поэзия фольклора Бадахшана» Н.Шакармамадова, трехтомный «Шугнанско-русский словарь» Д. Карамшоева и «Шугнано-таджикско-русско-английский словарь» М.М. Аламшоева и Ш.М. Аламшоева составляют основную основу диссертации. Основа испытаний и экспериментов данного исследования являются в основном беседы, которые проводились в ходе полевых работ (2017-2022 гг.) среди носителей языка различного возраста и социального происхождения жителей Шугнанского района.

Научная новизна исследования проявляется в том, что в ней впервые проводится комплексный анализ тематических и семантических особенностей

лексики женских украшений в шугнанском языке, а также исследуются и сравниваются состав и грамматическая структура слов, относящихся к женским украшениям в этом языке. Также впервые даются сведения об этнолингвистических аспектах женских украшений в шугнанском языке, и показаны его общие и специфические черты носителей языка применительно к национальному мышлению.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная диссертация может быть источником для дальнейших исследований в области этнолингвистики и лингвокультурологии. Результаты исследования могут быть использованы для решения ряда практических и теоретических вопросов шугнанского языка и одновременно для всех языков памирской группы, и могут служить основой для дальнейших научно-теоретических исследований в области этнолингвистики и лингвокультурологии.

Этнолингвистические особенности лексики женских украшений способствуют решению задач по показу общей правомерности и специфических особенностей языков в области лексикологии. Такое действие может помочь решить ряд теоретических проблем языкознания.

Практическая значимость исследований проявляется при разработке программ и работы над вопросами, связанными с этнолингвистическими и культурологическими исследованиями языковых единиц. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания этнолингвистики, лингвокультурологии, лексикологии и фразеологии, а также для проведения специальных семинаров и курсов в области этнолингвистики и лингвокультурологии. Также результаты исследования могут быть использованы для подготовки словарей на шугнанском языке.

Методы исследования. Основными методами исследования являются анкетирование, метод интервью, описательные методы и компонентный анализ, сравнительно-описательный метод, а также метод анализа распределения лексических единиц. При анализе большинства лексических единиц использовался метод этнолингвистического описания, связанного с обычаями.

Теоретические и методологические основы исследования.

Теоретической основой данной диссертации являются работы отечественных и зарубежных лингвистов и этнографов по изучению традиционного языка и национальной культуры, в частности, лексики украшений народов Средней Азии, в том числе таджиков.

Работы исследователей по теоретическим проблемам этнолингвистики И.Г. Гердера [43], В. фон Гумбольдта [47], Г.Э. Сепира [135], Б. Уорфа [149], Д. Гамперца [40], Д. Хаймза [154], В. Лабова [77], Ж. Вандриеса [36], Б. Потте [185], Ж. Калам-Гриола [182], Ж.К. Дэнгирарда [183], Ф.И. Буслаева [25], А.А. Потебни [121], Е.Д. Поливанова [119], Д.К. Зеленина [59] и других рассматриваются как теоретическая основа. Также представлены точки зрения учёных XX-XXI веков, такие как: Ф.М. Берёзин [24], В.А. Звегинцев [58], В.М. Алпатов [8], Н.И. Толстой [146], С.М. Толстая [145], В.Н. Топоров [148], Н.В. Боронникова [80], Ю.А. Левицкий [80], Л.Н. Виноградова [38], Б. Серебренников [134], А.Ф. Журавлев [52], А.С. Герд [42], О.А. Черепанова [164], Т.В. Цивьян [161], А.В. Юдин [178], Е.В. Перехвальская [116], А.А. Плотникова [118], Т.Л. Агапкина [3], В.В. Усачева [150], З.Д. Попова [120] и другие.

Также было уделено особое внимание работам и научным статьям российских ученых по теоретическим вопросам, внёсшим уникальный вклад в таджикское языкознание, таких как И.И. Зарубин [53], М.С. Андреев [15], А.В. Лившиц [81], И.М. Орански [111], В.С. Расторгуева [122], А.З. Розенфельд [129], В.С. Соколова [139], Т.Н. Пахалина [114], А.Л. Грюнберг [46], И.М. Стеблин-Каменский [141], А. Хромов [158], Д.И. Эдельман [172], Р.Л. Неменова [109], И.А. Кисляков [71], А. Писарчик [117], Е.К. Молчанова [101].

В то же время работы таджикских исследователей Р.Х. Додихудоева [49], Д. Саймиддинова [131], Д. Карамшоева [70], Т. Бахтибекова [23], П. Джамшедова [50], Н. Офаридаева [113], Ш.П. Юсуфбекова [179], Дж. Алими [7], Х. Шамбезода [168], М.М. Аламшоева [5], Б. Б. Лашкарбекова [79], З. Мухторова [189], Т. Каландарова [68], О.Х. Касимова [75], М. Давлатмирова

[48], С.К. Матробиён [90], А. Мирбобоева [98], Л. Р. Додихудоевой [51], З. О. Назаровой [105], Ш. Зоолишоевой [61], П. Абдулхамидовой [2], Ш. Некушоевой [107], М. Броимшоевой [31], Ч. Назаршоевой [106] и другие составляют теоретическую основу исследования.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

Различные национальные традиции и повседневная жизнь народа раскрываются в лексике различных социально-экономических сфер на основе анализа национально-культурных особенностей;

1. Исследования, проводимые в области этнолингвистики по бесписьменным языкам Таджикистана, создают хорошую научную основу для изучения языка, культуры, обычаев и традиций таджикского народа. Благодаря таким исследованиям можно познакомиться с бытом и древними обычаями таджикского народа, проживавшими в различных регионах;

2. Лексика, как лексическая структура языка, считается одним из важнейших аспектов этнолингвистических исследований и представляет собой высокий уровень интерпретации особенностей культуры и окружающего мира говорящих. В нем может отражаться историческое становление и развитие любого народа и нации, также может служить важным источником для познания и изучения истории, культуры и цивилизации человечества;

3. Лексика украшений является не только основным объектом лингвистических исследований, но и занимает особое положение в этнологических и фольклорных исследованиях. В этнологических и фольклорных исследованиях существенно используется лексика, связанная с женскими украшениями, которая может служить важным этнолингвистическим материалом. Различные термины и слова украшений имеют исторический, этнокультурный, национальный и традиционный характер;

4. Лексика украшений по признанным типам разделяется на группы. В зависимости от классификации лексика женских украшений в шугнанском языке группируется следующим образом: лексика украшений причесок и волосоплетения, лексика макияжа лица, лексика макияжа глаз, бровей и ресниц,

лексика ушных украшений, лексика украшений груди и шеи, лексика украшений рук и ног, лексика украшений женской одежды (тюбетейки и джурабы (носки).

5. Лексический состав языка состоит из набора слов различного происхождения. В такой же ситуации находится и шугнанский язык, который является одним из бесписьменных языков Памира. На всех лексических уровнях в этом языке можно наблюдать множество заимствованных слов, и лексика украшений не является исключением. В настоящее время под влиянием других языков состав лексики, связанный с женскими украшениями в шугнанском языке, отражающем культуру красоты, сильно изменился, в него также вошло большое количество заимствованных слов;

6. Состав лексики женских украшений в шугнанском языке составляют слова, заимствованные из таджикского языка, независимо от тех слов, которые имеют единый исторический корень. Также через таджикский язык в шугнанский язык вошли многие слова из арабского и турецкого языков. Заимствованные слова с русского языка также занимают особое положение в составе лексики женских украшений шугнанского языка;

7. Фразеологизмам свойственны бытовые тематики. Они отражают семейные и родственные отношения, нравственные нормы, черты личного характера, а также мысли и высказывания о жизни, судьбе и т. д. Через фразеологизмы мы получаем богатые сведения о духовной культуре, обычаях, жизненных заботах, исторических фактах жизни того или иного народа. В шугнанском языке существуют пословицы и фразеологизмы, связанные с женскими украшениями.

8. Возникновение новых слов в языках осуществляется посредством определенных закономерностей словообразования, и его употребление возможно в разных лексических группах того или иного языка. Шугнанский язык не является также исключением из этих правил. Слова, появившиеся в лексике женских украшений шугнанского языка, конечно же, пошли по этому пути. По морфологическому строению слова, относящиеся к женским

украшениям шугнанского языка делятся на простые, производные, сложные и составные.

Личный вклад соискателя научной степени в исследовании.

Автором диссертации впервые подробно исследованы особенности лексики женских украшений в шугнанском языке с точки зрения этнолингвистики и представлены в виде научной работы. Диссертация оснащена теоретическим анализом и обзором, а также научным сравнением и сопоставлением, на основе конкретных методологических положений создается многоплановый аналитический материал в соответствии со структурой, целью и задачами исследования.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации были освещены в докладах на ежегодных научно-теоретических конференциях профессоров и преподавателей Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде, Таджикского национального университета и других региональных, республиканских и международных конференциях. Данная диссертация была обсуждена на заседании кафедры лингвистики и журналистики Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде (протокол № 6, от 26 января 2024 г.) и рекомендована к защите.

Основные положения диссертации изложены в 8 статьях автора, в том числе 4 из них напечатаны в научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Список данных статей приводится в конце автореферата.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) и выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 1. – Теоретическая лингвистика. Природа естественного языка. Язык как объект лингвистики; пункт 8. – Сравнительно-историческое языкознание. Предмет сравнительно-исторического языкознания.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ

1.1. Дискуссия об этнолингвистике

Язык является важнейшим источником познания культуры и истории народа, как носителя языка, способный зеркально отражать картину мира. Это единственный источник, который точно показывает мысли, идеи, взгляды и знания людей и их мира. Язык в истории народов – носителей языка, может выступать в роли инструмента объединения различных обществ. Потому что именно естественный язык человечества способен сохранить мировоззренческие закономерности, психологической, научной, духовной культуры древности и передавать их из века в век и из поколения в поколение. По этой причине в 30-е годы XX века в лингвистике зародилось новое направление под названием этнолингвистика, целью которой явилось изучение интеграции языка и культуры разных народов и наций. Однако стоит отметить, что в истоках зарождения этнолингвистики, которая граничит между языкознанием и этнологией, называлась «этнолингвистика», «антропологическая лингвистика», «язык и культура», «язык внутри культуры» и «язык в культуре». Тема исследования этнолингвистики пока не была четко определена, и по-разному толковалась в научных трудах. О разногласиях, относительно понятия «этнолингвистика» и «антропологическая лингвистика» российский лингвист Е.В. Перехвальская выражая свое мнение, отмечает: «Не все исследования, лекционные курсы и книги, которые содержат в своих названиях понятие «этнолингвистика» или «антропологическая лингвистика», оказываются посвящены одной и той же проблематике. Подчас их содержание весьма различны, поэтому этнолингвистику, нельзя во всяком случае пока, считать и называть самостоятельной наукой» [116, с.11-12].

Если рассматривать различные работы по этнолингвистике, это высказывание российского лингвиста подтверждаются. Например, если сравнить книгу «Этнолингвистика» Э. В. Перехвальской и «Введение в

этнолингвистику» А. Герда, которые фактически работают в одном и том же вузе (СПбГУ), то имеется множество различий по их содержанию. Автор книги «Введение в этнолингвистику» считает, что предмет этнолингвистики – это язык в его соотношении с этносом, место и роль языка в обществе. В своей книге он больше всего опирается на социально-политические вопросы языка и культуры [42, с. 3].

Следует отметить, что важной частью этнолингвистических исследований является изучение политики языка и культуры. Это означает анализ влияния политических, социальных и экономических факторов на использование языка и его статус в обществе. Этнолингвистические исследователи изучают языковое разнообразие, процессы изменения и сохранения языка, языковые отношения и их последствия для культур и обществ.

Авторы «Большого толкового словаря русского языка» трактуют этнолингвистику следующим образом: «Этнолингвистика – раздел языкознания, изучающий психические, этнические и т.п. особенности народа, племени и отражение их в языковой системе» [212].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дано другое определение термина: «Этнолингвистика – направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» [211].

Из определения этих двух словарей становится ясно, что предмет изучения этнолингвистики конкретно не определен, что и подчеркивает Е.В. Перехвальская.

На наш взгляд, лучшее определение этнолингвистики, которое мы разделяем, было дано Е.В. Перехвальской. Она отмечает: «Этнолингвистика – это дисциплина, использующая терминологический аппарат лингвистики и этнологии, изучающая вопросы соотношения языка и культуры, а также конкретных языков и этнических культур» [116, с. 15]. Исследователь

дополняет эти слова и упоминает, что этнолингвистика также касается проблематики бурно развивающихся когнитивных наук, то есть совокупности наук о познании. Когнитивные науки изучают человека в целом и человеческую память, то, как он получает, хранит и использует свои знания. В связи с этим этнолингвистика разделяет термины и понимания картины мира, метафоры, когнитивной метонимии, народной таксономии и т.п. с когнитивными науками.

Из этого следует, что этнолингвистика занимается также изучением знаний и представлений народов, сопровождающие их на протяжении всей истории, и сегодня некоторые из них стали обыденной или простой картиной мира, другие стали устойчивыми в обычаях и традиции, третьи вошли в народный фольклор. Однако все указанные факторы выражаются через язык и воплощаются в рамках этнической культуры.

Если посмотреть на мнение исследователей о первом этапе становления этнолингвистики, то станет ясно, что изначально она была ориентирована на изучение культуры народов, отличавшихся от культуры, обычаев и традиций европейского народа. Таджикский лингвист С. К. Матробиён обращает внимание на этот вопрос и отмечает, что «Бесписьменные и безалфавитные языки, образ жизни и общение индейских народов северной части Америки долгие годы были одной из важнейших тем этнолингвистических исследований» [90, с. 41].

В русском языкознании основоположник этнолингвистики Н. И. Толстой описывает тему этнолингвистического обсуждения и изучения самого языка, так как язык является хранителем «древних мировоззренческих, ментальных и культурных единиц». По мнению Н.И. Толстого этнолингвистика – «изучает язык с точки зрения человеческого понимания, идентичности, обычного традиционного поведения и его мифического воображения» [146, с. 181-190]. Действительно, этот исследователь предложил интересную идею. Этнолингвистика изучает как этнографические, так и лингвистические аспекты, поэтому изучение человеческого языка, уникального для человека, должно основываться на человеческом познании. Однако следует отметить, что человек

является не только обладателем языка, но и обладателем культуры, к которой относятся обычаи, традиции, искусство, ремесла, литература и тому подобное. В связи с этим ниже мы проанализируем вопрос о взаимосвязи этнолингвистики с языком и культурой.

1.2. Этнолингвистика и ее связь с языком и культурой

Наряду с указанными выше вопросами изучение взаимоотношений языка и культуры является одной из тем, которой этнолингвистика уделяет особое внимание. В аспекте изучения языка как социально-культурного явления, этнолингвистика объединяет в себе методы и теории языкознания, культурологии, фольклора и социологии.

Поэтому одним из основных понятий этнолингвистики является «языковая и культурная связь». Язык отражает и передает культурные ценности, верования, нормы и обычаи общества, которое им пользуется. Каждый язык кодирует уникальные культурные концепции и способы выражения мысли. Например, такие явления, как различия в уровне этикета или использование разных форм обращения в зависимости от статуса и отношений между говорящими, могут быть связаны с определенными культурными ценностями и базовыми (иерархическими) структурами в обществе.

Этнолингвистика изучает язык как источник структуры знаковой системы в обществе и как уникальное культурное явление. Поэтому аспект этнолингвистического изучения языка считается одним из важнейших аспектов, поскольку понять язык без связи истории, культуры, психологии и быта этноса и нации становится очень сложно.

По мнению исследователя Т.Ф. Извекова: «Язык является формой и орудием развития культуры народов, его интеллектуального, художественно-эстетического самовыражения» [63, с. 192]. Действительно, если бы язык не стал «главным оружием народной культуры», он мог бы быстро исчезнуть из жизни людей. Именно язык поддерживает его существование. Некоторые

исследователи толкуют язык в качестве покровителя и защитника истории, поскольку только язык передает историю из поколения в поколение. Лингвист М.И. Черемесина очень точно отмечает, что «в языке, в его словаре и грамматике фиксируются, хранятся и передаются потомкам все достижения, познающей человеческой мысли, наблюдений и опыта поколений предков. Особенно наглядно в этом смысле лексический фонд языка. Объектом непосредственного познания средством языка являются также разнообразные отношения, которые фиксируются не только словами, но и качественно, иначе – грамматическими формами слов» [163, с. 13].

Безусловно, лексика, которая является основой языка, можно назвать памятником памяти материальной и духовной культуры человечества. Слова содержат огромное количество культурной и исторической информации. Здесь уместно упомянуть мнение таджикского исследователя М. Шакури о значении языка, который подчеркивал: «Язык является воплощением мысли, он выражает духовное существование человека, связывает духовные миры, души и творит новые миры, поскольку он творец по природе, он не только увеличивает и совершенствует творческую силу человека, но и полностью меняет его, формирует его понимание или полностью меняет его, создавая другой мир и людей. Основа языкового творчества и сущность творчества человека тесно связаны друг с другом, они исходят друг из друга. Однако если человек действительно творческий, то и язык будет творческим, в противном случае язык не следует считать творческим. Безграничная сила смыслообразования, духовности и гуманизации языка зависит от силы человеческого разума и духа, зависит от социальной реальности, подготавливающей почву для жизни человека, для роста и полета его мысли. Если нет социальных условий и человек не может выразить свою творческую сущность, нет надежды на расцвет творческого настроения языка» [170, с. 23].

Таджикский исследователь М. Шакури в вышеприведенной цитате выделил 4 основных аспекта языка: 1) отражать; 2) выражать; 3) объединять и 4) создавать. То есть язык отражает мысль, выражает духовное бытие,

объединяет духовные миры людей и создает новые миры. Раскрывая творческое начало языка, он считает, что язык может изменить человеческое сознание. Именно поэтому его называют «архитектором человеческих душ», закладывающий основу для роста и полета его мыслей.

Вопрос о соотношении языка и культуры приобрел особый статус в современном языкознании, особенно в этнолингвистике. Поэтому этнолингвистика, прежде всего, изучает влияние культуры на сам язык. Культурологические факторы могут влиять на звуковой строй языка, грамматический строй, словарный запас и семантику слов. Например, некоторые языки разработали словарный запас для определенных аспектов окружающей среды или для выражения традиций и религиозных убеждений своего сообщества.

Именно этот вопрос – вопрос влияния культуры на язык – приобрел особый статус в этнолингвистических исследованиях. В частности, такие видные ученые, как Эдвард Сепир, Бенджамин Уорф, Майкл Холлидей, Пьер Бурдьё и другие, занимались этим вопросом, очень тщательно его исследовали и представили интересные и подходящие мнения.

Эдвард Сепир, американский лингвист, известный как один из основоположников современной этнолингвистики, разработал концепцию «лингвистическая относительность» и выдвинул идею о том, что язык – это навык мышления, то есть источник информации о том, как мыслит общество [135]. Что касается связи языка и мышления, если обратиться к теории других лингвистов, некоторые лингвисты придерживаются мнения, что мышление формирует язык (по этому вопросу обратитесь к [90, с. 56]).

Концепция лингвистической относительности, известная как гипотеза Сепира-Уорфа или просто гипотеза Сепира [149] была предложена американским лингвистом и антропологом Эдвардом Сепиром в середине XX века. Концепция гласит, что наш язык влияет на то, как мы думаем и воспринимаем мир. Согласно гипотезе Сепира, структура и особенности языка определяются нашими мыслями и пониманием окружающего мира. Другими

словами, то, как мы с помощью языка выражаем свои идеи и понятия, формирует наше понимание реальности. В гипотезе Сепира отмечается, что разные языки имеют разные лингвистические категории и структуры и создают разные способы мышления и понимания мира. Например, гипотеза Сепира предполагает, что некоторые языки имеют разные грамматические формы деления времени, такие как прошлое, настоящее и будущее, в то время как другие языки не могут провести такое деление или имеют его в непонятной для нас форме. Это может привести к тому, что носители этих языков будут иметь разное восприятие и отношение ко времени.

Гипотеза Сепира также утверждает, что некоторые концепции или идеи легче выразить или понять на одном языке, чем на другом. Например, если язык имеет богатый словарный запас для описания различных цветов или оттенков, носители этого языка могут иметь более точное и детальное восприятие и различение цветовых оттенков [135, с.156].

Многие факторы, такие как культурные, социальные и индивидуальные различия, также могут влиять на наше мышление и восприятие картины мира. Кроме того, между языком и культурой существуют исключения и междисциплинарные взаимодействия.

В целом относительная концепция языкознания Сепира указывает на то, что язык играет важную роль в формировании мышления и понимания мира, и разные языки могут предлагать разные способы описания и понимания окружающей действительности.

Бенджамин Уорф продолжил дело Сепира и развил его идеи в рамках теории «лингвистической относительности». Он предполагал, что язык определяет способ понимания мира и мышления человека, и с этой точки зрения влияние культуры на язык существенна [149, 135-168].

Австралийский лингвист Майкл Холлидей считал язык социокультурной системой, и, по его мнению, язык формируется и развивается в социокультурном контексте. По концепции М. Холлидея, язык не только отражает социальный и культурный контекст, но и влияет на него. Он

рассматривает язык как средство общения и передачи смыслов между людьми, причем эти смыслы и информация формируются и интерпретируются в социокультурном контексте.

Одна из основных идей М. Холлидея [182] заключается в том, что язык не только передает информацию об объективной реальности, но и активно создает и конструирует социальную и культурную реальность. Он считал, что язык играет центральную роль в формировании концепций, мышления и способов взаимодействия с миром.

По словам М. Холлидея, язык состоит из различных функциональных аспектов и связан с разными социальными и культурными контекстами. Он выделил такие функции языка, как идеологическую (выражение идей), межличностную (установление и поддержание отношений между людьми) и текстовую (передача информации) [182].

Исходя из этой концепции М. Холлидея можно прийти к выводу, что язык тесно связан с социокультурным контекстом, он также выступает средством формирования и изменения социокультурной реальности.

Пьер Бурдьё, французский социолог, выражает свои мысли о взаимосвязях этнолингвистики с культурным капиталом и социальной дистанцией в контексте языка и культуры. Что касается этнолингвистики, он подчеркнул важность языка и лингвистической компетентности для социальной мобильности и неравенства. Он указывает, что определенные языки и диалекты могут иметь привилегированное положение в обществе и что люди, говорящие на этих языках, имеют преимущество перед теми, кто не говорит на этих языках. Это может создать неравенство и разделение между различными этническими и социальными группами.

П. Бурдьё подчеркивал, что культурный капитал и социальная дистанция являются не только индивидуальными характеристиками, но и продуктами социальных структур и неравенства. По анализам П. Бурдьё можно прийти к выводу, что понимание культурного капитала и социальной дистанции в контексте этнолингвистики помогает объяснить социальное неравенство и

разделение на основе языка и культуры. Он подчеркнул важность справедливого распределения культурного капитала и борьбы с неравенством для создания равноправного общества [35, с. 84].

Исследователи называют культуру совокупностью деятельности человеческого общества и делят ее на материальную и духовную. Понятие «культура» употребляется в связи с духовной жизнью людей, которая представляет собой культуру различных обществ, культуру труда и жизни, культуру поведения, культуру языка и т. д.

1.3. Лексика – важнейший аспект этнолингвистических исследований

Как мы уже упоминали выше, основной целью изучения этнолингвистики является изучение взаимосвязи языка и культуры. Она занимается изучением языка, отражающего социокультурные особенности общества или группы людей. Лексика, то есть лексический строй языка, считается одним из важнейших аспектов этнолингвистических исследований.

Исследование словарного запаса дает возможность найти точную информацию о культуре и образе жизни людей, использующих тот или иной язык. Самостоятельные слова языка могут отражать уникальные идеи и понятия, связанные с окружающим миром, традициями, верованиями и ценностями конкретной культуры. Стоит отметить, что изучение лексики помогает понять и проанализировать культурные особенности народов и создает наиболее полную картину разнообразия языковых и культурных картин мира.

Лексика играет большую роль в этнолингвистических исследованиях, она отражает культурные особенности, идеи и ценности определенной группы людей. По мнению исследователей, изучение лексики позволяет ознакомиться со специфическими особенностями языка, относящегося к определенной этнической группе. Поэтому многие ученые проводили исследования лексики

в рамках этнолингвистического подхода и анализировали в своих работах лексический состав различных этносов и его влияние на язык и культуру.

Известный российский лингвист, специалист в области этнолингвистики Е.В. Перехвальская, трактует лексику как зеркало мира и придерживается мнения, что вся действительность жизни человека, всё, что его окружает, отражается в лексике (совокупности слов): «Лексика – это зеркало мира, окружающего человека, хоть и кривое. Однако оно не обманывает, а приспособливает видение мира к потребностям человека. Люди называют (тем самым выделяя) одно и не называют (оставляя без внимания) другое. Это происходит оттого, что первое важно для говорящих, а второе не важно. Проанализировав словарь конкретного языка, можно составить мнение о культуре людей, которые этим языком пользуются» [116, с. 235].

Простой пример доказательства этого мнения можно найти в содержании двуязычного словаря Д. Карамшоева «Шугнанско-русский словарь». Если разделить этот словарь на части с точки зрения предмета, то можно найти в нем множество слов из всех областей жизни, имеющих свои эквиваленты в других языках. Также можно выделить слова, не имеющие эквивалента ни в одном языке. То есть это слово – название предмета или действия, которого не существует в жизни ни одного народа или нации. Такими словами являются реалии или региолекты, или этнографизмы, характерные для того или иного языка (о реалиях, региолектах и этнографизмах см. следующий раздел: Р.Г.).

Понятно, что лексика представляет собой совокупность слов языка и образует его лексический состав. Этот набор слов (лексика) имеет в языке специфическую систему, и их изучением занимается важная отрасль языкознания – лексикология. Лексическая система языка изучается в рамках структурно-системного подхода.

Следует отметить, что теоретическое положение лексической системы языка очень рано сформировалась в научной сфере. В частности, ее систематическая идея началась с античной филологии и постепенно проникла в языкознание. Вильгельм фон Гумбольдт был одним из первых, кто

предоставил информацию о систематичности языка, в том числе словарного запаса. Он упоминает: «Каждый отдельный элемент проявляется как целое» [47, с.18]. В подтверждение слов В. Гумбольдта, в этом же контексте Ф. де Соссюр отмечает, что «язык представляет собой систему, в которой все элементы образуют единое целое, и значение одного элемента возникает только из одновременного присутствия других» [138, с. 75].

Из точки зрения этих известных ученых-лингвистов следует, что лексика представляет собой отдельный элемент языка, один из слоев языка, поэтому она может полностью выражать язык и быть предметом исследования во всей филолингвистике (экстралингвистике), в том числе этнолингвистика. Выдающийся таджикский лингвист Х. Маджидов также опирается на эту научную точку зрения, и отмечает, что «система языковых значений тесно связана с материалистической теорией отражения реальной жизни. С этой точки зрения каждое отдельное значение семантической системы языка отражает события реальной жизни как элемент логического мышления или вообще человеческого сознания» [97, с. 25].

Лексическое исследование активно обсуждалось особенно в XX веке, когда в лингвистике доминировало систематическое и структурное изучение языковых единиц. Он был разработан и реализован преимущественно методом компонентного анализа [162].

Как было подчеркнуто, слово как основная часть словарного запаса является важнейшей единицей языка и остается постоянной темой лингвистических исследований. Мысли и размышления каждого человека о реальности окружающего мира отражается в слове, в словарном запасе языка. По поводу понимания лингвистической и психологической сущности слова среди лингвистов до сих пор ведутся различные споры, а в прошлом веке существовало более 40 определений этого понятия, и до сих пор нет единого мнения и конкретного толкования этого термина.

Слово – многогранное и сложное языковое явление, имеющее множество различных признаков и характеристик. Поэтому отделить его от грамматики не

представляется возможным, так как в одном слове, которое описывается как самостоятельная единица значения, скрыто лексическое и грамматическое значение или грамматический порядок. «Словарное значение слов является непосредственным отражением предметов, событий, объективные явления жизни и различных отношений между ними. Прежде всего, они отражают сами объекты, их свойства и действия и процессы, являются непосредственным выражением этих предметов, событий и различных отношений между ними в сознании носителей языка» [97, с. 24]. В связи с этим каждую лексему относят к определенным лексико-грамматическим группам. В языках аналитического типа, к которому относится таджикский язык, слово как грамматическая парадигма включает в себя совокупность различных синтаксических форм. В них грамматические отношения передаются преимущественно посредством синтаксиса, т.е. через отдельные служебные слова (предлоги, модальные глаголы и т. д.), через устойчивый порядок слов, текста или тона, и объединяются посредством лексического значения.

Стоит отметить, что лексикология изучает значение слов и рассматривает их без учета грамматических особенностей или лексем. Лексема – это слово, содержащее набор грамматических форм.

Становлению теории лексического значения слова во многом способствовало изучение его системных связей. Поэтому различные стороны лексического значения слова составляют объект исследования лексического состава языка. Понятие «лексическое значение» не имеет единого определения, оно зависит от направления языкознания, в котором изучается словарный запас языка. Таджикский исследователь Х. Маджидов дает информацию о лексическом значении слов и разделяет их на свободные и устойчивые значения в зависимости от способа их появления: «Если лексическое значение слова имеет большую вероятность появления и становится более совместимым с другими словами, такое лексическое значение называется свободным смыслом. Если сфера словоупотребления ограничена, создаются устойчивые лексические значения» [97, с. 25]. Лексическое значение слова и ее интерпретация

определяются на основе сравнения с другими единицами, составляющими «лексическую ассоциацию». В рамках «лексического союза», имеющего определенную систему, семантическая характеристика слов связана с выделением смысловых компонентов.

Исследователи проанализировали свободные словарные значения и полагают, что они относятся к числу наиболее широко используемых значений семантической системы языка. Исходя из этого, свободные словарные значения делятся на концептуальные, эмоциональные, модальные и изъявительные [97, с. 25].

Концептуальное значение выражает логическое понятие в общем виде, и в нем в целом выражается предмет или событие реальной жизни. Лексическое значение эмоциональных слов относится к разным типам чувств и эмоций, и в нем, без добавления концептуального элемента, проявляются разные эмоции или находят свое конкретное значение. Выражение различного отношения, говорящего к произнесенной мысли, образует модальное словарное значение слова, которое всегда выражается в чистом виде. Изъявительное значение слова относится к предмету или событию, или просто называет его. Эти виды слов не выражают других значений и употребляются лишь как средство обозначения - имени.

Отсюда определено, что виды свободных лексических значений - концептуальное, эмоциональное, модальное и изъявительное считаются одними из постоянных элементов семантической системы языка. Поэтому «как постоянные элементы языковой системы они универсальны и понимаются всеми носителями языка одинаково» [97, с. 26].

Как уже говорилось выше, словарное значение лексемы определяется на основе сравнения с единицами, составляющими «лексический союз», а внутри «лексического союза» семантические характеристики слов связаны с выделением смысловых единиц (сема). Семантические единицы (сема) выявляются методом компонентного анализа на основе структурно-системного подхода. Сема – это дифференциальный семантический признак, то есть

смысловая единица, которая определяется при сравнении значений разных слов. Следует отметить, что семы также делятся на две группы: интегральные семы (целые) и дифференциальные семы (части).

Поэтому структурно-систематический анализ лексических единиц ориентирован на наличие значения слов (группы или компонента). Термины являются основой определения «лексической ассоциации», в рамках которой на основе сравнения значения слов термины целого и составляющих считаются необходимыми и достаточными для объяснения лексических единиц. Например, слова *кольцо*, *серьга*, *браслет*, *ожерелье* и т. д. обозначают женские украшения и наведения красоты. Указанные слова являются смысловой единицей (неполная сема) слова «украшение». То есть смысловая единица (сема) «украшения», употребительная для значения всех рассматриваемых слов, называется целостной смысловой единицей или целой (интегральной) семой. Одни и те же семантические единицы (семы), посредством которых значения слов - названий украшений отличаются друг от друга, называются дифференциальными семантическими единицами или компонентными семами.

Следует отметить, что семантическая единица (сема) не является самостоятельной смысловой единицей, в отличие от лексического значения, и в чистом виде в языке не проявляется. Поэтому их существование определяется только в результате глубокого исследования.

Например, значение слова *кольцо* включает в себя следующие термины: «материал украшения», «золото/серебро», «новое/старое», «мужское/женское», «специфичный для пальца». Если сравнить это слово со словами «*браслет*» и «*серьга*», то мы будем уверены, что некоторые компоненты значения всех трех слов являются общими, а некоторые индивидуальны и характерны для значения одного и того же слова:

браслет - «материал украшения», «золото/серебро», «новый/древний», «женский», «характерно для запястья»;

серьги - «материал украшения», «из золота/из серебра», «новое/старое», «женское», «характерно для уха».

Между лексикой и типами лексического значения существуют конкретные и абстрактные категории. Особую лексическую категорию составляют лексемы (этнографизмы в этнолингвистике), служащие для выражения названий предметов, признаков и явлений. Конкретные лексемы воспринимаются посредством чувств и занимают важное место в составе словарного запаса. Основами содержательной лексической категории являются смысловые единицы, которые выражаются понятиями, созданными в результате мыслительной деятельности человека. Они представляют собой группу объектов, отраженных в сознании человека в виде набора важных знаков.

Также исследователи разделили словарный запас на предикатные (повествовательные) и непредикатные (неповествовательные) слова, то есть указывают, к какому типу объекта и отношения относятся слова. Л. П. Крысин, анализируя лексическое значение слов отметил, что предикатные слова имеют актантную структуру и служат для выражения различных ситуаций. К видовому лексическому пласту относятся непредикатные слова, не имеющие в своем значении актанта: «Предикатные слова – это слова, обозначающие разного рода ситуации, непредикатные – слова, обозначающие конкретные предметы. Под ситуацией понимается такой фрагмент действительности, в котором можно выделить одного или нескольких «участников» (независимо от того, является ли участником лицо, неодушевленный предмет или какое-либо понятие)» [76, с. 40].

В лингвистических источниках упоминается, что слова употребляются в двух значениях: исходном и дополнительном. Первое значение слова часто называют первоначальным значением, его также называют основным, общим, номинативным, денотативным, узуальным и другими подобными терминами. Таджикский исследователь Х. Маджидов отмечает, что «При описании одновременного состояния лексических значений его называют главным значением, с точки зрения исторического развития его называют исходным значением, из-за его функций в языке его называют номинативным и так далее»

[97, с. 48]. Этот лингвист приходит к такому же выводу, называя первое значение главным значением, а остальные значения дополнительными значениями при описании современного состояния лексических значений слова. Такая группировка значений слов, конечно, произошла очень рано в лингвистике. Слова могут иметь дополнительное значение наряду с основным значением, которое также выражается международным термином «коннотация». Под коннотацией понимается совокупность слов, возникающая при произнесении или принятии определенного слова. Коннотации (дополнительные лексические значения) являются логическим продолжением основного значения. Они отражают разные признаки основного значения и разные признаки того, что связь разных значений слов со многими значениями проявляется именно в этой их характеристике. Часто коннотации в разных языках различаются в зависимости от их национального происхождения. Например, в одном языке слово может иметь фиксированное значение, а в другом языке то же самое слово может обозначать понятие, объект, состояние или ситуацию с дополнительными эмоциональными значениями. Например, в таджикском языке, в отличие от китайского, различные коннотативные значения морфологически передаются через определенные суффиксы и предлоги. Их также можно создать с помощью метафор. Слова, в основе которых лежат разные способы метафоризации (лексическая метафора), могут приобретать переносное значение. «Лексическая метафора – это вид метафоры, в основе которого значение одного слова переходит в другое слово в зависимости от смежности объектов, представляющих эти значения, созданных в определенном пространстве и времени» [97, с. 54]. Значения, созданные методом лексической метафоры, признаются постоянными значениями языковой системы.

В лексической системе языка слово может иметь разные значения. Многозначность слов указывает на то, что язык является ограниченной системой, и не может перечислить все предметы, ситуации и явления, окружающие наш мир. Важным аспектом многозначного слова является то, что

оно фиксирует в форме одного слова разные стороны реальных событий, и все эти значения связаны друг с другом. Отдельные значения таких слов предстают как звенья упорядоченной цепи. Именно эту идею в виде теории лексических и семантических изменений слов излагает известный российский лингвист В. В. Виноградов. Эта теория предполагает возможность расчленения многозначного слова на минимальные двусторонние лексические единицы и о соотнесении данных единиц с определенными, «фразеологическими» контекстами, в которых они реализуются в речи» [181, с. 156-162]. В. В. Виноградов упоминает, что «общие изменения в семантической структуре языка происходят в результате взаимодействия грамматических и лексических факторов» [37, с. 42].

Затем на вопрос о лексико-семантических изменениях обращает внимание другой российский исследователь А. Я. Смирницкий и анализирует в своем творчестве. Термин «лексико-семантический вариант слова» впервые использовался в работах этого исследователя. А. И. Смирницкий назвал «лексико-семантический вариант двусторонней единицей, формальную сторону которого составляет форматив, а содержательную – одно из значений многозначного слова» [137, с.46].

Стоит отметить, что семантический процесс в слове имеет многогранный характер. События, происходящие в лексическом составе языка, находят отражение в семантическом процессе. Это касается, в частности, функционального разнообразия слова в различных его лексических и семантических формах. Такая ситуация становится понятной, когда речь идет об определении значения слова, то есть в смысловом составе слова лексико-семантический тип слова приобретает терминологический характер. При этом следует отметить, что в лексико-семантическом составе имеются и слова, имеющие лишь терминологический характер.

Стоит отметить, что семантическое поле характеризуется одинаковым концептуальным наполнением своих единиц, поэтому его состав обычно составляют не конкретные слова, связывающие свое значение с разными

понятиями, а *лексико-семантический тип*. Лексико-семантические типы – это виды слова, имеющие только лексическое значение и употребляющиеся в конкретных предложениях. Многозначные слова часто со своими значениями относятся к разным семантическим полям.

Теорию семантическое поле впервые предложил немецкий лингвист Й. Трир. В предложенной им теории он упоминает, что слова связаны друг с другом по смыслу и вместе образуют интегральную систему. По мнению этого исследователя, разные слова связаны друг с другом внутри одного и того же семантического поля, и значение каждого слова зависит от значения соседних слов этого семантического поля. Значение слова определяется его связью с другими словами лексического фонда. То есть исходное значение слова можно определить, только соединив слова языка в интегральную систему и проанализировав семантические отношения между словами.

Ю.Д. Апресян провел исследование семантического поля и подчеркнул, что «Словарный запас языка не представляет собой случайную кучу лексических единиц. Его можно разделить на несколько направлений. Эти фразы объединяют слова, имеющие одно и то же значение. Поэтому значение слова не является вполне самостоятельным» [19, с. 89].

Исследователи В. А. Звегинцев и Л. В. Малаховский размышляли над проблемой лексико-семантического резерва: В. А. Звегинцев отмечает, что: «Значение слова – это совокупность его лексико-семантических вариантов» [57, с. 64]. Л. В. Малаховский отмечает, что «полисемантическое слово действительно обладает множеством разных значений, однако все эти значения представляют собой лишь разные реализации, разные проявления единого семантического целого, или, пользуясь термином А. И. Смирницкого, разные лексико-семантические варианты слова» [87, с. 45].

Слово как единица языковой системы находится не только в синхроническом и диахроническом состоянии, также находится в связующем звене между парадигматикой и синтагматикой. Л. А. Новиков отметил, что границы семантических полей не фиксированы, поэтому их изменение

неизбежно при изменении принятой нормы. Лексические единицы в семантическом поле могут быть количественно ограничены, а могут образовывать очень большую группу. Следовательно, компоненты семантических полей могут охватываться разными микрообластями.

По мнению некоторых ученых слова существуют как целые единицы в семантическом поле. Поэтому языки отличаются друг от друга и каждый период существования языка имеет свои различия, заключающие различные нормы и значения.

Разрабатывая теорию семантического поля, ученые обосновывали положение, согласно которому слово является частью лексического поля, и каждая часть этого поля ограничена соседними с ним частями. Изменение значения одного слова в словарном поле приводит к изменению значения других единиц.

С.Я. Ожегов интерпретировал положение лексики в языке и отмечал, что «сейчас вообще трудно представить лексический состав языка как некую систему в совокупности разнообразных связей. Необходимо изучить «узлы» механизма, лексические группы и их поведение в языке» [110, с. 47].

В зависимости от языкового уровня слова классифицируются на следующие группы: лексико-тематические, лексико-грамматические, семантические и синтаксические группы. Исследователи в лексико-семантической области выделили также следующие группы слов: семантическая группа, лексико-семантические группы, тематические группы слов и др [152]. Такая же классификация есть в работах Л.В. Щербы [171]. Исходя из его исследований, каждая группа имеет свои особенности и требует определенных методов исследования.

Одним из основных вопросов, часто возникающих при лексических исследованиях, является классификация слов по тематическим группам. Слова языка связаны с той или иной темой благодаря положению их употребления в разных сферах жизни человека, которое классифицируется с точки зрения языкознания. Тематическая группа очень интересна и точна в следующей

трактовке: «Тематическая группа – это лексическая группа, в которой лексика объединена по денотативному признаку, т. е. по обозначению реалий действительности. Тематические группы классифицируют все элементы действительности – от предметов домашнего обихода до небесных тел, с одной стороны, и мыслительных процессов, с другой стороны» [214].

В традиционном языкознании лексико-смысловая группа называется лексико-семантической группой в широком смысле. Грамматическое положение составляющих лексических единиц этой группы является ее важнейшей особенностью.

Понятно, что лексическая система формируется при наличии набора слов, имеющих отдельные значения. Такой набор слов называют лексико-семантической парадигмой, а смысловые отношения между членами парадигмы – парадигматическими отношениями.

Парадигматические отношения служат главным образом основой для описания лексических и семантических парадигм. Поэтому они сами зависят от принадлежности слов к той или иной части речи. Вот почему существует большая разница между словами с предметным значением – существительным и словами с конкретными признаками – глаголом, прилагательным, наречием.

Парадигматические отношения всегда отражают отношения между существующими явлениями действительности. Однако эти отношения регулируются лексико-семантической областью языка. Поэтому трудно говорить о классификации слов, основанной только на классификации предметов и явлений.

Таким образом, общность содержания лексики или лексико-семантических типов слов является основанием для определения парадигмы как элемента лексико-семантической системы языка. С развитием новых областей языкознания, в том числе этнолингвистики и лингвокультурологии, лексика рассматривается как совокупность лексических единиц, представляющих собой отдельную часть национальной картины мира, имеет лексический характер и рассматривается как общий семантический компонент.

1.3.1. Этнографизмы и языковая картина мира

С формированием форолингвистических направлений значительно расширилась и область лексических исследований. Каждое направление экстралингвистики исследовало лексику на основе своей темы. В частности, лексика стала основным материалом этнолингвистических исследований, только с помощью которого в этнолингвистике можно изучать язык и культуру, особенно обычаи, традиции, национальные и этнические обряды.

Важный вопрос в этнолингвистике о тесной связи языка и культуры и их взаимном влиянии не новшество, но эти исследования в лингвистической науке приобрели сегодня двойное значение и создали новую научную парадигму о языке и способах её исследования и описания. Теория познания мира посредством языка, а также взаимосвязь языка и мышления, различные представления о познании мира, личности людей и их мировоззрении были выражены в трудах Вильгельма фон Гумбольдта в XIX веке. Он трактует язык как выражение «духа народа» и культуры, воплощенную в языке и передаваемую из поколения в поколение, как «объединённая духовная энергия народа, чудесным образом запечатлённая в определенных звуках» [47, с. 5].

Этнолингвистика изучает язык как культурный феномен. Исследователи-лингвисты трактуют тему этнолингвистики как исследование психологических, национальных и этнических особенностей, и считают, что этнолингвистика изучает язык и его взаимосвязь с культурой, изучает лингвистические, этнокультурные и этнопсихологические факторы взаимодействия в практике и эволюции языка, отражает их особенности в языковой системе, описывает культурное значение языковых знаков в синхронических и диахронических ситуациях, определяет культурно-национальное мышление носителей языка. Фактически, все эти особенности изучения и исследования этнолингвистики невозможны без существования лексических единиц, в том числе этнографизмов и реализмов. То есть

этнолингвистика сопровождается лексикой в ходе всех этих исследований. Только через лексику происходят важнейшие исследования этнолингвистики.

Лексика того или иного языка содержит набор специальных слов, не употребляемых другими языками и народами и имеющих локальный характер. Совокупность таких слов называется этнографизмами.

Этнографизмы – это в основном названия предметов и понятий, которые характерны для повседневной жизни той или иной национальной культуры и не соответствуют ни одному предмету или понятию другой национальной культуры. Поэтому этнографизмы вводятся в речь на другом языке без попыток заменить их приближающимися по смыслу словами-понятиями этого языка. В данном случае такие слова только интерпретируются.

По мнению академика А. Кайдар этнографизмы состоят из слов и словосочетаний, выражающих особые названия объектов и действий, употребляемых в повседневной жизни людей: «Этнографизмы – это особые словосочетания и названия, описывающие особенности жизни и языка народа, предметы быта, которые использовались в прошлом или используются в настоящее время, употребляются применительно к профессии, хозяйству, обычаям и традициям, вере, жилью, одежде, пище, семейным отношениям, особенностям государственного управления, правопорядку, традиционному праву» [66, с. 18-22].

Термин *этнографизм* в «Словаре лингвистических терминов» толкуется следующим образом: «Этнографизмы — это названия предметов понятий, характерных для быта, хозяйства какой-то национальной культуры, не адекватных каким-либо предметам или понятиям другой национальной культуры. Этнографизмы не однородны в литературном языке. Например, *туес* – сосуд из бересты» [196, с. 470].

Этнографизмы – это знаки, которые используются в языке, принадлежащем к определенной этнической группе, и со временем они распространяются на другие языки. Также этнографизмами называют еще лексические диалектизмы, используемые в определенной местности.

Согласно точке зрения Т.В. Жеребило в диалектологии этнографизмов классифицируют как безэквивалентные лексические единицы и такие слова не имеют синонимов в литературном языке и его диалектах и не подлежат переводу. Безэквивалентные лексические единицы – это те виды слов, которые не имеют собственного перевода на другом языке и могут быть истолкованы только через интерпретацию значения.

В лингвистике термин «этнография» иногда употребляется с терминами «экзотическая лексика», «варваризмы», «этнокультурная лексика», «без эквивалентного слова» и т. д.

Следует отметить, что Т.В. Жеребило выделила следующие виды диалектизмов и включила этнографизмы в эту группу

- 1) фонетические;
- 2) грамматические;
- 3) словообразовательные;
- 4) собственно лексические;
- 5) семантические;
- 6) этнографические (этнографизмы), не имеющие синонимов в литературном языке [196, с. 58].

Термин *этнографизм* в таджикском языкознании трактуется по-разному. Группа лингвистов считают этнографизмы разновидностью диалектизмов, а другие считают их обособленными от диалектизмов. Подобные идеи обсуждаются и среди российских лингвистов [32, с. 104-109].

В таджикском языкознании термин этнографизм широко применяется в исследованиях С.К. Матробиён [2012]. В отдельной статье под названием «Этнографизмы Навруза» он проанализировал этнографизмы, характерные для Навруза Вахана [93, с. 15-18]. Таджикский лингвист С.К. Матробиён называет этнографизмы как отдельную единицу лексики, упоминает, что «Этнографизмы не могут быть частью диалектизмов, поскольку диалектизмы, если они специфичны для диалекта или диалекта одного языка, но этнографизмы могут принадлежать и к другим существующим языкам в ограниченной области и

представляют собой лексемы, популярные только в этой области, не имеющие эквивалента в другом языке и употребляющиеся как реалии. Этнографизмы представляют собой главным образом термины обычаев и традиций, которые иногда выходят за границы языков» [90, с. 176].

Этнографизмы анализируются и в работе С. Шердиловой [2023], которая отмечает, что «Этнографизмы могут принадлежать и к другим языкам, существующим на ограниченной территории, и они по большей части объясняют названия вещей, которые только в этой области являются известны и не имеют эквивалента в обычном языке. Некоторые этнографизмы, встречающиеся в речи Горонских таджиков, распространены и в бадахшанских языках. Иными словами, это свидетельствует о том, что образ жизни этих людей, их уникальные обычаи и традиции привели к возникновению в этом регионе специфической этнографии. В речи Горонских таджиков, относящихся к различным областям, можно наблюдать этнографизмы, которые употребляются в виде слов, словосочетаний и предложений» [169, с. 27].

Действительно, если учитывать эту же точку зрения в контексте с женскими украшениями, то слова и выражения, выражающие женские украшения в шугнанском языке, используются и в других бадахшанских языках, находящихся в том же этнолингвистическом ареале.

Этнографизмы служат уникальным примером формирования и пропаганды особенностей и факторов развития языка и культурных ценностей народа. Через этнографизмы можно проследить даже историю формирования носителей отдельного языка и культуры. Исследователи относят этнографизмы к безэквивалентным словам, т.е. словам, не имеющим полного или частичного лексического эквивалента в другом языке. Этнографизмы – это в основном наличие этнографических признаков, характерных для определенного этноса, не имеющих аналогов у других народов и наций и имеющих свои специфические детали и объяснение. Российский исследователь Н. Н. Мухина в статье о безэквивалентной лексике упоминает несколько типов безэквивалентных цитируемых слов: «Таким образом, можно установить

определенную градацию пространственного характера в семантике рассмотренных видовых терминов, именующих безэквивалентные слова: экзотизм – этнографизм – регионализм – локализм». В современной лингвистике значительной регулярностью обладает и термин «реалия», распространение которого обусловлено практикой переводоведения. Под этим термином понимается «предмет, понятие, явление, характерное для истории, быта, культуры, уклада определенного народа. Реалия – также слово, обозначающее такой предмет, явление и понятие...» [104, с. 1760].

Термин «реалия» относится к словам, которых не существует в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Исследователи С. Влахов и С. Флорин отмечают: «Безэквивалентная лексика не имеет переводческих эквивалентов в языке перевода; реалии – это часть безэквивалентной лексики, носители национального или исторического колорита...» [39, с. 47]. Исследователь В. П. Конецкая также поддерживает этих ученых и отмечает: «универсалии – эквивалентная лексика, квазиреалии – фоновая лексика, собственно реалии – безэквивалентная лексика» [73, с. 463-466].

Таким образом, по мнению С. Влахова и С. Флорина можно согласиться, что термин «этнографизм» связан с термином «реалия» и оба соответствуют ряду «безэквивалентных слов», «экзотик», «колоритных национальных слов», «культурно-коннотативных слов», «лакуна» и т. д.

Раскрыть значение и понятие этнографизмов на другом языке шире и полнее помогает словарное толкование и объяснение посредством качественного перевода и нахождения его эквивалента. Такой процесс позволяет носителю другого языка лучше понять его. Например, трактовка слов украшений на шугнанском языке, таких как *peřak* «особая лента, которую заплетают в волосы женщин и девушек, обычно красного цвета», *řeroz* «особое украшение, которое плетётся разными узорами и пришивается к нижней части тюбетейки», *pulk* «вид украшения из ниток разных цветов, которое в качестве украшения пришивается на тюбетейку и бадахшанских джурабов

(носков», *titak* «маленький платок», *šol* «большой платок, шаль», *sifc* «бусы», *sifcaken* «бусинки разных цветов, из которых изготавливаются различные украшения с цветными узорами» нуждаются в особом пояснении, поскольку только их перевод не может отразить полный смысл слова.

Следует отметить, что этнографизмы могут описать реальность жизни небольшого этноса. Они представляют реалии, имеющие локальные особенности, а также включают практически все сферы жизни, образуя тематические группы, такие как одежда, предметы быта, продукты питания, животные, растения и т. д.

Названия местных реалий отличаются в зависимости от обычаев, образа жизни и климатических условий, которые связаны с мировоззрением и восприятием окружающего мира разными культурными и этническими общностями.

В связи с этим следует отметить, что этнографизмы в языке имеют свои функциональные особенности, способные выражать разные оттенки значения. В одной из своих статей Симакова А. В. называет этнографизмы колоритными культурными коннотациями лексем, и упоминает, что этнографизмы находятся в центре научного внимания, поскольку отражают мировоззрение народа - своих носителей. Этот исследователь предлагает несколько типов прагматических функций этнографизмов:

- социопрагматическая (разделение общества на сословия);
- презентационная (предметная детализация текста, «украшение» текста);
- дескриптивная (характеристика персонажей, описание внешности, поведения);
- эмоционально-оценочная (демонстрация чувств - отношения персонажей, описание настроения героев);
- юмористическая (комические детали: как ситуативный юмор, так и языковая игра) [136, с. 92-95].

История языка тесно связана с историей народа, владеющего им и создающего его, и этот язык считается их родным языком. Поэтому вопросы,

связанные с прошлым и настоящим этого языка, можно изучать в рамках истории его народа. Однако стоит отметить, что между историей народа и историей языка существует двусторонняя связь. Эволюция языка и его достижения на протяжении всей истории нации, безусловно отражают национальный имидж. В этом смысле казахстанский исследователь М. С. Атабаева отмечает: «Языковой мир – это синтез тысяч, миллионов единиц, важных для существования этноса» [22, с.11]. В языке каждого народа понятие мира отражается в лексемах как языковая картина мира, а лексемы, в свою очередь, образуют концептуальные категории мира. Поэтому через них можно изучать образ мира, события, происходившие в нем, и вообще национальные особенности, составляющие специфическую культуру определенного народа. Каждая лексема имеет своё название, которое связано с материальным и духовным миром нации. Эти названия – национальное явление, сохранившие в себе информацию о материальном и духовном мире, мировоззрении, мышлении, представлениях, особенностях, сознании и обычаях народов. Например, узоры, изображенные в таджикских тюрбетейках, называются по-разному и достаточно популярны в народе.

Названия материальной культуры, выраженные в лексемах, определяют достижения сознательного труда и мировоззрения каждого народа. К материальной культуре, определяющей деятельность людей, относятся названия продуктов питания, одежды, жилья, дома, оборудования и т. д., являющиеся важнейшими материалами для изучения истории народа. Например, *пакол* в шугнанском языке, в таджикском языке распространен под названием *токи*. ***Pakol*** «разновидность женской одежды, один из видов головного убора». Оно существует с древних времен, широко используется людьми и имеет свои особые узоры. Если внешний вид тюрбетеек из-за географического положения регионов круглый, по узорам *šeroz* и высоты они совершенно отличаются друг от друга. Лексема ***pakol*** является общеиранской единицей. «Вероятно, вторая часть данной единицы возводится к шуг. руш. ***kal***,

хуф. бр. *kul* «голова», а первый элемент ра к шуг. -руш. предлог *pi* «на», букв. «на голове» [108, с. 113].

Древние названия материальной культуры большей частью сохранились в традициях и обрядах. Национальные традиции формируются на основе простейших примеров обычаев и обрядов. По мнению А.Т. Кайдарова «они употребляются в обществе в определенное время и в определенном месте и связаны с определенной ситуацией» [67, с. 18-22]. Такие лексемы в языке образуют этнографизмы, которых еще называют этнографической лексикой. Казахский исследователь О. С. Токенов объясняет их таким образом: «Этнографизмы — особые названия, описывающие особенности предметов быта и особенностей национального языка, используемые в определенном месте, хозяйстве, традициях и обычаях, обрядах, верованиях, жилищах, одежде, пищи, в семейных отношениях, характеристике власти, правопорядка, традиционных прав, использовались в прошлом и некоторые из них используются и сегодня» [144, с. 63].

Российский исследователь А. Л. Фокеев в своей диссертации о месте этнографизмов в художественных произведениях провел исследование и использовал для этнографизмов следующие термины: «фольклорно-этнографические элементы», «этнографический реализм», «этнографический процесс критического реализма» [153, с 34].

Из употребления таких терминов отчетливо видно, что они интерпретируются неправильно. В частности, А. Л. Фокеев придерживается мнения, что «Этнографизм имеет свои особенности в различных жанрах и стилях древней литературы, но во всем ее существовании присутствовали реалистические элементы и реалии повседневной жизни, которые показывали уровни и этнопсихологические особенности общественного сознания и психологии стабильных групп» [153, с.34].

Античная литература имеет свои характерные этнографизмы, соответствующие своему времени. Некоторые из них исчезли и не дошли до нашего времени и их место заняли новые слова, но некоторые другие дошли до

наших дней в том же виде. Особенность подобных этнографизмов в художественных произведениях состоит в том, что они сохранились в книжной форме и воспроизводились как этнографические материал самого разного содержания, созданный с использованием словарной системы произведения. Поэтому стоит отметить, что формы литературного выражения этнографизмов зависят от личных особенностей писателя.

Также наряду с произведениями искусства в разных жанрах фольклора отчетливо просматриваются многие этнографизмы. Подобные этнографизмы тесно связаны с национальным имиджем носителей языка.

По словам А. В. Чернова в художественном произведении этнографизмы усиливают социальное звучание: «изучение особенностей семантики, функций, лингвокультурной адаптации кулинарных этнографизмов так же позволяет взглянуть на национальную культуру с позиции глуттонического или другими словами гастрономического дискурса, а также расширить понимание художественного текста посредством выявления основных лингвостилистических функций данных единиц» [165, с. 13].

Действительно, роль этнографических единиц, особенно этнографизмов, весьма заметна в изображении национальных особенностей и идей. Национальные особенности в произведениях искусства являются не только морально-психологической категорией, но и разновидностью этнопсихологической категории, которая определяется в творчестве писателя. Следует отметить, что в литературе этнографизмы как средство выражения дают информацию о нравственных качествах народа, его мышлении и национальной истории. К сожалению, существенной работы по вопросу положения этнографизмов в таджикской литературе до сегодняшнего дня не проведено.

Таким образом, этнографизмы или этнографическая лексика является основным объектом изучения этнолингвистики. Исследователи считают их не только смесью языкознания и этнологии, но и отраслью языкознания, выражающей такие языковые особенности, как традиции и обычаи

определенного народа, и посредством языковых свидетельств проявляющей духовную и материальную культуру, как результат интеллектуальной и сознательной деятельности людей.

1.4. Роль этнолингвистики в изучении бесписьменных языков Таджикистана

В лингвистической литературе язык считается источником мыслей, идей, видения и знаний людей. Также он считается надежным источником для изучения культуры и истории носителей языка. Исследователи этнографии и лингвистики очень хорошо понимали эту важность языка и поэтому изучали его, опираясь на культуру, традиции и обычаи народа или нации. Поэтому в Америке было начато первое изучение языка и культуры, получившее название «антропологическая лингвистика» и «этнолингвистика» в Западной лингвистике. Следует отметить, что американская этнолингвистика, прежде всего, входит в область языкознания как средство изучения бесписьменных языков. Позднее ее наследницей стала французская этнолингвистика, продолжив эту традицию и уделив основное внимание бесписьменным языкам. Вот почему высоко ценится роль этнолингвистики в исследовании, изучении и анализе бесписьменных языков.

В таджикском языкознании также очень хорошо развита область этнолингвистики, которая играет ключевую роль, особенно в изучении бесписьменных языков. Известно, что Таджикистан считается одной из многонациональных и многоязычных стран. Таджикский язык и группа восточно-иранских языков Таджикистана являются прекрасным примером истории таджикской нации. Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон очень точно отметил важность этих языков: «Сегодня по языковому богатству Таджикистан подобен музею живой истории. Несколько древних языков, принадлежащих к группе восточно-иранских языков, до сих пор существуют в Бадахшане, а также ягнобский в верховьях Зарафшана. Эти

языки представляют собой бесценную лабораторию истории языков, и необходимо их сохранять и изучать как можно лучше с научной точки зрения, особенно этнолингвистической» [177, стр. 27].

Поэтому в этнолингвистические исследования была включена группа восточно-иранских языков, считающихся бесписьменными языками Таджикистана [94, с. 79-85].

Таджикский языковед Х. Маджидов, изучая социолингвистическую ситуацию языков Таджикистана, отмечает: «Таджикистан – это многоязычная, густонаселенная, многокультурная и многоконфессиональная земля, в которой живут и работают носители языков различного происхождения и структуры» [96, с. 4].

Относительно исследований по направлению таджикской этнолингвистики С. К. Матробиён написал книгу [90], где очень точно излагает информацию о достижениях таджикских исследователей. Исследователь упоминает, что «...поле исследований в этих лингвистических областях очень широкое и обширное. Однако мы ограничимся лишь весьма малой частью этих областей – лексикой духовной культуры, которая тесно связана с этнолингвистикой. Выяснялось, что в таджикском языкознании в этом вопросе лингвисты приложили немало усилий и в некоторой степени сумели раскрыть проблему в рамках данных областей. Самое главное, что в выполненных работах использовались этнолингвистические методы и подходы» [90, с.76].

На самом деле сфера этнолингвистических исследований очень широка, поскольку в ее основе лежат обычаи и традиции того или иного народа, утратившего язык или до сих пор являющимся бесписьменными.

В «Красную книгу языков» ЮНЕСКО включено 10 таджикских языков, к которым относятся следующие языки: ягнобский, среднеазиатский арабский, пари (перя), язгулямский, бартангский, орошорвский, рушанский, шугнанский, ишкошмский и ваханский.

Эти языки подвергались этнолингвистическим исследованиям еще в прошлом веке. С. К. Матробиён раскрывает этот вопрос в своей книге и, в

частности, отмечает: «В конце XIX и в начале XX века наряду со сбором этнографических материалов и их исследованием, иностранцы также уделяли большое внимание исследованиям среднеазиатских языков, особенно таджикского языка, и к языкам, используемым в Бадахшане и Ягнобе». Часть лингвистов уделяли внимание только грамматическим исследованиям, другая часть, познакомившаяся с бесписьменными языками долин Бадахшана и Ягноба, осознают, что такие языки трудно изучать без освоения их материала и духовной культуры» [90, с. 175]. Ниже мы рассмотрим некоторые этнолингвистические исследования, посвящённые анализу этих языков.

Один из бесписьменных языков Таджикистана распространён в долине Ягноба. Таджикский исследователь С. Мирзоев, в частности, отмечает об этом: «Ягнобский язык является продолжением или одним из диалектов согдийского языка и принадлежит к группе восточно-иранских языков» [100, с. 7]. Научных исследований по этому языку достаточно, но этнолингвистических исследований немного. Первые исследователи, опубликовавшие этнолингвистические материалы по этому языку были М.С. Андреев и А. Писарчик [16], научная диссертация Б. П. Алиева [6] представляет собой законченный научный труд, основанный на материале этнографической лексики ягнобского языка. Алиев Б. П. анализирует этнографическую лексику ягнобского языка с этнолингвистической точки зрения; в первой главе работы анализируется лексика, связанная с материальной культурой, с имуществом, домом и местом проживания, лексика одежды, обуви, головных уборов, терминами, обозначающими названия продуктов питания, лексика полей, слова, выражающие орудие труда, лексика ткачества, прядения и шитья, названия женских декоративных украшений, лексика гончарного дела и тому подобное. Вторая и третья главы работы посвящены анализу лексики духовного наследия ягнобоязычных таджиков – национальных и народных праздников, лексики народной медицины, болезней и траура. Также в книге С. Мирзоева под названием «Местные традиции и ягнобские песни» [100] анализируются с

этнолингвистической точки зрения термины традиционных устройств и слов, связанных с церемониями и обрядами.

Язгулямский язык относится к группе бадахшанских (памирских) языков и считается одним из бесписьменных языков Таджикистана. Таджикский исследователь И. Рахимов защитил о язгулямском языке докторскую диссертацию на тему «Язгулямская этнографическая лексика в историческом освещении» [128]. Диссертация посвящена исследованию и изучению истории язгулямского языка. И. Рахимов уделяет внимание этнолингвистическим проблемам и подчеркивает важность этнолингвистического анализа бесписьменных языков. Данное научное исследование является одной из первых работ, написанных целиком на материале этнолингвистики. Автор диссертации отмечает недостаточное внимание исследователей к этнолингвистическому аспекту таджикского языкознания: «К сожалению, положительных исследований в области данного вопроса в отечественной науке не так много. В области языков и культуры Бадахшана примеры комплексных результатов этнолингвистических исследований можно найти в научной деятельности выдающихся российских востоковедов (ирановедов) М. С. Андреева, И. Я. Зарубина и их учеников, и последователей В. С. Соколова, Д. И. Эдельмана, научные труды которых сыграли важную роль в построении памирологии и формировании ее части – этнографии и языкознания. Следует признать, что памирские языки вообще и язгулямский язык в частности в последнее время не привлекались к этнолингвистическим исследованиям ни синхронно, ни диахронно» [128, с. 3].

Таджикский лингвист И. Рахимов целиком посвятил свою диссертацию этнолингвистическому анализу этнографической лексики язгулямского языка: первую главу – этнолингвистическому анализу путей развития лексики язгулямского языка; вторую главу – этнолингвистической интерпретации терминов язгулямского языка, посвященной одежде, обуви и головным уборам, технологии их производства; аналогичным образом названы следующие главы работы.

Группа шугнано-рушанских языков. В эту группу входят рушанский язык с диалектами бартангский, хуфский, рошорвский и шугнанский язык с диалектами баджувский и шахдаринский. Эти языки также являются бесписьменными языками. Лишь в 30-е годы прошлого века для шугнанского языка был разработан алфавит на основе латиницы, но он просуществовал недолго, и в конце 30-х был отменен. По этим языкам и диалектам проводятся значительные этнолингвистические исследования. Первыми исследователями, давшими этнолингвистические сведения об этих языках, был И. И. Зарубин [53; 54; 55; 56] и М.С. Андреев [15]. Позднее таджикские исследователи, особенно в период Независимости, продолжили этнолингвистические исследования этих языков.

Здесь представляется уместным упомянуть научную диссертацию таджикского лингвиста М.М. Аламшоева [5]. Данный исследователь изучает животноводческую лексику шугнанского языка с этнолингвистической точки зрения. В данной диссертации анализируются и обсуждаются все термины, относящиеся к области животноводства, применительно к народным обычаям. Еще одна работа, посвященная исключительно этнолингвистическим исследованиям, является диссертация Ш.Ф. Зоолишоевой [61]. В этой диссертации исследователь обратила внимание на выражение цветов с исторической точки зрения и проанализировала их в связи с культурными особенностями и традициями. В 2006 году Броимшоева М. К. защитила диссертацию [31], в которой верования людей вовлекаются в этнолингвистический анализ. Аналогично и другие диссертации исследователей как У. Булбулшоева [34], С. Саркорова [132] Ш. Некушоевой [107], С. Аноятшоева [17] анализируются в рамках этнолингвистики.

При этом следует подчеркнуть, что научная диссертация таджикского исследователя Х. Шамбезода на тему «Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума: на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении» (2007) посвящена социоллингвистическим проблемам, но в ней правильно анализируется

этнический вопрос шугнанского языка. Исследователь упоминает: «Являясь бесписьменным языком, шугнанский язык представляет собой открытую языковую систему, на которую воздействуют литературные языки, обладающие большим объемом общественных функций. Вместе с тем жизнеспособность шугнанского языка проявляется в силу своего системного характера, которым обладает любой язык. Длительное и активное воздействие таджикского языка на шугнанский не сказалось коренным образом на его фонетической и грамматической системах: несмотря на то, что шугнанский язык обладает ограниченным объемом общественных функций – используется только в сфере семейно-бытового и неофициального общения, в условиях активного и массового полилингвизма, он совершенствуется и обогащается за счет различных лингвистических единиц иноязычного происхождения, мобилизуя одновременно свои внутренние языковые ресурсы» [168, с. 115].

Ишкашимский язык. Ишкашимский язык также входит в группу бадахшанских (памирских) языков и считается одним из бесписьменных языков. Этнолингвистических исследований этого языка проведено очень мало. Единственным исследователем, написавшим отдельные статьи по ишкашимскому языку с точки зрения этнолингвистики, является З Назаров. Однако с этнолингвистической точки зрения по этому языку не проведено полноценное научное исследование. Здесь можно упомянуть работы известного исследователя Т. Пахалину, в которых, по традиции, наряду с фонетическими и грамматическими исследованиями, отдельные тексты посвящены описанию повседневной жизни и обычаев носителей ишкашимского языка.

Ваханский язык. Ваханский язык также относится к группе бадахшанских (памирских) языков. Что касается ваханского языка, то многие этнографические материалы были собраны и изучены в данном направлении М.С. Андреевым [13], И.И. Зарубиным, И.М. Стеблин-Каменским [141].

Статья А. Мирбобоева под названием «Об одном этнолингвистическом явлении в лексике летовщиков Вахана», в котором приводятся сведения об обряде ваханцев на летнем пастбище. В частности, исследователь

подчеркивает: «Многие этнографические факторы, в том числе табу, вызвали изменения в лексике ваханского языка. Чтобы защитить скот и другое имущество от диких животных, древние пастухи добились исключения из Ваханского языка таких иранских названий животных, как ав. *vahrka* «волк», *arəša* «медведь», *rauras(a)* «лиса». Вместо этих «запрещенных названий» животных употребляются следующие эвфемизмы: *šart* «волк», *nəvərdum* «медведь», *nəxšir* «лиса». Подобные этнолингвистические явления существуют среди скотоводов и сегодня» [99, с. 15].

Следующий таджикский лингвист С.К. Матробиён защитил в 2005 г. диссертацию на тему «Лексика традиционных игр ваханцев в этнолингвистическом освещении» [92].

Таким образом, исследования, проводимые в рамках этнолингвистики по бесписьменным языкам Таджикистана, действительно дают хорошую научную основу для изучения языка, культуры, обычаев и традиций таджикского народа. Благодаря таким исследованиям можно познакомиться с бытом и древними обычаями таджикского народа, жившие в разных регионах.

1.4.1. Значение этнолингвистических карт в сохранении бесписьменных языков

Используя этнолингвистические методы исследования, можно точно изучить границы применения и публикации этнографизмов и реалий, характерных для разных языков и культур, особенно бесписьменных языков. Одним из устоявшихся методов этнолингвистики является метод картографии. Таджикский исследователь С. Матробиён отмечает о картографических методах: «Картографические методы - опрос, непосредственный разговор с носителями языка для определения местного произношения, изоглосса для определения языковых явлений (в том числе ономастики, диалектизм, этнографических слов (этнографизмов) и др.) и интерпретации слов, позволяют определить пределы расширения этнолингвистических единиц, разграничить

рамки между культурами разных этносов, установить историко-культурные истоки и формирование языка этносов» [90, с. 73].

Этнолингвистическая картография главным образом ориентирована на изучение границ распространения этнографизмов и реалий народных обрядов, традиций, ономастики и этнокультурной лексики в целом.

Картография, наряду с применением в таких науках, как география, археология, этнология, широко применяется и в лингвистике. С. М. Толстая обратила внимание на вопрос картографии в языкознании и отметила, что «Услугами географии пользуются многие гуманитарные науки. Археологи наносят на карту типы древних поселений, захоронений или керамики; этнографы – виды жилища или одежды; лингвисты – слова, формы или звуки языка» [145, с. 213].

Известно, что в лингвистике этим вопросом больше интересуются этнолингвисты и диалектологи. Исследователи уделяют внимание вопросу использования этнолингвистических карт и считают, что разработка лингвистических атласов невозможна без изучения закономерностей бесписьменных языков и теории грамматических явлений закономерностей. В этом же смысле В. П. Грабовский объясняет лингвистические карты как источник изучения истории языка: «Любая лингвистическая карта может содержать более или менее исторический материал на разных уровнях языка... Материал лингвистических атласов является одним из реальных источников изучения истории языка» [44, с. 54].

Фактически разработка карт или лингвистических атласов крайне необходима для бесписьменных языков. Потому что с помощью этнолингвистических карт становится понятным границы распространения этнографических слов.

Лингвисты и исследователи считают этнолингвистическую картографию частью лингвистической картографии и полагают, что «она, в свою очередь, представляет собой разновидность метода обработки языкового материала, основанного на регистрации фонетических, лексических и грамматических

единиц языка и его стилей в зависимости от пределов их распространения» [90, с. 61]. Этот метод изучается в лингвистике отдельной отраслью, называемой лингвистической географией. Лингвистическая география изучает границы языковых явлений и размещает сведения о них на картах и атласах. Исследователи М. Бобомородов и З. Мухторов дают сведения по лингвистической географии: «Лингвистическая география тесно связана с страноведением. Возникновение и развитие лингвистической географии связано с планированием диалектных различий в языках и разработкой диалектных атласов. Такие атласы бывают разные: атласы разных территорий того или иного языка, атласы групп языков. Лингвистическая география позволяет дать важные сведения для исторического изучения языков и диалектов на основе сравнительного изучения изоглоссы – линий, соединяющих места одних и тех же языковых явлений на карте диалектологии» [189, с. 49].

Следует отметить, что первые карты или атласы были разработаны исследователями Джорджем Венкером, Фердинандом Вреде, Дж. Джилероном и его учеником Э. Эдмондом, Карлом Джейбергом и Джейкобсом Джудом, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым и др., и была заложена прочная основа для развития диалектологических и этнолингвистических карт в лингвистической науке. Стоит отметить, что в основе атласов, написанных упомянутыми исследователями, лежат прежде всего теории лингвистов XIX века Г. Шухардт, И. Шмидт, Бодуэн де Куртенэ, Ж. Асколи [95].

В языкознании бывшего Советского Союза были распространены понятия «лингвистическая география», «ареальная лингвистика» и тому подобные.

В этнолингвистических картах главную роль играет распространение и расширение этнографизмов, топонимических названий и мифологических персонажей на определенных территориях.

С расширением вопросов этнолингвистических исследований на научную арену выходит и вопрос разработки этнолингвистической карты.

Российский лингвист Н.Я. Толстой первым обратил внимание на этот вопрос и объяснил понятие «этнолингвистической карты» и ее основную задачу. Он отмечает, что этнолингвистическая география может помочь для решения очень важных вопросов языкознания и этнографии, таких как одновременное рассмотрение формирования языка и этнического формирования его носителей, процесса дивергенции и конвергенции языка и этноса, проблемы языкового деления и географического членения этносов и наций и т. п.: «Решению этих проблем может активно способствовать этнолингвистическая география, в первую очередь создание этнолингвистических атласов, в которых лингвистические и этнографические карты были бы представлены одинаковыми и неотделимыми (в особенности, когда бы дело касалось одного явления или одной реалии)» [147, с. 35]. Другой российский исследователь Плотникова А.А. также обратила внимание на этот вопрос, раскрывая понятие «этнолингвистическая карта», она, в частности, отмечает следующее: «это карта создаваемая на основе определенным образом обработанной этнолингвистической информации, т.е. посвящённая терминологической лексике, традиционной духовной культуры – лексике, картографирование которой требует глубокого знания совокупности экстралингвистических факторов (этнографических, фольклорных, культурологических). При этом важное методологическое значение имеет тезис Н. И. Толстого о первичной роли этнографических карт, поскольку исходной точкой при создании любой этнолингвистической карты становится представление о распространении тех или иных экстралингвистических явлений» [118, с. 31].

Обычаи и традиции, изображения мифологических персонажей и природных явлений и другие подобные понятия составляют важный объект этнолингвистической картографии как явления культуры. Поэтому этнолингвистические атласы или карты посвящены церемониям, обрядам и традициям, быту и народной мифологии, в них этнографизмы трактуются с точки зрения значения, цели и функции.

Материалом этнолингвистических карт могут служить лексические единицы словарей, принадлежащих разным периодам. В словарях даются подробные сведения о каждом этнографизме или этнокультурной лексике различных регионах.

Также этнолингвистические карты могут составляться из этнографических артефактов и культурной лексики, собранных у народа. Поэтому культурная лексика, которая делится на материальную и духовную, также считается хорошим материалом для этнолингвистических карт.

Российский исследователь А.А. Плотникова рассматривает картографирование лексики национальной культуры как часть картографирования общей лексики, такой как бытовая лексика, животного и растительного мира. По мнению исследователя, разработка и обработка карты осуществляется с учетом соотношения культурных слов и этнографизмов. По её словам, «в то же время для картографирования лексики существуют общие проблемы соотношения слова и его реалий [118, с. 23]. Для решения этой проблемы исследователям необходимо при сборе информации наряду со словами и терминами, особенно из разных диалектов и говоров, использовать фотографии и изображения объектов материальной культуры, чтобы их можно было использовать при разработке лексических карт духовной культуры. Конечно, идиомы, называемые диалектизмами, различаются в зависимости от своего местонахождения в разных регионах. Такие диалектизмы, которые мы можем назвать этнографизмами, т. е. слова, специфичные для обычаев и традиций, относящиеся к тому или иному диалекту, говору, фиксируются в этнолингвистических картах с учетом определения их полных значений и границ их распространения [95, с 86].

Следует отметить, что в бесписьменных языках существуют важные проблемы этнографической лексики, решение которых реализуется в этнолингвистическом картографировании. Одним из таких вопросов является лексика национальных традиций и народной духовной культуры. Этот же вопрос обсуждался А.А. Плотниковой, и она подчеркивает, что

лингвистическая картография может включать в себя лексику терминов национальных традиций и народной духовной культуры. Она упоминает: «Лингвистическое картографирование терминологической лексики традиционной народной духовной культуры также ориентировано на представление на карте диалектных слов, обозначающих соотносимые «ментальные» явления. Многообразие форм и взаимодополняющих смысловых реализаций в сфере традиционной народной духовной культуры значительно усложняет задачу» [118, с. 23]. Поэтому с учетом изучения этнографических источников неизменные значения культурных единиц определяются в рамках традиций хозяйственной, народно-бытовой сферы, а также национальных мифов.

Другая проблема – это разные слова, относящиеся к одному и тому же ритуалу или традиции на разных языках. Эти слова также могут занимать ключевую позицию в этнолингвистическом картографировании. В этом случае не будет различия между этнографизмами и другими словами, и все они будут первичным аспектом практики того или иного ритуала и традиции для этнолингвистической картографии. Следует отметить, что в этнолингвистической картографии очень точно изучаются территориальные различия, особенно в совершении обрядов, в результате чего их лексика отделяется друг от друга и отображается на карте.

Третий вопрос, который считается очень важным в этнолингвистической картографии – это воплощение мифологических персонажей в бесписьменных языках [90, с.76].

Исследователь С. Матробиён в своей работе упомянул мифологические слова. Например, демон по имени «Заирич» упоминается в книге Авасто, как один из самых могущественных демонов – демон голода, и подчеркнул, что в нынешнее время на одном из бесписьменных памирских языков ваханском языке – это слово выражается в форме «зрич» и означает «голод и голодание». Исследователь отмечает: «Для этнолингвистической картографии на первый план выходят имена мифологических персонажей и их отношение к своим

образам. В таджикском мифе можно встретить множество имен разных персонажей, которые отражаются частью в образе добра, частью – в образе зла <...> В представлении людей зороастрийской и исламской эпох демон – злобное существо, несущее только зло, и это существо может быть мужского или женского пола. Но в до зороастрийской мифологии (индоарийская эпоха) демон (дев) – это имя бога. В связи с этим некоторые топонимические названия остались с прежним значением. Некоторые имена мифологических персонажей у таджиков выражены со временем» [90, с. 77].

На самом деле, в бесписьменных языках еще остались слова, производящие впечатление очень древней эпохи, и этнолингвистические карты очень необходимы для отражения таких культурных слов. Для замены мифологической лексики в этнолингвистических картах необходимо учитывать их концептуальную символику [118, с. 27].

Таким образом, в этнолингвистической карте еще остались этнокультурные слова, начиная от национальных обрядов, обычаев и традиций, вплоть до названий топонимов и типологических персонажей, и слова, обозначающие названия предметов и предметов, связанных с сельским хозяйством, и даже названия украшений и тому подобное. Это позволяет сохранить в исторической памяти исчезающие со временем этнокультурные слова в родственных языках.

Выводы по 1 главе

Лексика является одним из ключевых аспектов этнолингвистических исследований, позволяя исследовать этнографизмы и языковую картину мира в их культурном контексте.

Этнолингвистика – это область исследований, занимающая особое место в современном языкознании. Она фокусируется на изучении взаимосвязи языка и культуры различных этнических групп, сочетая лингвистический и этнографический подходы для более глубокого понимания человеческой

коммуникации и культурных традиций. Исследования в этой области выявили важность изучения этнолингвистики для понимания культурных особенностей и влияния языка на формирование этнической идентичности.

Теории и концепции, предложенные исследователями-этнолингвистами, стали основополагающими в современных исследованиях языка и культуры, открывая новые возможности для исследования языковых особенностей различных этнических групп. Их труды вносят значительный вклад в лингвистику, обогащая наше понимание разнообразия языков и культур мира.

Результаты исследований в области этнолингвистики показывают, что эта дисциплина способствует развитию межкультурного диалога, помогая преодолевать языковые и культурные барьеры. Благодаря сочетанию лингвистического анализа и этнографических данных, этнолингвистика способствует более полному пониманию языка как важного аспекта человеческой жизни, вплетенного в ткань культурных традиций и человеческого мышления. Она играет ключевую роль в исследовании языковых и культурных особенностей этнических групп, расширяя наше понимание языка и его роли в формировании культурных идентичностей и мировоззрения.

В исследовании взаимосвязи языка и культуры, являющейся важной темой этнолингвистики, язык рассматривается как социокультурное явление с использованием методов и теорий лингвистики, культурологии и фольклора.

Исследования в этой области подтверждают значимость языка в контексте культуры, позволяя глубже понять, как он отражает и формирует культурные ценности и традиции.

Проведённый анализ полученных в ходе исследования материалов позволяет сделать следующие выводы:

1. Язык отражает культурные ценности, верования, нормы и обычаи общества и этнических групп, передавая их из поколения в поколение и раскрывая культурные концепции и способы их выражения.

2. Культура может оказывать прямое воздействие на язык, что было подробно изучено лингвистами, и их исследования привели к интересным

результатам. Культурные факторы могут влиять на фонетическую структуру языка, грамматическое построение, словарный запас и семантику слов.

3. Лексика играет ключевую роль в этнолингвистических исследованиях, поскольку отражает культурные особенности, идеи и ценности определенной группы людей. Анализ словарного запаса позволяет получить точную информацию о культуре и образе жизни говорящих на определенном языке. Слова языка могут передавать уникальные идеи и понятия, связанные с окружающим миром, традициями, верованиями и ценностями конкретной культуры.

4. В этнолингвистике лексика рассматривается как совокупность лексических единиц, составляющих часть национального менталитета, с лексическими характеристиками, рассматриваемыми как общий смысловой компонент.

5. Особенностью лексики языка являются этнографизмы – уникальные слова, присущие определенной культуре и не употребляемые в других языках или культурах. Эти термины обычно отражают предметы и концепции, характерные для повседневной жизни данной культуры, и не имеют аналогов в других культурах. Такие этнографизмы, принадлежащие определенной этнической группе, могут быть заимствованы и использованы в других языках.

6. Исследования бесписьменных языков Таджикистана в области этнолингвистики создали прочную научную основу для изучения языка, культуры, обычаев и традиций таджикского народа. Эти исследования предоставляют возможность погрузиться в жизнь и древние обычаи таджиков, проживающих в различных регионах.

7. Этнолингвистические карты играют важную роль, так как они включают этнокультурные термины, охватывающие национальные обряды, разнообразные обычаи и традиции, топонимы, слова, связанные с сельским хозяйством, названия украшений и орнаментов, а также многое другое. Эти карты способствуют сохранению уникальных этнокультурных терминов в бесписьменных языках Таджикистана, включая шугнанский язык.

ГЛАВА II. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ УКРАШЕНИЙ НА ПРОТЯЖЕНИЕ ИСТОРИИ И ИХ РОЛЬ В НАРОДНЫХ ОБРЯДАХ

2.1. Обзор темы

Украшение, придающее духовное настроение, является важной частью повседневной жизни людей и сопровождает человечество с древнейших времен. Прежде всего, это связано с климатическими, природными, культурными и религиозными условиями конкретного народа. Именно поэтому каждый народ имеет свои украшения и неразрывно связан с его материальной и духовной жизнью. Такой образ жизни привел к появлению в национальных языках лексем, обозначающих разные виды украшений. С увеличением различных видов одежды и украшений у разных народов увеличились и их названия. Это привело к тому, что подобные лексемы смогли образовать большую лексическую группу в словаре языков.

Лексика украшений ярко выражена в научных источниках и истории таджикского народа как пример отражения духовной и материальной культуры народа. Исследователи, изучавшие язык, фольклор, историю и этнографию таджикского народа, в своих научных трудах особое внимание уделяли орнаментам (украшениям) и одежде таджикского народа [27, с. 143].

Тут можно перечислить работы европейских учёных XIX века Р. Готио, В. Гейгер, В. Ленц, Р. Шоу, Дж. Бедольф, В. Томасек, О. Олуфсен, Г. Моргенстиерне и других, начавшие изучать этнологию, язык, культуру и историю таджиков и создавшие ценные труды по этим вопросам, а также известных российских этнологов и лингвистов, таких как М.С. Андреев, А.К. Писарчик, Н.А. Кисляков, Л.Ф. Моногарова, И.Я. Зарубин, А.В. Лившиц, И.М. Оранский, А.З. Розенфельд, Т. Н. Пахалина, А.Л. Грюнберг, И.М., Стеблин-Каменский и другие, внесшие значительный вклад в исследование таджикского языка и культуры. Таджикский исследователь С.К. Матробиён также подчеркивает по этому поводу: «В конце XIX века с целью ознакомления с

бытом, материальным и духовным наследием таджикского народа в горную страну Таджикистана приезжали многие российские исследователи и туристы, такие как Б.Л. Громбчевский, Д.Л. Иванов, А.А. Бобринский, М.С. Андреев, А.А. Половцов, К.Г. Залеман, И.Я. Зарубин, А.А. Семенов, В.В. Бартольд и др. В частности, в 70-х и 80-х годах XIX века российскими исследователями была организована этнографическая экспедиция, которая собирала этнографические материалы в таджикских городах Самарканд, Бухаре и Фергане [90, с.163].

В данной главе представлены сведения о роли украшений в народных обычаях, истории исследования лексики украшений в таджикском языкознании, особенно женских украшений, а также источники исследования лексики украшений (исторические, этнографические, фольклорные и лексикографические труды) и этнолингвистическое исследование украшений в бесписьменных языках.

2.2 Общие сведения об использовании украшений на протяжении всей истории и их роли в народных обрядах

Украшать людей (волосы, лицо, нос, глаза, брови, губы, зубы, уши, шею, руки, пальцы, ноги) и их одежду имеет древнюю историю. Исследователи народного искусства и культуры, этнологи придерживаются мнения, что украшения никогда не возникали стихийно, а создавались в результате реализации различных обычаев и традиций и в дальнейшем, с изменением обычаев и традиций, они, утратив свою религиозную сущность, продолжали создаваться как средство украшения (особенно среди женщин). Иногда эти украшения передаются от одного народа к другому и используются лишь как символ красоты.

Поскольку одним из основных разделов этнолингвистики является изучение народных обычаев, то и изучение языковых единиц обретает более широкие горизонты. В данном параграфе мы, опираясь на исторические,

этнографические и культурные источники, предоставили информацию об использовании первых украшений в древности.

В историко-культурной литературе отмечается, что археологические раскопки, проведенные в Южной Африке и Израиле, подтвердили, что первые признаки использования украшений были обнаружены в ранний период, то есть первый период развития человечества. Примером тому может служить украшение первых открытых ракушек. Но утверждать, что он использовался в качестве украшения в ранние времена, конечно, неверно, ведь люди того времени не могли сознательно пользоваться такими вещами. На самом деле исследователи справедливо отмечают, что они использовались как опознавательные знаки племени, а также для защиты от злых сил. Однако по истечению времени сознание людей развивалось и менялось. Из случайных символов они превращались в уникальные творения.

Археологи обнаружили в Малой Азии останки женщины с браслетами из ракушек еще со времен палеолита, жившей около 100-135 тысяч лет назад.

Первыми древними украшениями были браслеты и ожерелья из камней, костей, нитей животных, цветов и ракушек. Такие предметы в основном использовались как амулеты и отличительные знаки, и не имели эстетической ценности, не носились как украшения. Стоит отметить, что в древности украшения носили только мужчины, которые были вождями племен [213].

Предметы подобные украшениям появились около 5000-6000 лет назад и были неформальным способом общения. По типу используемых украшений и их стоимости определяли к какому племени относился человек и его социальный статус в обществе.

Следует отметить, что еще до появления металла и ее обработки, древние люди использовали в качестве отделочных материалов рога, кости, зубы животных. Они верили, что упомянутые материалы принесут им победу в охоте на животных. По некоторым историческим данным, первые жители Ближнего Востока и Южной Европы (неандертальцы) изготавливали декоративные изделия из ракушек еще до появления в Европе сапиенсов.

Браслеты, ожерелья и миниатюрные фигурки с небольшим отверстием были наиболее распространенными видами украшений, использовавшиеся в религиозных целях, но как украшения они были впервые признаны египтянами и уже использовались ими как предметы ювелирного искусства.

С открытием золота египтяне открыли новый этап в создании декоративных изделий. Из золота они изготавливали серьги, браслеты, кольца, цепочки и т. д. Однако украшения по-прежнему служили показателем статуса человека и носили их только представители высшего сословия. В Древнем Египте и других древних странах верили, что украшения имеют определенное магическое значение и защищают своего владельца от недуга, физической боли и злых чар. Такие поверья сохранились и по сей день в некоторых этносах.

Египетские ремесленники десятки веков назад освоили все методы обработки металлов, умели плавить и очищать золото: изготавливали различные украшения сложной, многообразной и колоритной конструкции.

Любые украшения, изготовленные в Египте, были символом власти и магии фараона. Люди носили их для защиты от злых духов и болезней в определенных частях тела [213].

Золотые обручальные кольца также были изобретены древними египтянами. Самыми популярными украшениями этого периода были преимущественно браслеты со вставками из бирюзы, одиночные серьги и серьги с множеством вымпелов (многоветвистыми подвесками). Некоторые серьги были настолько тяжелыми, что мягкие части ушей деформировались под их тяжестью.

Наряду с Древним Египтом ювелирное искусство процветает и в Древней Греции. В Греции женщины носили красивые украшения из камней, чтобы показать свой статус и красоту. Ювелирные изделия греков имели свои особенности и стиль, отличаясь от других стран-соседей красивыми и интересными узорами.

В Древней Греции были популярны преимущественно золотые ожерелья, диадемы, пуговицы и ленты, а в III веке до нашей эры уже носили цветные

украшения с жемчугом, агатами, изумрудами и аметистами. Для укладки волос использовали цветные заколки из камня [133, с. 28].

В Древнем Риме драгоценности также использовались для украшений. Распространенным украшением древнеримской эпохи была брошь, которой женщины пользовались для застегивания своей одежды. По мере расширения территорий Римской империи кольца и ожерелья с изображением императора стали очень популярны. У них был свой символ.

Начиная с VIII века в Риме начали делать крупные серьги, ожерелья, браслеты и кулоны. Внутри кулонов заполнялись духами. Высокопоставленные римляне носили золотые украшения, а купцы и другие сословия общества серебряные. Кольцо было символом высшего сословия, и для ношения кольца другим людям требовалось специальное разрешение императора.

Также в Риме появляются первые перстни-печатки со штампом, которыми пользовались во время заключения брака, в качестве факсимиле (выставляли штамп) на документах, а также для выставления собственных меток на предметах.

С древних времен серьги имели свой стиль ношения. Серьги в основном носили мужчины в обоих ушах, и они считались мужским украшением. Позже, в средние века, серьги носили рабы как символ рабства.

В древнем Китае украшения также показывали, прежде всего, социальный статус и ранг человека. Их также использовали в качестве амулетов. Китайцы предпочитали золото и серебро, но они также использовали много каменных украшений, таких как коралл и жемчуг, и считали их носителем символов древности. Например, жемчуг считался символом Будды. Стоит упомянуть, что в древнем Китае в период династии Цин официальные ранговые украшения императора и аристократии украшались крупным морским жемчугом (дун-чжу). Розовый жемчуг ценился очень высоко, а вот бриллианты в Китае не так ценились [213].

В древних гробницах недалеко от Пекина археологи нашли золотые серьги в виде колец, которые считаются первыми золотыми украшениями.

Китайцы также украшали свою одежду (мужскую, женскую и детскую) драгоценностями.

Во время церемоний высокопоставленные дамы древнего Китая украшали волосы большими заколками с подвесками и диадемами. Особое внимание китайские мужчины уделяли украшению поясов. Помимо прочего, императоры украшали свои пояса четырьмя золотыми пластинами, украшенными рубинами и жемчугом. Женщины в основном украшали себя серьгами, декоративными гребнями и другими видами украшений, выполненными в виде цветов, насекомых и птиц, браслетами, каменными и стеклянными драгоценностями.

Индия – мифическая и загадочная страна. Она известна во всем мире своими уникальными ювелирными изделиями. Таким образом, по потреблению золота она достигла первой позиции в мире.

Археологи выяснили, что ювелирное искусство развивалось в Древней Индии в 3 тысячелетии до нашей эры. В частности, в различных городах Индии находят ожерелья, браслеты и кольца, изготовленные преимущественно из кости, камня, керамики, ракушек, а также меди, золота и серебра. Также в «Махабхарате» и «Рамаяне» есть много высказываний об украшении индийских героев. Однако археологические раскопки показывают, что влияние эллинистической эпохи греков отчетливо видны в украшениях позднего периода индусов. В Древней Индии дорогие украшения считались показателем могущества и социального статуса человека.

Индийские художники – искусные мастера декора. Одним из самых известных индийских украшений считается украшение под названием «наваратна», что означает «девять драгоценностей», которое выполнено из девяти видов драгоценных камней. Это могут быть серьги, кольцо, браслеты и кольца. По индуистским верованиям, «наваратна» отталкивает зло и приносит счастье [213].

Этнические украшения популярны в современных индийских городах, таких как Джайпур, Джалгаон, Орисса, Кашмир и Джамму, которые славятся

своими различными украшениями. Ежегодно в городе Джайпур проводится международная выставка драгоценных камней и украшений. Этот город считается главным центром ювелирного производства в наше время. Здесь высоко развито искусство украшений эмалью. Город Джалгаон – крупнейший поставщик ювелирных изделий в Индии, славящийся превосходным качеством золота, за что и получил свое второе название – «золотой город». Города Джамму и Кашмир славятся своими украшениями из золота и серебра, усыпанными драгоценными камнями.

В Америке добыча золота началась в начале 2-го тысячелетия до нашей эры. Особенно, бурно развивается обработка золота с открытием золота в Центральных и Западных Кордильерах, а также в долинах Анд. В древние времена американские индейцы, коренные жители Америки, собирали и плавляли золото.

Мастера-ювелиры американских индейцев изготавливали из золота тяжелые серьги, короны, браслеты, печати с подвесками в виде обезьян, птиц, лягушек, ящериц, рыб, змей и другие виды украшений.

Эти золотые фигурки считались священными в воображении американских индейцев, поскольку индейцы верили, что боги принимают форму животных. Считалось, что люди, носившие такие украшения, были благословлены богами.

В средние века, когда культура Северной и Южной Америки смешивалась с культурой Запада, в ювелирном искусстве также появились смешанные культурные особенности.

В средние века в Европе произошли радикальные перемены, которые отразились и на манере одеваться и использовании украшений. В это же время в Европе появляются новые ювелирные технологии. Даже европейские церкви изготавливали декоративные украшения, служившие амулетами.

Использование украшений в средневековой Европе было разрешено только монахам, королям и дворянам. Еще в XIII веке в Европе был принят

закон об ограничении ношения украшений, согласно которому простым людям запрещалось носить золотое украшение с гравировкой.

В XV-XVI веках основное внимание уделялось красоте человеческого тела, в связи с чем эстетический статус украшений приобретает особое положение. В этот период мужчины и женщины украшали себя независимо от статуса.

С расширением торговых путей ювелирам становятся доступны новые материалы. В украшениях появляются цветочные узоры, имеющие религиозное, мифологическое и другое значение. В XV-XVI веках наряду с другими видами украшений особый статус приобрели подвески и украшения для шляп.

Период Возрождения в Европе – это период возврата к античным идеалам. С началом великих географических открытий, которые в основном были связаны с морем, морская тема стала очень популярной в Северной Европе. Эта тематика также оказывает свое влияние и на украшения, и вокруг этой темы создавались ювелирные материалы. В частности, на золотые кольца вешали фигурки дельфинов, русалок, различных морских существ, кораблей и т. д. Ювелирные изделия прославляли красоту природы и человека как своё величайшее творение.

Распространенными средневековыми украшениями были заколки, значки для шлемов (головных уборов), кольца, браслеты, цепи с кулонами, с подвесками и тому подобное. Кроме того, стали носить на пальцах несколько колец одновременно. В конце Средневековья стало популярным украшение головных уборов, выполнявших важную информативную функцию, то есть передававших информацию о своем владельце.

Начиная со второй половины XVI века, большое распространение приобрело украшение головных уборов купольными булавками (брошью) и пряжками. Особое внимание дамы уделяли жемчужным украшениям в виде цветов. Мужчины же обращали внимание на украшения, олицетворявшие их ремесло. Украшения, имевшие преимущественно форму подвесок, стали очень

популярны в эпоху Возрождения, причем такие украшения носили в одежде как мужчины, так и женщины, на которых главное место занимали бриллианты. Такие украшения выполняли не только функцию украшения, но и часто использовались в качестве зубочисток или для устранения неприятных запахов.

В это время появился новый вид украшения для волос и причесок под названием «эгретки», основным элементом которого были птичье перо или пучок перьев, либо различные рисунки на шляпах.

Таким образом, в XVI-XVII веках наряду с ювелирными изделиями особый статус занимают и пуговицы, которыми начали украшать одежду. Ими украшали даже мужскую обувь. Женщины носят на одежде от пятидесяти до ста маленьких декоративных пуговиц [133, с. 28].

Следует отметить, что научные изыскания одного из таджикских исследователей Г.М. Майтдиновой посвящены изучению раннесредневековой одежды различных историко-культурных регионов Центральной Азии [86].

На основе археологических, этнографических и письменных источников исследователь изучила о некоторых предметах одежды Средневековья. В частности, исследователь приводит интересную информацию о пуговицах.

Пуговицы, украшающие сегодняшнюю одежду, изначально использовались еще в очень древние времена как важные магические обереги, предположительно предназначенные для отпугивания враждебных человеческих сил. Такие пуговицы пришивают на одежду без петель, то есть только для отпугивания злых духов. Позже пуговицы из магических оберегов и амулетов превратились в полезные и декоративные предметы. Пуговицы из золота, серебра и слоновой кости были показателем богатства владельца и олицетворяли его высокое положение в обществе. В средневековой европейской мужской одежде даже от подбородка до талии и от локтя до запястья пришивалось иногда более сотен пуговиц, часто заменивших украшения [86, с. 242].

Первые древние пуговицы и предметы, используемые в качестве украшения, были обнаружены в Индии. Функциональные пуговицы с петлями

для застегивания одежды впервые появились в Германии в XIII веке и вскоре распространились по всей Европе. Исследователи показали четыре функции пуговиц: 1) утилитарная; 2) декоративная; 3) колдовская; 4) информативная [112, с. 86].

В средние века пуговицы в основном являлись эмблемами социума, но со временем они стали знаком различия между богатыми и бедными. В результате появились плебейские пуговицы и аристократические пуговицы.

В XVIII веке искусство изготовления пуговиц процветало в Италии и распространилось по всей Европе. Именно поэтому даже модницы просили портных подобрать для них золотую и серебряную вышивку в тон пуговицам. Далее эмалирование пуговиц начинается во Франции, которая становится самой известной в мире страной производителем пуговиц [112, с. 96].

В XVII – XIX веках в европейском ювелирном искусстве возник ряд новых стилей, прославляющих прошлое и соединяющих их с новой эпохой. Существовали специальные школы ювелирного искусства, имевшие неповторимый стиль создания украшений. В частности, стиль «Виктория» стал очень популярен в Англии в 30-40-е годы XIX века. Для этого стиля были характерны черты романтизма, чуткости, пышности. Художники, последователи данного стиля украшали одежду драгоценными камнями. Камни с узорами (геммы, камея) с изображениями людей, в основном изготавливались из сардоникса, сердолика, агата, стали национальным брендом Англии. В Англии наряду с золотом и серебром украшения изготавливались также из алюминия и стали.

В 1860-70-е годы XIX века в Англии и других европейских странах стало популярным использование украшений красного и бирюзового цвета. Изумруды, рубины и бриллианты использовались для украшения свадебных платьев. Ожерелья и серьги изготавливались из крупных камней, цветных камней и миниатюр в окружении более мелких камней.

Могильное сооружение из камней и жженого кирпича периода мезолита, найденное в Средней Азии, история которого насчитывает примерно 5-10 тысяч

лет, свидетельствуют о древнейших украшениях этого континента. Украшение этого сооружения в основном состоит из различных видов бусинок, изготовленных из крабовых костей. Ювелирные изделия, найденные в Саразме (на территории Таджикистана), датируются 3000 г. до нашей эры. В находках Саразма обнаружено несколько каменных брошей и ромбовидных бусинок, ряды бирюзовых и коралловых ожерелий, сердолик и агата, 200 различных бус, 12 каменных бус, 22 серебряных бус, каменные подвески, браслеты и амулеты [64, с. 52]. Б. Гафуров подчеркивает, что в Кушаниёне и Бохтаре «в женских могилах найдены золотые (серьги), железные (кольца, пуговицы), каменные и стеклянные (бусы), бронзовые (зеркало, браслет, перстень) украшения» [41, с. 202].

Таким образом, из исследований историков и археологов видно, что человечество начало использовать декоративные и ювелирные украшения очень рано.

2.3. Этнолингвистические сведения о роли украшений в таджикских обрядах

Исторически украшение играло значительную роль в жизни таджикского народа и связано с историей формирования обычаев, традиций, различных древних обрядов и церемоний таджикского народа. Поэтому слова, описывающие украшения, которые используются сегодня в лексике таджикского языка, имеют исторические корни.

Согласно историческим источникам, находка «Амударьинский клад» является выдающимся примером существования таджикских ювелирных изделий. «Амударьинский клад» дает основной материал для исследования декоративно-прикладного искусства Средней Азии, в том числе Среднего

Бахтара I тысячелетия до нашей эры. Большинство предметов сокровищницы относятся к более древним периодам, т.е. IV и даже VI-V векам до н.э. По предметам, найденным в этой сокровищнице выясняется, что ювелирное искусство развивалось у таджиков довольно рано и украшениям люди уделяли большое внимание. В эту эпоху люди уже изготавливали ювелирные изделия из золота и серебра. Таджикский исследователь Б. Гафуров упоминает: «Об уровне развития художественного ремесла в Бактрия можно судить по предметам, входящим в состав так называемого амударьинского клада – собрания большого количества предметов искусства, главным образом из золота, серебра (всего 180 предметов, первоначально было много больше), огромного количества золотых и серебряных монет» [41, с.103].

Раскопки и археологические находки показывают, что уже в конце III – начале II тысячелетия до нашей эры таджикские женщины украшали себя золотыми кольцами и красивыми браслетами. Эти украшения особенно ярко проявляются в их одежде, найденной в результате археологических раскопок. Несомненно, одежда появилась на ранних этапах развития человеческого общества. Археологические раскопками конца XX века был обнаружен на севере нашей страны – древний город Саразм. В результате раскопок было установлено, что он относится к концу каменного века IV-III тысячелетия до нашей эры. В этих раскопках была найдена могила женщины, одежда которой была украшена бусинами из агата, молотого песчаника, оникса, бирюзы и других драгоценных камней. По данным украшениям можно сделать выводы, что это была уважаемая и состоятельная женщина. Также в этом «найденном городе» было найдено множество ювелирных изделий, таких как кольца, браслеты и ожерелья из драгоценных камней. Обнаружение этих находок показывает, что таджики уже в древние времена обладали высокой культурой и цивилизацией.

История таджикского народа показывает, что в Кушанидский период существенно процветала материальная и духовная культура, и историки рассматривают этот период как период полный сложных и разнообразных

событий, период сближения различных тенденций и событий. Исторические раскопки показывают, что именно в этот период женщины носили золотые серьги, железные кольца, каменные и стеклянные бусы, бронзовые браслеты и кольца и прочее [41, с. 202].

Также памятники древности, найденные на территории Тохаристана, относятся к другому периоду развития культуры таджикского народа. Следует отметить, что в состав Тохаристана входили нынешние восточные и южные районы Таджикистана, Сурхандарьинская область Узбекистана и северный регион Афганистана. За этот период на основе исторических данных, касающихся Тохаристана, ювелирные изделия, особенно украшения, изготавливались из золота. В исторических трудах отмечается, что в 682 году «Посольство из Тохаристана вручило одному иностранному правителю даже «золотой костюм» [41, с. 264]. Также великий таджикский историк Б. Гафуров дает сведения о Тохаристане в VI-VII веках и подчеркивает использование украшений на этой земле: «Шеи персонажей Балалык-тепе украшают гривны разных типов, на руках — золотые браслеты, на пальцах перстни. В ушах балалык-тепинских и светских аджина-тепинских фигур — сложные многочастные серьги. Археологи находят при раскопках перстни (с металлической площадкой или инкрустацией), а также браслеты и другие украшения [41, с. 265].

По мнению историков, ювелирное искусство процветало в Согде (VI-VII вв.). Здесь серьги, кольца и браслеты изготавливались из золота и драгоценных камней. Академик Б. Гафуров упоминает об этом: «При раскопках найдено немало различных ювелирных изделий — великолепные золотые серьги с овальным медальоном из красной шпинели, украшенные бирюзой и жемчужинками; бронзовые, золотые и серебряные перстни с вставками из драгоценных и полудрагоценных камней; замечательная коллекция бус — сверкающих, переливающихся всеми цветами радуги, словно капли росы в лучах утреннего солнца» [41, с. 291].

В средневековой и традиционной одежде украшения играли важную роль, выступая показателем материального положения человека, его половой и возрастной категории, его положения в обществе, профессиональной и местной принадлежности. По истечению времени их эстетическая ценность в украшениях возросла, хотя функция сакральности и магии ослабла, но она ничуть не потеряла своего значения.

Таким образом, исследователи пришли к выводу, что человечество впервые использовало украшения в Южной Африке. В представлении древних людей украшения служили амулетами, защищающими их от нечистой силы, злых духов и демонов. Такие украшения вешали на тело в качестве оберегов. Следует отметить, что украшения древних людей изготавливались из рогов, костей или зубов животных, что имело свои особенности. То есть в воображении людей животные тоже обладают сверхъестественными способностями, поэтому, если они сделают украшения из рогов или зубов животных и будут носить их на себе, то они будут защищены этими сверхъестественными способностями животных.

Эти же обычаи и традиции до сих пор сохранились у таджиков. Например, в Бадахшане вешают как оберег когти орла, волка или тигра на верхнюю часть детской кроватки, с надеждой, что он защитит ребенка от демонов и джиннов. Почти все таджики носят либо на шее, либо на запястьях особые черные камни с белым пятном, чтобы защитить себя от сглаза. Видный исследователь языка и культуры таджиков М. С. Андреев в своей книге «Таджики долины Хуф» отмечает следующее о вере таджиков в сверхъестественную силу украшений: «Женщины во время сбивания масла обязательно должны были иметь на руках какое-нибудь украшение: бусы из дерева «тог», которое, как считалось, обладало свойством отгонять злых духов, или черные бусы от сглаза, или простое кольцо. Последнее обстоятельство указывает на то, что ювелирные украшения в Хуфе, помимо своих функций, носили еще ясно выраженный характер магического оберега» [15, с. 307].

2.3.1. Выражение цвета словами, связанными с женскими украшениями, в шугнанском языке

По вопросу, связанному с цветом, его символами и понятиями в различных областях общественных наук проведено много исследований. Тем временем понятие цвета и его виды изучались в лингвистическом, психологическом, философском и религиозном аспектах, взгляды ученых на эту проблему разнообразны и противоречивы. В отечественном языкознании выражению цветов в разноструктурных языках внимание уделяли Ш. Зоолишоева, М. Иматшоева, М. Назирова, М. Джалилова и другие.

По словам Н.А. Мартьянова «цвет можно трактовать как символ, намекающий на то, что не может быть показано. Цветовой символ в языке и в речи представлен цветовыми лексемами, содержащими наряду с несимволическими и символические значения. Последний тип проявляется в том, что первичное содержание цветового слова становится условным обозначением для иного, более абстрактного содержания» [89, с. 58].

Цвета с многообразием названий занимают в языках особое место. В большинстве языков шесть типов натуральных цветов имеют свои основные названия. Например, в таджикском языке: *сурх* «красный», *сафед* «белый», *сиёҳ* «черный», *зард* «желтый», *кабуд* «синий», *сабз* «зеленый», а в шугнанском языке соответственно *rust* «красный», *safed* «белый», *têr* «чёрный», *zird* «жёлтый», *nilê* «синий», *savz* «зелёный». Далее мы рассмотрим цветовые характеристики женских украшений.

Цвет отражает фундаментальную и духовную ценность, основанную на культурном и национальном мировоззрении народа. Образ жизни всех людей неразрывно связан с природой. Поэтому цвет является одной из основных частей языковой картины мира и создает определенный зрительный образ. Цвет как компонент национального мировоззрения требует дальнейших исследований.

Цвет и его символ в языковой картине мира выражают разные значения и понятия, которые берут свое начало из обычаев, религии, мышления и мировоззрения.

Красный цвет исторически имеет особое значение в жизни таджиков, в частности жителей Бадахшана. В таджикском языке красный цвет обозначается словом *сурх*, а в шугнанском языке словом *rušt*.

С исторической и религиозной точки зрения красный цвет является символом любви, воодушевления, стремления, достоинства, святости, праздника, радости, счастья и т. д. [65, с. 22].

Среди шугноноязычных таджиков – жителей Шугнанской долины этот цвет имеет разное значения. Например, в национальный праздник таджиков – Навруз, который на шугнанском языке называется «Хидираём» (букв. «Большой праздник»), на рассвете, когда наступает равноденствие, красная подушка, красный платок или другой предмет красного цвета выносят из дома [62, с. 10].

Особое значение имеет использование красного цвета в украшениях шугнанцев, особенно женщин. *Реҷак*, являющийся особым украшением невесты, делается из красных ниток и никогда не плетется нитью другого цвета. Красный *реҷак* – обязательный аксессуар невесты Бадахшана. А также женщины и девушки вплетают *реҷак* в волосы во время торжеств, церемоний, свадеб и походов.

Красный цвет имеет особый статус в женских украшениях. Особенно при украшении невесты используют красный платок, красное платье, красную шаль и красный топ. Позднее к этому набору, берущему свое начало от того же древнего образа, добавились помада, лак для ногтей и ношение красной обуви.

Использование красного цвета в женской одежде в первую очередь олицетворяет сияние и украшение, а затем является признаком молодости, красоты и целомудрия.

Таким образом можно с уверенностью сказать, что в моделировании одежды, шитье головных уборов, вязании джурабов мастерицы чаще

используют красный цвет. Потому что красный цвет занимает особое место в культуре таджиков Бадахшана, и по этой причине мастера стараются использовать этот цвет для изображения всех видов орнаментов украшений.

Белый цвет имеет разные символы в воображении и верованиях людей мира, в зависимости от их географического положения, обычаев и религии. Общими символами этого цвета, который представляет собой почти общую концепцию людей мира, являются надежда, жизнь, истина, свобода, мир, радость и счастье. В таджикском языке и бадахшанских (памирских) языках используются, выражения *роҳи сафед* «белая дорога», *бахти сафед* «белое счастье» и др., что является положительным выражением этого цвета. Следует отметить, что белый цвет в шугнанском языке обозначается словом *safed*. Белый цвет занимает особое место в воображении жителей Бадахшана, особенно Шугнана. С этим цветом тесно связаны праздники, обряды и традиции горного народа Таджикистана, значение и символ которого берет свое начало из арийской цивилизации. Во время праздника Навруз после большой уборки бадахшанских домов во всех углах (чорхона) и потолке дома наносят мукой специальный узор (для этого берется *pakol* «головной убор» окунается в муку, затем им наносятся в указанные места узоры). В этот день памирцы заходят в свои дома с веточками в руках, произнося поздравления, а у порога их встречает хозяйка дома и посыпает им на плечи щепотку муки, что свидетельствует о святости белого цвета [65, с. 58].

Белый цвет также очень важен в женских украшениях. Горянки на многих мероприятиях и праздниках носят белую одежду, которая является олицетворением их красоты и молодости. В Шугнана невесту украшают (*pirũyrm*) платком, накидкой для невесты, когда провожают в дом жениха.

Pirũyrm – один из видов украшений невесты, изготавливаемый только из ткани белого цвета. Это признак целомудрия, невинности и нежности невесты. В старину шугнанские женщины носили белые платья. Со временем с учетом прогресса и развитием цивилизации, к белому добавлялись и другие цвета. В

том числе красная безрукавка. В женской праздничной одежде особое значение имеет сочетание красного и белого цвета.

Черный цвет на шугнанском языке выражается словом *mêp*. Этот цвет в воображении шугнанцев, как и других народов мира, олицетворяет печаль, смерть, отчаяние. В древние времена после смерти мужей женщины заплетали себе короткие черные локоны, что было вдовьим знаком. В шугнанском языке черный цвет имеет в большинстве случаев негативное значение, в качестве примеров можно привести множество выражений, например: *pictêr* (букв. черное лицо), *têrdil* (букв. черное сердце), *têrzêxt* (букв. снять черноту; утешить, поддержать близких умершего). По этой причине при изготовлении украшений мастера часто сочетают черный цвет с белым, красным и другими цветами.

В Шугнана женщины во время траура носят черную одежду. В прошлом женщины носили черный платок во время траура в течение определенного периода времени (это обычно до года).

С другой стороны, черный цвет в шугнанском языке имеет и положительное значение. В частности, это относится к естественной красоте женщин и девушек. Например, выражения *siyocemvirũy gāc* «черноглазая чернобровая девочка», *teryunj* «черноволосая» олицетворяют символ красоты. Женщины и девушки в торжественные моменты, свадьбы и мероприятия подводят сурьмой брови и глаза, что также указывает на положительный знак черного цвета. В наше время многие молодые женщины носят черные платья и при этом стараются сочетать с ним аксессуары: серьги, туфли, браслеты и другие украшения. Потому как правильно в цвет подобранные вещи – это признак хорошего тона среди современной молодежи, другими словами, одеваться модно всегда актуально.

Зеленый цвет всегда ассоциируется в сознании человека как символ природы, красоты и жизни. В воображении жителей горных районов зеленый цвет символизирует весну, пробуждение и возрождение природы, молодость, надежду и мечты. На шугнанском языке зеленый цвет обозначается словом *sāvz*. В верованиях шугнанцев знаки этого цвета берут свое начало из арийских

традиций. В верованиях местных жителей Бадахшана *ambaħc* «вечнозеленая ель» является священной, берущей начало из арийских традиций, символизирующая вечность и бессмертие.

Кроме того, святость зеленого цвета связана с именем пророка мусульман Мухаммадом (с) и Худжой Хизром [65, с. 31].

Во время церемонии *xidirayım* (Навруз) после уборки дома жители дома входят в него с небольшими тоненькими веточками, на которых едва проросли зеленые почки, а хозяйка берет побеги и втыкает их в подпотолочные щели дома, и так они остаются до следующего Навруза, являясь символом жизни, благословения и счастья домочадцев.

В зеленой одежде девушек выдавали замуж, ее носили как обычную одежду женщины и девушки, как повседневной жизни, так и на торжествах, свадьбах и мероприятиях.

Кроме того, зеленый платок и зеленую тюбетейку девушки используют в качестве украшения. На сегодняшний день одежду зеленого цвета в основном носят пожилые женщины. Женщины старшего возраста носят в основном зеленые платки, меньше уделяя внимание красному и желтому цветам. Они придерживаются мнения, что эти цвета подходят молодым женщинам, и поэтому избегают использования таких цветов. Следует отметить, что ношение ярко-красной или ярко-желтой одежды женщинам преклонного возраста является дурным тоном.

Желтый цвет. В человеческом воображении желтый цвет носит в себе различные значения и понятия. В некоторых случаях он воспринимается как положительный символ – символ счастья и мира, солнца и золота, в других же воспринимается как отрицательный символ – символ болезни, разлуки и т. д. Жёлтый цвет переводится на шугнанский язык словом *zird*. В лексике шугнанского языка имеется множество слов и выражений, связанных с желтым цветом, которые выражают положительные и отрицательные ситуации и события. Например, *tu rāng zīrd* дословно «твой цвет желтый» либо «ты пожелтел», означает болезнь, недуг, *zirdpiš* – дословно «желтый кот» -

своеобразное обращение, иногда оскорбительное, светловолосых или рыжих людей, или *zir (d) parwin* – дословно «жёлтая наволочка» несет в себе значение недуга и болезни и т. д.

Жёлтый цвет является символом искренности и счастья и используется на свадебных церемониях [65, с. 41].

Во время свадебной церемонии желтый цвет входит в число семи украшений невесты (желтое платье, желтый платок).

Гармонию цветов можно увидеть в убранстве женщин Бадахшана, что, на первый взгляд, свидетельствует о наличии вкуса, в во-вторых, включает в себя влияние религии и обычаев предков.

Как уже говорилось выше, *семак* букв. «маленький глаз» - был одним из дополнительных украшений женщин. Первоначально он изготавливался из красных и белых бусинок. По истечению времени мастера изменили форму и цвет бусинок. В настоящее время для изготовления *семак* мастера используют бисера различных цветов.

2.4. Исследование лексики украшений в таджикском языкознании

Таджикское языкознание прошло длительный период истории и дошло до нашего времени. Уже в средние века таджикские исследователи начали изучать различные области таджикского языка. Об этом таджикский лингвист Д. Ходжаев упоминает: «Хотя и нет материала, необходимого для уточнения страниц истории таджикского языкознания со времен ислама, но на основе трактатов и наставлений арабского языка, которые, согласно историческим источникам, большинство их авторов были иранцы, в том числе и таджики, а весьма достоверные и подробные сведения, написанные на таджикском языке в исламских философских трактатах, арузах, литературных и музыкальных трактатах, позволяют нам быть уверенными в том, что наша лингвистическая наука имеет свои исторические корни» [157, с. 4].

Наряду с достижениями в других областях таджикского языкознания, немало научных работ выполнено в области лексикологии. На тему лексики таджикского языка и лексики языков восточной группы Таджикистана написано множество научных диссертаций и получены значительные результаты. В частности, в таджикском языкознании исследования лексики народных ремесел, материальной и духовной культуры таджикского языка заслужило особый статус в области лексикологии. Следует особо отметить новыми достижениями в этом направлении научные исследования С.П. Русайкиной «Народная одежда таджиков Гармской области» (1954), С. Усмановой «Словарь текстильного орнамента в таджикском языке» (1971), Б. П. Алиевой «Ягнобская этнографическая лексика» (1998), М. Халимовой «Словарный запас, определяющий понятие «одежда» в таджикском языке: (на основе материалов слова Худжанда и его окрестностей)» (2002), С. М. Исмадова «Лексический анализ обозначения головного убора в «Шахнаме» Фирдоуси (2004), Ш. Зоолишоевой «Цветобозначения в Шугнано-Рушанской группе в этнолингвистическом освещении» (2005), М.И. Хасановой «Обрядовая лексика ритуала бракосочетания в диалекте Худжанда» (2010), Бобомуродовой М. У. «Этнолингвистическая характеристика лексики женских украшений в таджикском языке» (2012), М. Б. Иматшоевой «Выражение цветобозначения в разносистемных языках (на материале шугнано-рушанской группы языков, таджикского и английского языков)» (2013), М. А. Солиевой «Структурно-семантический анализ текстильных терминов в таджикском и английском языках» (2015), Дж. Худойбердиевой «Этнолингвистический и структурный анализ лексики женской одежды и моды в разносистемных языках (на материале русского, таджикского и английского языках)» (2019), Х.М. Худоевой «Структурно-семантический анализ лексики украшений одежды в таджикском и английском языках» (2019).

Следует отметить, что лексическая система языка сложна по своей структуре и организации и включает в себя большое количество элементов, связанных различными отношениями. Это приводит к многочисленным

нерегулярным явлениям и требует правил, тесно связанных с внешними (экстралингвистическими) факторами. Все эти сложности связаны и с лексической системой украшений.

Таджикский исследователь С. Усманова в своих трудах упоминает таджикскую текстильную лексику и дает подробные сведения о развитии вышивального искусства таджикского народа. В то же время в своей исследовательской работе она предоставляет конкретную информацию о лексическом украшении тканей на таджикском языке. Вот что она отмечает: «Лексика орнаментации текстиля составляет одну из групп исконно таджикских слов, так и слов иноязычного происхождения. Возникновение этой лексики связано с появлением и развитием ремёсел. Термины орнаментации текстиля отразили сложную историю материальной культуры таджиков и её связи с культурами других народов» [150, с. 2].

Б.П. Алиев исследовал этнографическую лексику ягнобского языка этнолингвистическими методами, и наряду с анализом лексики, связанной с имуществом дома и местом жительства, лексики одежды, обуви и головных уборов, терминов, обозначающих названия продуктов питания, лексики различных отраслей, слов, обозначающих орудие труда, лексики, связанной с ткачеством, прядением и шитьем, гончарной лексики и тому подобное, также уделил особое внимание лексике украшений в ягнобском языке и проанализировал названия женских украшений [6, с. 3].

Следует отметить, что в таджикском языкознании лексика украшения одежды с точки зрения структуры и семантики, а также их сравнения с другими языками достаточно глубоко исследовалась Х. М. Худоиевой. Исследуя лексику украшения одежды в таджикском языке этот исследователь приходит к следующему выводу: «В большом ассортименте ювелиры изготавливали девичьи нагрудные украшения, амулеты треугольной формы - тумор (треугольник), (коготь филина) и другие. Основу украшений составляют вправленные в серебро когти филина, смоделированные развилкой, типа тумор - треугольная пластина. Художественный эффект в изделиях достигается за

счет повышения звучности колорита. К изделиям как составная часть добавляется ажурная цветочная розетка, с помощью цепочек крепятся художественно обработанные подвески. Поверхность изделий орнаментируется, покрывается позолотой, декорируется камнями, часто обрамленными бирюзой» [159, с.60].

Другой таджикский исследователь Дж. Худойбердиева провела научную работу по этнолингвистическим и структурным особенностям лексики одежды в таджикском, русском и английском языках, а также проявила интерес к лексике украшений. В своей работе она упоминает некоторые слова, представляющие лексику, связанную с украшениями: «Существовали и специальные амулеты-обереги в виде украшений, которые пришивались на одежду или носились на шее и на руках, в предплечье, под названием *таъвиз* и *хартак*, а также *чаимпаном*, от слов *чаим* – глаза, *паном* – оберег, то есть оберег от сглаза. Кроме того, имелись серебряные и золотые футлярчики, в которые вкладывался собственно талисман – амулет, оберегающий от сглаза и болезней, бесплодия и нечистой силы. Такое украшение сопровождало человека практически с первых дней появления на свет. Как пишет Шахиди Балхи:

Буто! Нигоро! Аз чашми бад матарс макун.

Чаро надори бо худ хамеша чашмпаном» [160, с.46].

Исследователи проанализировали этот вопрос и придерживаются мнения, что лексика одежды достаточно многоуровневая и наряду с видами самой одежды включает в себя и виды украшений, которые невозможно отделить друг от друга: «Лексика тематической группы «Одежда» достаточно разнообразна. В неё входят лексемы, обозначающие общие названия одежды, названия отдельных видов мужской и женской одежды (верхней и нижней, летней, зимней, демисезонной, праздничной и будничной) и ее частей, а также названия головных уборов, обуви, украшений, названия процессов, связанных с использованием одежды и т. п. Обращение к этой группе убедительно

подтверждает известное положение о том, что каждое слово «есть свидетель, памятник, факт жизни народа» [78, с. 43].

Изучение лексики украшений в диалектах таджикского языка позволяет сказать, что «она является воплощением совсем другого мира» по мнению М. Халимовой [155, с.3]. Поэтому, начиная с 70-х годов XX века, с началом исследования и сбора состава лексики стилей и диалектов таджикского языка, внимание диалектологов концентрируется и на лексике украшений. Наряду с исследованием того или иного говора, диалекта и речи они также дают информацию о лексике украшений, ведь названия, связанные с украшениями, составляют часть лексики диалекта. В частности, издание пятитомного труда «Южные диалекты таджикского языка», в котором описаны некоторые лексические, семантические и региональные особенности слов, связанных с женскими украшениями, открывает новые двери для исследователей в этом направлении.

Здесь можно сослаться на научные работы исследователей Г. Абдуллоевой (по теме «Лексика каратагского диалекта») и И. Сулаймонова (по теме «Лексика говора горного Гиссара»). Г. Абдуллоева приводит информацию о лексике каратагского диалекта Гиссарской долины, также дает подробную информацию о лексике украшений этого диалекта: «Традиции, связанные с косметикой, женскими нарядами, убранством в Гиссарской долине, насчитывают почти тысячелетнюю историю. При археологических раскопках, проводимых на территории современного Таджикистана, были обнаружены многочисленные женские украшения и другие ювелирные изделия, когда-то принадлежавшие знатным царским семьям и простым дамам. Таким образом, можно утверждать, что изучение лексики, связанной с предметами женского убранства, проливает свет на прошлую историю народа, выявляет истоки увлечения современных таджикских женщин роскошными красивыми украшениями» [1, с. 6].

Другой исследователь И. Сулаймонов в своей диссертации классифицирует лексику украшений и упоминает: «В зависимости от

предназначения украшений, термины выражающие их, делим на две группы:

а) слова и термины, выражающие названия инструментов украшения, сюда относятся слова, которые выражают названия ювелирных изделий из золота, серебра, жемчуга, драгоценных камней: дасмона (браслет из золота и серебра), чала (кольцо, перстень), гӯшвори кафасӣ (форма серег), гӯшвори самовар (форма серег), садафӣ (серьги перламутровые), баргак (женские налобные подвески и серьги в виде листиков), кулфи гиребон (ожерелье), ҳақик (сердолик, полудрагоценный камень для украшения), марворид (жемчуг), мӯҳри чашмӣ (бусы), ашки Майрам (виды бус), тангаҳамел (ожерелье из серебряных монет); б) слова, которые относятся к терминам, накладные украшения женских волос: чолбандак (украшения вплетаемое в косы), пӯпак (украшения, вплетаемые женщинам в косы), чамолакбофӣ (подвески для кос из бисера, мишуры и шелка), пиликбофӣ (вплетенные в косы волосам белых хлопчатобумажных ниток), улума (искусственная косичка, парик)» [142, с.101].

Так, во многих работах, выполненных в области диалектологии, анализируется лексика украшений в разных диалектах и говорах, от упоминания которых мы здесь воздержались.

Фундаментальной работой по теме исследования лексики орнаментов в таджикском языкознании является кандидатская диссертация таджикского исследователя М.У. Бобомуродовой на тему «Этнолингвистическая характеристика женской лексики в таджикском языке». Исследователь очень точно отмечает, что лексика украшений в таджикском языке прошла долгий путь и сегодня является важной его частью: «Слова и термины, обозначающие предметы женского украшения, в таджикском языке имеют древнюю историю. При археологических раскопках, проводимых на территории современного Таджикистана, были обнаружены многочисленные женские украшения и другие ювелирные изделия, когда-то принадлежавшие знатным царским семьям и простым женщинам. Таким образом, можно утверждать, что изучение лексики, связанной с предметами женского убранства, проливает свет на

прошлую историю народа, выявляет истоки увлечения современных таджикских женщин роскошными и красивыми украшениями» [28, с.6].

Следует отметить, что наряду с изучением лексики украшений языковедами, этот вопрос в некоторой степени решен и в толковых словарях таджикского языка. В древних словарях слова, обозначающие украшения, особенно часто упоминаются в виде отдельных лексических единиц, что немаловажно для понимания этого вопроса в прошлом. Например, слово «таппа» упоминается в словаре «Бурхони котеъ», которую автор словаря поясняет и упоминает, что это «женская шляпка и что-то красивое, что женщины шьют из хлопка и жемчуга, а также делают из золота и драгоценности и надевают на лоб» [192, с. 271]. То есть это было своего рода женское украшение, которое женщины вешали на лоб с украшениями.

Подобные примеры можно привести и из других словарей, в которых трактуются слова, относящиеся к женским украшениям и ювелирным изделиям.

2.5 Позиция этнологических и фольклорных работ в исследовании лексики украшений

Лексика украшений и ювелирных изделий не только является основным объектом лингвистических исследований, но и занимает особое положение в этнологических и фольклористических исследованиях. Поэтому с лексикой украшений мы встречаемся, прежде всего, в трудах этнографов, приехавших в горный край Таджикистана в конце XIX века с целью познакомиться с бытом, материальным и духовным наследием таджикского народа. Многие российские исследователи и туристы, такие как Б.Л. Громбчевский, Д.Л. Иванов, А.А. Бобринский, М.С. Андреев, А.А. Половцов, К.Г. Залеман, И.И. Зарубин, А.А. Семенов, В.В. Бартольд предоставили первые этнографические данные об образе жизни таджикского народа. В частности, в 70-е и 80-е годы XIX века

этнографические экспедиции собирали соответствующие материалы в таджиконаселенных районах Самарканда, Бухары и Ферганы.

В этнографических работах вышеназванных исследователей наряду с другими сведениями упоминаются слова, относящиеся к украшениям, и даются сведения об их способах использования. Особенность этнографических работ об отражении лексики обычаев, традиций подчеркивает таджикский исследователь С.К. Матробиён, в частности, отмечая следующее: «Следует отметить, что термин «этнолингвистика» появился в лингвистике довольно поздно. В начале XX века, конечно, такого термина не существовало, но работа, проделанная исследователями первого десятилетия XX века на границе таджикской этнографии и языкознания, аналогичны исследованиям основоположников американского языкознания в области этнолингвистики Э. Сепира и Ф. Боаса. То есть на основе этнографических материалов, особенно духовного наследия, обычаев, традиций, а также фольклора того или иного народа, происходит анализ и исследование их языка или диалекта [90, с.163].

Украшения головных уборов представляют материальную культуру и отражают социальные отношения и некоторые религиозные и моральные элементы. Европейцы заинтересовались одеждой таджикского народа с первых путешествий по этим местам. Первыми путешественниками в основном были купцы, которые позднее в своих записках описывали различную одежду и украшения таджикского народа и городов, являющихся в то время центрами развития науки и культуры. Эту же ситуацию анализирует Дж. Худойбердиева и упоминает о развитии словарного запаса одежды: «Поскольку одежда – один из важнейших атрибутов существования социума, постольку лексика, обслуживающая эту сферу жизни, находится в постоянной динамике, занимает центральное место в тезаурусе пользователей языка. Высокая креативность современных процессов конструирования, изготовления и использования одежды влечет за собой соответствующие изменения в таксоне номинаций предметов, явлений и реалий, формирующих анализируемый лингвокультурный пласт, относящийся к лексике одежды и моды, словаря

русского языка XX - XXI вв. Этот период для всего мира характеризуется стремительными и постоянными изменениями, связанными, в том числе, и с глобализацией моды в сфере одежды» [160, с. 24].

Таджикский историк Г.М. Майтдинова наряду с анализом основных видов одежды средних веков, традиционной одежды, тканей, также уделила особое внимание ювелирному искусству, украшению одежды, волос и лица. По мнению этого исследователя «История таджикского костюма, как часть материальной культуры, взаимосвязана со становлением и развитием народа, теми этническими, политическими, культурными процессами, которые происходили в Центральной Азии. Экскурс в историю древнего и средневекового костюма народов Центральной Азии показал, что в его эволюции на протяжении тысячелетий наблюдается две струи, связанные с культурой оседлых земледельцев и кочевников. Эти два пласта и сыграли важную роль в сложении традиционного костюма таджиков» [85, с.5].

Г.М. Майтдинова, продолжая свою речь, отмечает, что в средние века, особенно с принятием ислама, способ ношения одежды и украшений одежды таджикского народа претерпел серьезные изменения: «Ислам вносит новую струю в развитие костюма. Обновлению подвергаются все его элементы – происходит изменение стиля, орнамента, многих украшений, текстильного декора и используемых материалов, представления о красоте» [85, с. 6].

Несомненно, с изменением способа ношения и украшения одежды меняется и связанная с ними лексика. Одежда получает новое название, и в зависимости от них в одежду входят новые украшения со своими названиями.

Первые сведения о головных уборах и украшениях жителей Бадахшана приведены в записках китайских путешественников (начало Средневековья) и европейцев (Средние века, в том числе Марко Поло). Однако глубокое изучение этого вопроса началось во второй половине XIX – начале XX века. Известные российские востоковеды А.А. Бобринский, И.Я. Зарубин, М.С. Андреев дали ценные сведения об украшениях жителей Бадахшана.

Научный труд одного из известных исследователей мирового востоковедения – М.С. Андреева, посвященный изучению этнографии, языка, материального и духовного наследия таджикских горных народов называется «Таджики долины Хуф».

Безграничная любовь М.С. Андреева к языку и культуре таджикского народа, станет причиной издания лучших его этнолингвистических исследований. Сам выдающийся ученый – М.С. Андреев в своих воспоминаниях отмечает значение языковых материалов по отношению к культуре народа: «Мне стало ясно, насколько ценным материалом мы располагаем для изучения многих периодов истории среднеазиатской культуры, при этом каждое собранное слово принадлежит определенному периоду культуры. Древние языки таджикского народа имеют особо важное значение для понимания богатого прошлого таджикского народа. Устное народное творчество – фольклор, является живым свидетельством людей о себе. Они отражают быт, семейные и общественные отношения, семейное положение, верования и обычаи [4, с. 39].

М.С. Андреев один из первых ученых, который в своей работе впервые сообщает о женских украшениях жителей Бадахшана. Исследователь обращает отдельное внимание на способ украшения джурабов (носки). Об этом говорит следующее: «Искусство украшения чулок узорами настолько развито в верховьях Пянджа, в том числе и в Хуфе, что одноцветных чулок там почти совсем не вяжут. Все чулки покрыты цветными рисунками, причем обычно верхняя часть чулка, выступающая над *пехом*, вывязывается более тщательно, имеет более яркий и красивый узор» [15, с. 249].

Андреев М.С в своей работе при пояснении какой-либо темы фиксировал слова, относящиеся к данной теме, в их исконной форме, что является очень ценным материалом для языкознания. Например, объясняя женские прически, он упоминал все слова, связанные с волосами и их украшениями. Для доказательства идеи мы сочли необходимым привести полный текст, посвященный женским прическам, и выделить слова, характеризующие их

жирным шрифтом. **«Женская прическа.** Женщины расчесывают свои волосы на две стороны с пробором **«вурув»** (**wuruw**) посередине. Те, кто беднее и одеваются проще, заплетают свои волосы в две косы, которые носят, перекинув их на грудь и завязав концы их узлом **«джире»** (**чире**). Такую прическу, называемую **«покак»** (**по:как**), носят девушки, старухи и вдовы, носящие траур по мужу. Более тщательно одевающиеся, а также более зажиточные подвязывают к своим собственным косам искусственное продолжение из овечьей шерсти. Эти искусственные косы не особенно длинны и вплетенные в собственные косы женщины доходят ей только до пояса, они называются **«кальбиц»** или так же как и волосы, завязанные узлом, **«покак»**, если же они длинные, достигают иногда почти до конца подола платья, то называются **«дароз-зумақ»** (**даро:з-д·умақ**) – «длиннохвостые» или **«дарвозивор»** – «подарвазски». Последнее название указывает, откуда пришел этот способ ношения искусственных кос. Короткие искусственные косы **«кальбиц»** носят так, как они есть. Косы **«дароз-зумақ»** украшаются кораллами, бусами, перламутровыми пуговицами и т. п. При таких нарядных косах франтихи носят еще вдоль щек по пряди своих волос, называемых **«парчам»** – локон», которые на ночь завивают в папильотки из тряпочек. Такие вьющиеся пряди, смешивающиеся вдоль лица или ниже, называются **«кажак»** (**кағ·ак**), или **«крухак»** (**крух·ак**). Иногда к этим своим локонам также приплетается искусственное продолжение, и они тоже завязываются на конце узелками, висящими вдоль лица приблизительно на четверть ниже висков. Как **«кальбиц»**, так и, особенно, **«дароз-зумақ»** соединяются внизу плетеной тесемочкой **«кальбиц-банд»**, для того чтобы ровно лежали на спине и не расходились бы в стороны» [15, с.251].

Используемые слова: **«вурув»** (*wuruw, wirow*), **«джире»** (*jire, girê*), **«покак»** (*pokak*), **«кальбиц»**, **«kalbic-band»**, **«дароз-зумақ»** (*daroz-dumak*), **«darwoziwor»**, **«parčāt»**, **«кажак»** (*kağak*), **«крухак»** (*kruħak*) до сих пор используются в рушанских и шугнанских языках.

Наряду с этнологическими материалами определенную позицию в исследовании лексики украшений занимают фольклорные материалы. Различные жанры фольклора передавались из поколения в поколение до нашего времени и в них отражается выдающаяся картина мира и мысли людей древности. В частности, в словах или лексемах выражаются быт, обычаи и традиции народа. Президент Республики Таджикистан, Лидер Нации Эмомали Рахмон в своей бесценной книге «Язык нации – сущность нации» подчеркивает: «Восточные и западные арийские народы на протяжении долгого времени сохраняли свои религиозные и культурные ценности с помощью языка и диалектов своей земли. Как видим из древней истории арийцев, особенно восточных арийцев, еще до появления письменности и алфавитов, люди продолжали передавать свои ценные знания из уст в уста, посредством устного народного творчества [173, с. 35].

Действительно, предки таджикского народа сохранили все свои интеллектуальные ценности посредством устного творчества. Поэтому основой лингвистического анализа являются лексемы (в том числе связанные с женскими украшениями), упоминаемые в разных жанрах фольклора.

В частности, исследования в области фольклористики, завершенные в XX веке, наряду с источниками лингвистических изысканий, расцениваются как основной материал этнолингвистических исследований.

Впервые в 1914 году экспедиционная группа под руководством французского востоковеда Р. Готио и русским востоковедом И.Я. Зарубиным были направлены Музеем антропологии и этнографии Российской империи и Российским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии на Памир. Эта экспедиция собирает большой лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Р.Р. Рахимов подчеркнул, что полученный в ходе этой экспедиции фольклорно-этнолингвистического материала И.И. Зарубиным включает в себя наиболее ценные труды: «Фольклорно-этнолингвистические произведения Зарубина И. И. по итогам экспедиции 1915-1916 годов дает комплексный новый научный материал не только по

языкознанию и фольклору, но и по этнографии Памирских таджиков» [124, с. 112].

Позднее подобный фольклорный материал изучают и исследуют таджикские фольклористы. В частности, здесь мы можем отметить работы Р. Амонова, В. Асрори, Ф. Зехни, Д. Обидова, Р. Рахмони, С. С. Бабаева, Ф. Муродова и других.

Например, Р. Амонов в своей работе «Таджикская народная лирика» упоминает разные виды фольклорной лирики, и в них мы можем наблюдать слова, связанные с женскими украшениями. Например, в приведенном ниже четверостишье «ақику марчон» «сердолик и коралл», которые используются в женских украшениях, упоминаются следующим образом:

Дар сари дара ду мори печон дидам,
Дар куртуқи ёр ақику марчон дидам.
Гуфтум биравам **ақику марчонша** гирум,
Ай хӯйи бадум ёрма гурезон дидам [9, с. 206].

Перевод: Я увидел двух свернувшихся змей в ущелье,

Я увидел ожерелье из сердолика и кораллов на шее любимой.

Я хотел снять с ее шеи это ожерелье

Я увидел, что моя любимая сбежала от меня

Из-за моего скверного характера.

Одним из выдающихся украшений, которому таджики уделяют особое внимание, является украшение бровей, ресниц и лица. В устном народном творчестве таджиков украшение бровей мы видим в словосочетаниях «абруи сиёҳ» «қоши сиёҳ» «черная бровь», украшение лица словосочетаниями «рухсорай сурх» «красные щеки (ланины)», «рухсорай ақиқ» «сердоликовые щеки (ланины)» и украшение ресниц фразами «миҷғони чун тир» «ресницы как стрелы» и тому подобное встречаются очень часто. Такой как:

Чумчуқ сари беду пойи чумчуқ сари бед,
Ду қоши сиёҳ муносиби рӯйи сафед [9, с. 230].

Перевод: Воробушек на ветке берёзы сидит,

Её чёрные бровки так подходят ее белизне (лица)

Сад гул баста, сади дигар нобаста,

Рухсораш ақику абруяш пайваста [9., с. 230].

*Перевод: Сто цветов мы собрали и еще сто осталось,
Ланиты ее сердоликовые, а брови прямые*

Тоқй лаби қош, истоданат тир барин,
Ман сайди хароб, мичгонат чун тир барин [9, с. 231].

*Перевод: Тюбетейка твоя на краю бровей твоих, стан как стрела.
Я раненная добыча твоя, от твоих ресниц, словно стрелы.*

Также в устном народном творчестве встречаются описания украшений одежды, особенно то, как одеваются девушки, носят серьги и ожерелья, завязывают платок, описание их длинных волос, белых зубов, губ и тому подобное. Например,

Хобам бурдае дар сояи деволат,
Бедор шудам аз нағмаи гӯшворат [9, с. 231].

*Перевод: Задремал я под твоим забором,
Разбудил меня лязг твоих серёжек.*

Эй духтараке, мерй ба хуни додот,
Рӯмоли гули барра ба рӯйи қошот [9, с. 231].

Қадат ба мурам, ту қади раъно дорй,
Қошони сиёҳ, қомаи зебо дорй [9, с. 232].

*Перевод: Ох, девица, уходишь ты в родительский дом,
Плотно с цветочками повязала над бровями*

*Я умру для тебя, какой красивый рост у тебя,
Чернобровая, какой красивый стан у тебя.*

Қадат ба хирочи мамлакат меарзад,
Кокул ба миёни борикат меларзад [, с. 232].

*Перевод: Твой стан стоит в цене как целое государство,
Косички твои колыхаются у тонкой талии твоей.*

Чашмони хумор аз оби тилло мӯят,
Ошиқ шудаам ба лолаҳои рӯят [9, с. 232].

*Перевод: Томный взгляд твой, позолоченные косы,
Влюбился я в твои красные как цветок щеки*

Ман қад-қади ёр омадам реги дурушт,
Холҳои сиёҳи ёрам мана кушт [9, с. 232].

Перевод: Шел я за любимой, по жёсткому песку,

Черные ее родинки меня убили наповал.

Чашмони сиёхи пурхуморат-ба мурам,
Дандони сафеди обдорат-ба мурам [9, с. 232].

*Перевод: Я умру ради черных глаз твоих страстных
Я умру, увидев разок твои белые жемчужные зубы.*

Дидам, санамо, кӯза ба даст меояд,
Аз лаълаи лабаш мана ҳавас меояд [9, с. 233].

*Перевод: Увидел красавицу, идущую с кувшином,
Так хочется примкнуть к ее рубиновым губам.*

Исследуя таджикскую народную лирику, таджикский лингвист Р. Амонов, поражается также описанию украшенного образа девушек в народном творчестве: «Красота, исходящая от гармонии этих качеств, воспевается в стихах с воодушевлением и страстью. Сочетание волнистых волос девушки с черными бровями и ее мелодичный голос (т. е. голос девушки: Г. Р.) возбуждает боль в сердце:

Духтар, духтар, мӯҳои ғулғул дорӣ,
Ду қоши сиёҳ овози булбул дорӣ.

*Перевод: Девуца, девушка, вьющиеся косы у тебя,
Две черные брови, а голос как у соловья*

На фоне прекрасного места: дворец, расположенный на высоком и безбрежном месте, перед которым возвышаются вечнозеленые ели, дымка черных бровей и сияние алого лица смотрится божественно:

Долони баланд дорию пешаш арча,
Ду қоши сиёҳ дорию рӯят лахча» [9, с. 233].

*Перевод: Высоко твой балкон, а под ним ель стоит,
Дымка черных бровей у любимой, и сиянье алое лица.*

Одним из самых важных украшений для женщин в прошлом был **хинобандон (наводит красоту хной)** невесты. **Хинобандон** – вид украшения девушек, особенно невест, который сегодня практически исчез, особенно в городских населенных пунктах, но в глубинках, старшее поколение украшают свои руки и ноги этим методом. Однако этот вид украшения девочек очень часто описывается в устном народном творчестве таджиков. Про **хинобандон**

таджикский исследователь Ф. Зехни даёт информацию и доказывает свои утверждения цитатами других исследователей. Чтобы подкрепить наше высказывание и не повторять слова автора, мы сочли необходимым привести цитату полностью: «...По возвращении (т. е. возвращении из бани - Г. Р.) наносили хну на руки и ноги всем женщинам и девушкам. Как отмечает Ахмед Али Раджой, *хинобандон* в Бухаре заканчивался так: «Церемония *хино* – это связывание рук девушки, которая собирается стать невестой. Накануне в дом невесты приглашаются небольшая часть родственниц жениха и невесты, приглашаются музыканты: они поют и танцуют. На второй день женщины наряжают невесту, а затем, пока певцы поют и распевают поздравления перед ней, ее ведут в комнату, где сидят гости и усажают на подушки, покрытые белой тканью. Затем выносят большой сосуд с толчёнными стеблями хны, ставят его перед ней. В это время правую руку невесты кладут над головой ладонью вверх, чтобы она была обращена к небу, затем одна из женщин катает маленькие шарики из толчённых стебельков хны и ставит на руку невесты, присутствующие же женщины приходят и поочередно, одна за другой берут с руки невесты по одному или несколько шариков хны и передают женщине в возрасте, ответственной по проведению этого обряда. Обычно такие шарики хны гости заворачивают в бумагу и забирают с собой, и только потом завязывают руки невесты хной. На следующий день, когда гости вновь собираются, проводится свадебная церемония и невесту увозят в дом жениха». *Хинобандон* – один из древних обычаев народов Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии, а обычай наносить хну на руки, ноги и лицо в ночь бракосочетания и праздников до сих пор популярен в Иране и Индии [60, с. 31].

Еще один таджикский исследователь С.С. Бобоев упоминает в своих работах о старинном обряде - *хинобандон*. Исследователь приводит песню «*Хинобандон*», известную среди таджиков Бухары:

Хино, ҳино мебандем,
Ба дасту по мебандем,
Агар ҳино набошад,
Оби тилло мебандем.

Ҳино, ҳино мебандем,
Ба дасту по мебандем,
Агар ҳино набошад,
Тавқи тилло мебандем.
Агар ҳино набошад,
Дил ба Худо мебандем [26, с.34].

Перевод:

*Хной, Хной, мы завязываем,
Связываем руки и ноги
Если нет хны,
Повяжем золотой водой.
Хной, Хной, мы завязываем,
Завяжем руки и ноги
Если нет Хны,
Золотое ожерелье мы повяжем.
Если нет хны,
Мы свяжем наши сердца с Богом.*

Также С.С. Бобоев упоминает, что в день Хинобандон «Женщины-мастера по макияжу и прическам украшали невесту. Счастливую женщину просили помочь одеть ее золотом расшитое одеяния. Некоторые из присутствующих причесывали невесту, заплетали косички, и вешали украшения на шею и надевали на руки ювелирные изделия» [26, с.35].

Следует отметить, что фольклористы очень хорошо изображают моменты женского макияжа, также упоминают слова, связанные с украшением. Например, в приведенной выше цитате фразы «украсить невесту», «причесать невесте волосы», «заплести волосы невесте», «украсить руки и шею» являются примерами, принадлежащими к лексике украшений.

Кокул также является одним из средств украшения таджикских женщин и девушек. Но исторически *кокул* изначально принадлежал мужчинам и юношам. В словарях это слово трактуется также и означает «длинная прядь волос на голове мужчин и юношей» [206, с. 618]. В эпосе «Гуругли» *кокул* употребляется в этом же смысле, и от него образуются слова и словосочетания «*кокулафшон*», «*кокултилло*», «*кокулзар*», «*кокулчунбон*», «*кокулзари зебо*»,

«кокули халқа» и т. д. Это свидетельствует о том, что кокул был не только средством украшения, но и сам украшался:

Ду кокулуш халли тилло,
Мавч мезанад рӯи уҳо [102, с. 213]

*Перевод: Два локона как позолота
Сияют на ее лице*

Ду кокулуш гули лола,
Чашмоша молид якбора [102, с. 189]

*Перевод: Два локона волос- тюльпаны
Ласкают нежно ее глаза*

Ду кокул ай симу зар,
Ту як қаландари гандатар [102, с. 136]

*Перевод: Два локона золотые,
Ты чище плохого скитальца со мной*

Чилучорта бофтай кокуло,
Дар сар мунд қасабаи тилло [102, с.138]

*Перевод: Сорок четыре сплела косичек
Накинула на голову золотой платок*

Пурсоним куна у духтар,
Ай фарзандш кокулзар,
Кучош кардай Авази газар. [102, с.63]

*Перевод: Расспросит меня златокудрая девушка
Про ребенка
Куда дел его суровый Аваз*

Хамбидас мобайни майдон,
Назар кардас кокулафшон [102, с. 131]

*Перевод: Встал посреди поля битвы
Взглянул вокруг, встряхнув кудрями.*

Сад боракало куна дар Нуралии кокулзари зебо,

Нуралира Худо лоик дидас амтари кори дигар бо [102, с.131]

*Перевод: Молодец, красавец златокудрий Нурали!
Бог еще раз удостоит Нурали таким делом.*

Эй Нуралим, валии алло,

Ширинчонум, кокултилло,

Гапут гуфтори тутиё [102, с.62]

*Перевод: О, Нурали – ты святой,
Дорогой наш, златокудрий богатырь,*

Говоришь красноречиво.

(Или: Повторяешь как попугай)

Бугу номи Нуралӣ дар тамоми чо,

Зартор шинидай, хушқадду кокултилло [102, с. 65]

*Перевод: Произносите имя Нурали везде
Зартор услышала о нём, о златокудром.*

Аваз бодури соҳибғазо,

Қатии Нуралии кокултилло [102, с. 245].

*Перевод: Аваз – непобедимый богатырь
И с ним Нурали златокудрий.*

Э бачаи кокулзар,

Хушта бигӣ дар сар [102, с. 99].

Э гули лолаи навбаҳор,

Э бачаи нозуки кокулдор [102, с. 100]

*Перевод: Эй, златокудрий мальчик,
Приди скорее в чувства!*

Из этого эпоса выясняется, что **кокул** носят в основном мужчины, но **кокулом** называли и женские длинные чёлки [206-1, с. 618]. Сейчас **кокул** на волосы вешают только женщины.

Следует отметить, что этот тип причёски более популярен в Бадахшане. **Кокул** на шугнанском языке называется «*kalbic*», а на вахонском — «*kilbiš*». На бадахшанском диалекте таджикского языка **кокул** называют «*муйбофак*» и

«**муйбандак**». Именно это слово и другие слова, связанные с украшением невесты в Бадахшане, мы наблюдаем в следующей народной песне:

Ту гули лола, ма насринуме,
Мохи нав дида, чамолат бинаме.
Сараке дорй тарбузи фелон,
Гирди он сарак **рўмол** чинаме.
Мўяке дорй чун ман дораме,
Гирди он мўяк **мўйбоф** чинаме.
Гўшаке дорй, чун ман дораме,
Гирди он гўшак **гўшвор** чинаме.
Гардане дорй, чун ман дораме,
Гирди он гардан **мўра** чинаме.
Дастаке дорй, чун ман дораме,
Гирди он дастак **дастбанд** чинаме.
Ангуште дорй, чун ман дораме,
Гирди он ангушт **чилла** чинаме.
Қадаке дорй, чун ман дораме,
Гирди он қадак **курта** чинаме.
Пояке дорй, чун ман дораме,
Гирди он пояк **кавшон** чинаме [167, с.107].

Перевод: Ты тюльпан - я шиповника куст
В новолунье хочу увидеть красоту твоего стана
Голова твоя словно шар (арбуз)
И с неё я **платок** хочу сорвать.
Локоны твои завиваются
Хочу я сам сплести тебе **косички**
Уши твои самые нежные
Хочу я сам тебе **серезжки** на них надеть
Твоя длинная шея
Хочу тебе я сам повесить на нее **ожерелье**
Твои нежные руки
Хочу я сам тебе **браслет** на них одеть
Твои длинные пальцы
Хочу я сам на них надеть **колечко**
Твой нежный стан
Хочу я **платье** сам надеть
Твои белоснежные ножки
Хочу я сам надеть тебе **галоши (обувь)**

Из сюжета этой песни стало известным, что в Бадахшане невесту украшали с головы до ног. Использование лексики, связанной с украшениями, такие как *мӯйбоф*, *гӯшвор*, *муҳра*, *дастбанд (даствона)*, *чилла (ангуштарӣ)*, *курта*, *кавиш* и т.д. доказывает это.

Аналогичная этой песне есть еще одна песня в книге Н. Шакармамадова «Бадахшанская народная поэма», собранная им у народа Бартанга, в которой использованы те же слова украшений (*рӯймол*, *шона*, *сурма*, *гӯшвор*, *муҳра*, *дастбанд (даствона)*, *чилла (ангуштарӣ)*, *курта*, *кавшол*):

Шаҳду шакар ёрак аз мане,
Биё, равем, хона аз мане.
Сарак аз ту **рӯймол** аз мане,
Биё равем, хона аз мане.
Мӯяк аз ту **шона** аз мане,
Биё равем, хона аз мане.
Чашмак аз ту, **сурма** аз мане,
Шаҳду шакар ёрак аз мане.
Лабак аз ту **бӯса** аз мане,
Биё равем, хона аз мане.
Гӯшак аз ту **гӯшвор** аз мане,
Шаҳду шакар ёрак аз- мане.
Гардан аз ту **мӯ(х)ра** аз мане,
Биё равем, хона аз мане.
Дастак аз ту **дастбанд** аз мане,
Шаҳду шакар ёрак аз- мане.
Ангушт аз ту **чила** аз мане,
Биё равем, хона аз мане.
Қадак аз ту, **курта** аз мане,
Шаҳду шакар ёрак аз- мане.
Пояк аз ту, **кавшол** аз мане,
Биё равем, хона аз мане [167, с. 108].

*Перевод: Ты мед и сахар возлюбленная моя,
Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
На твоей головушке **платочком** быть согласен,
Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
Кудри твои причесать **гребнем** твоим быть согласен,*

Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 Подвести твои глазоньки **сурьмой** я согласен,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 Алость губ твоих от моих поцелуев,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 На ушах твоих **серезжками** быть я согласен,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 На твоей прекрасной шее **ожерельем** быть я согласен,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 На твоём нежном запястье **браслетом** быть я согласен,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 На тонких пальчиках твоих согласен **перстнем** быть,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 На твоём стройном стане согласен быть я **платьем**,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 Ты мед и сахар возлюбленная моя,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.
 На твоих белоснежных ногах согласен **калошами** я быть,
 Пойдем, любимая, со мной в мой дом.

Стоит отметить, что «**ангуштарӣ**» «кольцо» и «**оина**» «зеркало» популярны среди таджиков как средства украшения. Но в древних сказаниях и легендах эти предметы использовались как средство магии и чудес. Например, знаменитые фразы «**ангуштарии Сулаймон**» «кольцо Соломона» и «**оинаи Сикандар**» «зеркало Икандера» занимают центральное место в легендах и мифах древности. По преданиям, эти выражения использовались как намёк в народных песнях или стихах поэтов. Такой как:

Гарчи Сулаймон шавад, **ангуштарин**
 Хинсири ўро нарасад дар нигин. *Хусрави Деҳлавӣ* [203, с. 72].

Перевод: Есть Сулейман, что трон его,
 Что перстень нам, ведь мы вольны!

Алминнати лиллах, ки **ангуштарини** мулк,
 Карданд дигарбора ба ангушти Сулаймон. *Муизӣ* [203, с.72].

Перевод: Слава Аллаху Господу миров,
 Снова перстень надели Сулейману

Оинаи Сикандар чоми Чам аст, бингар,
То бар ту арза дорад аҳволи мулки Доро. *Ҳофиз* [203, с.83].

*Перевод: Зеркало Александра Джамшедова чаши, взгляни
То ты оценишь сам положение владения Доро.*

Таким образом, анализ позиции этнологических и фольклорных изысканий в исследовании лексики украшений показал, что в этнологических и фольклорных исследованиях значительно используется лексика, связанная с женскими украшениями, которую мы можем использовать как важный этнолингвистический материал.

Выводы по 2 главе

В данной главе предметом анализа в рамках этнолингвистического исследования является лексика, связанная с украшениями.

Украшения, придающие духовное настроение, являются неотъемлемой частью повседневной жизни людей с древнейших времен и связаны с климатическими, природными, культурными и религиозными особенностями определенного народа. Каждая культура имеет свои уникальные украшения, отражающие материальную и духовную жизнь общества, что создало обширную лексическую группу в национальных языках, включающую термины для различных видов украшений.

Исследование показало, на протяжении всей истории украшения играли важную роль в различных культурах и народных обрядах, отражая традиции, верования и эстетические ценности общества. Украшения использовались не только как символ красоты, но и для обозначения социального статуса, религиозных убеждений и обрядов. В разных культурах украшения сопровождали значимые события, такие как свадьбы, ритуалы и церемонии. Они могли также рассматриваться как амулеты, предназначенные для защиты от злых духов или влияний, что указывает на их важность как составную часть материальной культуры и духовной жизни различных народов, сохраняя свою ценность на протяжении многих поколений.

Например, перфорированный жемчуг, который исследователи связывают с первобытным периодом, использовался не только как украшение, но и как символ племенной идентичности и защиты от злых сил. С течением времени такие украшения приобрели эстетическую ценность, передавались из поколения в поколение и стали символами красоты и власти.

Источники свидетельствуют о том, что таджикский народ, подобно многим другим народам, уделяет значительное внимание эстетике и украшению одежды, что всегда находит отражение в языке, фольклоре, истории и этнографии. Одним из подтверждений этого факта является использование различных цветов в словах, связанных с женскими украшениями. Эта проблематика активно обсуждается отечественными исследователями, и в таджикском языкознании проведено много научных исследований, посвященных изучению лексики таджикского языка и восточно-иранских языков Таджикистана, включая шугнанский язык, что принесло значительные научные результаты.

Этнолингвистические исследования лексики украшений уделяют особое внимание этнологическим и фольклорным аспектам, поскольку содержат информацию о терминах, связанных с украшениями, и их использовании, что является фундаментальным для глубокого изучения этой лексики.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Обзор темы

Лексический состав языка наряду с другими разделами языкознания развивается на протяжении многих веков. Следует отметить, что развитие словарного запаса языка тесно связано с жизнью народа и событиями реального мира. За каждым новым явлением, происходящим в жизни людей, обязательно следует новая лексика и композиция. Украшение, которое считается важным аспектом материальной и духовной жизни человека, всегда находится в состоянии изменения, и несомненно, что его словарный запас также находится в процессе эволюции и формирования. Из научных источников известно, что тяга к украшению появилось раньше, чем влечение покрыть тело одеждой, поскольку до появления одежды люди раскрашивали свое тело в разные цвета и покрывали его разными узорами. В древних археологических находках встречаются предметы, служившие украшением: бусы, ракушки, плоды растений. В Древнем Египте люди носили всевозможные обереги и магические подвески, которые постепенно теряли свое первоначальное значение и превращались в украшения. Мужчины и женщины соревновались друг с другом в ношении различных украшений, стараясь в избытке нарядить головные уборы, волосы, конечности и все выступающие части одежды. Следует отметить, что в сфере женских украшений существует определенный круг лексических терминов, что в свою очередь подтверждает сложность семантики самого понятия «украшение». Эту сложность невозможно изложить в одном только слове. «Обширная и разнообразная коллекция украшений представляет собой не меньший интерес и ценность. Она дает возможность проследить взаимосвязь украшений с социальным укладом, бытом и эстетическим вкусом эпохи» [72, с. 27].

Это явление связано еще и с тем, что различные термины и слова, описывающие украшения, имеют в своей основе исторический, этнокультурный, национальный и традиционный характер. Поэтому, с одной стороны, если под влиянием культур лексика украшений обогащается, то с другой стороны, развитие общества также является причиной формирования лексики украшений. То есть, по мере развития общества украшения стареют и их место занимают новые украшения, вместе с ними в число старой лексики описания украшений входят некогда популярные – старые слова (архаизмы) и, наоборот, стремительно циркулируют в языке новые слова (неологизмы). Эту же ситуацию мы наблюдали в шугнанском языке. В современном шугнанском языке некоторые слова, которые использовались для описания украшений в прошлом, сегодня не используются, и мы находим такие слова только в словарях или иногда их можно услышать из уст старшего поколения. Новые слова описания украшений в шугнанский язык вошли из разных языков, благодаря чему лексика украшений обогатилась еще больше. Следует отметить, что существующие в обиходе слова языка с течением времени наряду с первоначальным значением приобретают и другие значения, основанные на различных грамматических закономерностях, и лексика украшений шугнанского языка не является исключением из этих правил.

Поэтому в этой главе мы решили изучить лексико-семантические, структурно-грамматические особенности лексики украшений шугнанского языка.

3.2. Лексико-семантическая классификация женских украшений в шугнанском языке

Лексика украшений в целом подразделяется на группы в соответствии с признанными типами. Среди лингвистов нет единого мнения по поводу лексической классификации описания украшений.

М. Бобомуродова разделила лексику, связанную с женским украшением, на следующие группы:

- слова и термины, обозначающие ювелирную отрасль;
- биоморфные элементы в лексике украшений;
- слова, связанные с украшением ушей;
- слова, связанные с украшением груди и шеи;
- лексика связанная с украшением волос;
- слова и термины, выражающие украшение лица и рук [29, с. 10].

На основе приведенной классификации мы группируем лексику женских украшений в шугнанском языке следующим образом:

- лексика украшений причесок и волосоплетения;
- лексика макияжа лица;
- лексика макияжа глаз, бровей и ресниц;
- лексика ушных украшений;
- лексика украшений груди и шеи;
- лексика украшений рук и ног;
- лексика украшений женской одежды (тюбетейки и джурабы (носки)).

Следует отметить, что лексические группы украшений имеют смысловую связь друг с другом. Словарный запас языка – это не только совокупность слов, но и расположенные слова в определенном порядке.

В шугнанском языке существует множество слов, связанных с украшениями и нарядами. Эти слова имеют древнюю историю и до сих пор активно используются носителями языка. Они свидетельствуют о культурном наследии и своеобразии языка шугнанцев, которое доказывает, что этот народ уделяет красоте и украшениям особое внимание. Основываясь на приведенной выше классификации, мы проанализируем каждую лексическую группу по разделам.

3.2.1. Лексика украшений причесок и волосоплетения

Об украшении волос и волосоплетения таджикских женщин в этнографических произведениях можно встретить немало упоминаний. Однако

их этнолингвистические исследования весьма ограничены, и недостаточно информации по этому вопросу. Таджикский исследователь М. Бобомуродова также указывает на этот вопрос и отмечает о том, что: «...учитывались только этнографические аспекты волос и чёлка, а их лингвистические аспекты не учитывались» [29, с. 68].

Фактически украшения для волос, заплетение косичек и уход за волосами является одним из основных элементов древней культуры таджикского народа, в том числе шугнанцев. Эта традиция прослеживается на протяжении многих веков и до сих пор является важной частью жизни таджикского народа. Шугнанские женщины и девушки в древности не стригли волосы, в основном заплетали косы и тщательно ухаживали за волосами. По обычаю, девушки заплетали волосы в две косы и старались скрепить их вместе, чтобы они не мешали им в быту. Косоплеткой служил длинный плетеный из шерсти *реҷак*, который пропускали через основание кос. Одним из украшений, включенных в список украшений для волос, является *реҷак*. Лексическая единица *реҷак* обозначает косоплётку, состоящую из следующих деталей: шерстяных нитей и стеклянных бус. Эти украшения считаются более древними, характерными для девочек, девушек и молодых женщин.

Одним из древних свадебных церемоний жителей Бадахшана является заплетание *реҷак* невесте до того, как она войдет в дом жениха. *Реҷак* считается одним из главных украшений бадахшанских невест. Этот ритуал имеет глубоко древние корни и не теряет своей актуальности по сей день.

Слово *реҷак* букв. «привязная шерстяная женская коса» [198, с. 399] заимствовалося из таджикского языка, которая в таджикском языке имеет форму *печа или пича* «1. чёлка; локон; 2. пича (косичка у маленьких девочек надо лбом и висками); 3. лоб; пича буридан отрезать чёлку» [207, с. 90], [208, с.476]. Также слово *печ* в таджикском языке означает «завиток (волос); *печи зулф* завиток волос, локон» [208, с.471]. Поскольку *реҷак* вплетается скрученными нитями (завиток) в волосы, его называют *реҷак* в зависимости от его значения в шугнанском языке, где *-ак* используется как уменьшительно-

ласкательный суффикс. Наряду со словом *peřak* существует также слово *peřakband* «буквально: *шнурок для peřak*», который состоит из компонентов *peřak* «искусственные косы» и *band* «шнурок». Ш. Некушоева, раскрывая формулировку слово *band*, подчеркивает: «Второй компонент данных слов можно наблюдать в составе синонимичной пары *шугн., руш. робандак* разноцветный шнур для соединения двух женских кос, *ра* к перс.-тадж. *роҳ* «дорога», *бандак* «шнурок», *тадж.* бандак «булавка». Как правило, *робандак* для искусственных кос невесты украшается бисером. Во втором значении данное слово используется для обозначения крупной бусинки, нанизанной на нитку по середине мелких» [108, с.117].

У каждого народа существуют свои традиции ухода и украшения волос. Традиция украшения волос различными драгоценностями как женщин, так и мужчин, пришла к нам с древнейших времен и сохранилась до наших дней с некоторыми трансформациями. Среди шугнанцев также украшение волос имеет древнюю историю, поэтому в шугнанском языке есть отдельные слова, обозначающие украшение волос.

Для обозначения волос в шугнанском языке используется номинативная единица *yūnj*. Самым простым украшением волос является заплетение волос, для обозначение которого в шугнанском языке используется номинативная единица *yūnj wiftow* «плетение волос». Среди шугнанских женщин и девушек распространены несколько видов плетения волос. Для обозначения разновидностей плетения волос употребляются такие номинативные единицы как: *хоҳак, yiwāk, дууїпāk, sebofak, ranjak, divũсак, каҳтак, каўак, sabadak, girdak, yolučka, bakavoy* и другие.

Хоҳак (ен) «косица, косичка» – один из видов плетения волос. Слово «*хоҳак*» в словарях трактуется следующим образом: «*косица, косичка*» [199, с. 222], [188, с.187]. Поскольку *хоҳак* плетется с обеих сторон головы (по бокам) для его обозначения используют номинатив *хоҳакен* «косички» во множественном числе. Этот вид плетения волос (*хоҳакен*) применялся как пожилыми женщинами, так и молодыми девушками. В прошлом шугнанские

женщины широко использовали этот вид плетения волос. Для создания такой причёски волосы делятся на две части. Разделяющая часть волос в шугнанском языке обозначается номинативом *wirow*. Заплетенные в косу волосы откидывались назад и этот ансамбль дополнялся тубетейкой.

Этот вид украшения (*хоҳак*) также используется в свадебной церемонии. При плетении косы небольшая верхняя часть волос невесты отделяется от общей копны волос, затем делится на пять прядей и заплетается. После этого эти маленькие косички крепятся к заплетенным с двух сторон откинутым назад косам. Это одна из особенностей украшения волос бадахшанской невесты.

Стоит отметить, что слово *хоҳак* образовано от корня *хоҳ* «рог» и суффикса *-ак*, который по значению и использованию аналогичен *хоҳак* «рожки».

Синонимом номинативной единицы *хоҳак* (*ен*) является номинативной единицей *дууйнāk*, которая обозначает тот же тип плетения волос. Номинативная единица *дууйнāk* образовано от *дууйн* «двойной» и суффикса *-ак*.

Как мы уже упоминали выше, *пробор* в шугнанском языке обозначается номинативным единицам *wirow*. Это слово в «Шугнанско-русском словаре» профессора Д. Карамшоева объясняется следующим образом: «*Wirow* – пробор; *tu wirow čurδ* «твой пробор кривой»; *wirow da (даδ)* «делать пробор» *yad tu yūnj wirow δām* «подойди-ка сделаю тебе пробор на волосах»; б) перен. *делать проход в пшенице, ржи, перевязывая злаки по обеим его сторонам; di žindam wirow даδ ху, māš naujisām* «сделай проход в пшенице, и мы пройдем» [197, с. 347]. *Wirow dedow* «разделить пробор, разделить волосы на две части, делать пробор» [186, с.261].

Wirow «пробор» – линия, разделяющая женские волосы на две части во время украшения, и она должна быть абсолютно ровная. Кривой пробор, становится причиной насмешек со стороны людей, и приведенное выше объяснение является доказательством этих слов. Однако с прогрессом и развитием общества развивался и вид украшений. Среди молодежи 90-х годов

украшение *wirow* приняло другую форму, известную как украшение *zigzak*, т.е. ломанная линия, и широко использовалось молодыми девушками. Слово *zigzak* в шугнанский язык попал с русского языка и до сих пор употребляется в этой форме.

Girdak (от *gird* «округлый; шарообразный» и суффикса *-ak*) также является видом украшения волос шугнанских женщин. Этот вид украшения изначально использовался женщинами, работавшими в государственных учреждениях и занимавшими руководящие должности. Этот вид украшения связан с украшением *duyūnāk*. Его заплетали как украшение *duyūnāk*, а в конце заплетенные волосы собирали вокруг квадратной тубетейки в виде круга. По этой причине это украшение называется *girdak*

Panjak – еще один вид украшения волос, включающий в себя плетение волос из пяти прядей. В словаре профессора Карамшоева Д. это слово поясняется следующим образом: «*Panjak* – косица, заплетенная из пяти прядей; *azūdta wāfen xoħak, azed panjak xu, dāden qafo wi* «с передней стороны заплетают косичку (*xoħak*), а рядом (*panjak*) (из пяти прядей) и сплетают сзади» [198, с. 399]. Этот тип прически популярен среди молодых девушек. Этот тип украшения представляет собой не только заплетенные волосы из пяти прядей, а множество кос, заплетенных из трех прядей, они также известны под этим термином. Например, *ku tu yūnj panjak wāf* - Заплети мне, пожалуйста, мелкие косички. В наше время среди молодых девушек такой вид украшения известен термином *afrakasički* «афрокосички», которые плетутся из нитей различных цветов. Слово *afrakasički* в шугнанский язык вошел через русский язык и употребляется в исходной форме.

Женщины для украшения волос (окрашивания) использовали природные краски. В частности, шугнанские женщины использовали *ħipeħk* для окрашивания волос. *ħipeħk* – это вид травы красного цвета и «женщины широко пользовались косметическим маслом, куда добавляли разновидность растения красного цвета *ħipeħk*» [108, с.116].

В основном *ǰipeǰk* использовался для двух целей: 1) для укрепления волос и защиты их от чрезмерного выпадения; 2) для красоты, украшения и сокрытия седины. Нынешнее время место *ǰipeǰk* заменили хна и разные химические краски для волос.

Sarbandak является одним из видов украшений головы, которая в Бадахшане женщинами используется только в свадебном обряде. Слово *sarbandak* в словаре объясняется следующим образом: «*Sarbandak* – повязка на голову невесты; *sarbandak qatita niwenc kāl vīsen (vīnden)*– *повязкой обматывают голову невесты*» [198, с. 534]. У шугнанцев при отправке невесты в дом мужа существует традиция, известная как *ǰayǰid*. В шугнанско - русском словаре профессора Д. Карамшоева это слово объясняется следующим образом: «*ǰay* – *нарядный, разодетый, хорошо одетый. Ya as kal to pod ǰay* – *она разодета с головы до ног; ǰay ǰidow* – *наряжаться, принаряжаться, украшать. Wam niwencen ǰay ǰūd* – *невесту нарядили*» [199, с. 400]. *ǰayǰid* делается с помощью 5 больших платков. Накидывая платки на голову невесты, необходимо использовать повязку (*sarbandak*). Главная особенность повязки (*sarbandak*) не дать платкам невесты упасть. У шугнанцев существует поверье, если с невесты падают платки (*ǰay*) во время свадебной церемонии, то вступающих в брак молодых людей постигнет несчастье. Именно поэтому женщины пользуются повязкой (*sarbandak*), чтобы избежать этого.

Так как вся одежда и украшения невесты на свадебной церемонии красного цвета, то *sarbandak* также вышивается орнаментом из ниток красного цвета. В наше время мастера и портные украшают этот вид обязательного предмета туалета невесты, вышивкой и небольшими блестящими бусинами, что придает ему некий шарм.

Kaǰtak – еще один тип плетения волос. Этот вид украшения требует деление волос на две равные части и по мере заплетания косы с краёв берутся небольшие локоны, затем вплетаются в общую косу в центре головы. Буквально *kaǰtak* переводится как *пшеница*. Это название (*kaǰtak*) связано с тем, что, коса заплетенная таким образом становится похожа на пшеницу (скорее *колосок* –

на шуг. *roʻz*). Иногда такое плетение косичек называется *гандумак*. *Гандумак* является эквивалентом слова *каҳтак* с таджикского языка. Наряду с *каҳтак* и *gandumak* этот вид украшения еще называют и *divuskak*, что в переводе означает «змейка». Как уже отмечалось, эта манера плетения косичек напоминает змею.

Каҳак – является еще одной разновидностью украшения для волос. Его широко используют молодые девушки. Девушкам с прямыми волосами нравится завивать свои волосы. Про термин *каҳак* Д. Карамшоев дает информацию и интерпретирует ее следующим образом: «*Каҳак* – 1. завиток, локон, кудри; *wam kaħakenardum qabul* – я пленен её локонами. 2. изгиб; кривизна, извилины, резьба (на столбах украшения); кудрявый, завитой; *wi yūnj az nan qičad kaħak vud* – его волосы были кудрявыми от роду; *kaħak čidow* – завивать; *tu nan tu kāl zinodat, tu parčamenī kaħak čud* – моя мать помыла мне голову и завила локоны; *ya xu yūnj kaħak kiħt* – она завивает себе волосы; *kaħak sidow* – виться, завиваться» [198, с. 104]. Из толкования слова видно, что слово *каҳак* употребляется с глаголами *čidow* и *sidow*, и они обозначают действие, т.е. *завивать кудри*.

Раньше, чтобы завить волосы, девушки на ночь заплетали большое количество тугих косичек на влажные волосы. До утра волосы становились кудрявыми. В наше время кудри различных размеров наносятся специальными электрическими инструментами для завивки волос.

Один из этих инструментов известен среди девушек как *щипцы-гофре*. В шугнанском языке его номинативная единица – *yūnjkaħakkunak*, образованная от *yūnj* «волосы», *каҳак* «кудрявый», *kun* «основа настоящего времени глагола делать (заимствован из таджикского языка)» и суффикса *-ак*.

Другие виды украшения волос, известные на шугнанском языке как «*боковой*» и «*ёлочка*», заимствованы из русского языка.

Bakavoy «*боковой*» – этот вид украшения волос (прически), при котором женщины обвивают волосы на затылке и закрепляют их шпильками. Этот вид украшения используют женщины, имеющие длинные волосы, и, чтобы как

можно быстрее уложить волосы, собирают их в центральной части головы или затылка. Слово *bakavoy* происходит от русского языка «*боковой*», что в основном означает «с боку». Однако в шугнанском языке значение этого слова изменилось, и при украшении волос оно не имеет ничего общего с боковой частью головы. Конечно же в наше время существуют различные виды боковых пречёсок, которые считаются видами украшения волос. Однако в шугнанском языке *bakavoy* - тот же вид украшения волос (волосы, завязанные на затылке или в центре головы), который в советское время был популярен в основном среди образованных женщин, и до сих пор эти прически носят женщины определенного социального статуса. Сейчас этот вид украшения характерен как для домохозяек, так и для работающих женщин. Этот вид украшения в основном используют женщины старшего возраста. Среди молодых женщин этот вид украшения не столь популярен.

Также стоит отметить, что в наше время появились различные типы причесок, которые, безусловно, характерны для других культур, но также вошли и в таджикскую культуру. Этот тип причесок используется в шугнанском языке под своими исходными названиями, например: *kaskad*, *francuski kaskad*, *dvaynoy kaskad*, *kare*, *afrikanske kasički*, *polboks*, *kanadka*, *seson*, *bob kare*, *zavivka*, *lesinka* и другие.

Женщины используют специальные принадлежности для укладки волос, в том числе *wixuj* «*расческа*», *zagolka* «*заколка*», *nividimka* «*невидимка*», *šipilka* «*шпилька*», *abadok* «*ободок*», *lent* «*лента*» и *yěnak* «*зеркало*». Одним из предметов украшений является *wixuj* «*расческа*», который считается основным инструментом для украшения волос. Это инструмент с зубцами для выпрямления и укладки волос. Обобщенным словосочетанием расчесывание волос в шугнанском языке является *wixuj čidow*.

Другой атрибут для украшения волос является *nividimka*. Слово «*невидимка*» преимущественно взято с русского языка и в шугнанский язык оно вошло через этот же предмет, и сегодня в шугнанском языке оно произносится как *nividimka* и употребляется в той же форме. *Невидимкой (nividimka)* обычно

пользуются женщины для закалывания тубетеек, чтобы она не сползла с головы.

Наряду с невидимкой существует еще один аксессуар – *zagolka*, которой женщины и девушки украшают волосы. Слово *zagolka* в шугнанском языке является условной формой русского слова «заколка», и этот декоративный инструмент употребляется с тем же русским названием и в шугнанском языке. Сейчас существуют разные виды заколок, которые используются в качестве декоративных аксессуаров для украшения прически. Также девушки как украшение для волос используют *abadok* «ободок», который используется с тем же русским названием в шугнанском языке.

Lent «лента» еще один из аксессуаров - украшений, используемый маленькими девочками. *Lent* – это бант, бантик (лента), зачастую белого цвета завязывались девочками школьницами, по требованию «школьного» дресс-кода эпохи социализма, других цветов вплетались в косички в торжественные праздники. Ученицы средней школы заплетают волосы *yiwāk* «одна коса» или *duyūnāk* «две косички» и украшают их – белыми бантами. *Lent* (бантик) вплетается в косички, затем вдевается каждая в противоположные косички у основания и завязываются в красивые цветочки особым методом. В современную эпоху на рынках он продается в готовом виде (в виде различных цветков). *Ленты* используются не только для украшения прически, но и для украшения автомобилей на свадьбах. Автомобиль жениха украшают разными лентами, в основном это атласные ленты. При украшении машины жениха, из ленты делают разные декоры и украшают ими машину.

Еще одним из женских аксессуаров для причесок, заимствованных из русского языка в шугнанский язык, является *šipilka* - «шпилька для волос». Для украшения причёски *bakavoy* используется *šipilka*. Её используют для красоты и поддержания волос при *bakavoy*. Сама шпилька также украшается женщинами различным способом. Например, чтобы быть красивее и очаровательнее шпильку украшают белыми бусами, что придает прическе двойную красоту.

3.2.2. Лексика макияжа лица

Женщина – олицетворение красоты, и от природы она одарена силой гармонии и эстетизма. Во все времена в некоторых странах белая кожа, легкий румянец на щеках и алый цвет губ считались эталоном красоты. Для женщин, особенно невест, украшение лица – источник красоты и ежедневное занятие. Поэтому естественно, что это действие также привело к появлению в языке ряда слов и терминов [30, с. 74]. Следовательно, группу лексики женских украшений (макияжа) образуют лексические единицы, относящиеся к украшениям для лица.

Номинативная единица *pic* обозначает «лицо». Украшение *pic* «лица» в шугнанском языке выражается номинативной единицей *xušruyčid* (буквально: *наводит красоту*) и словосочетанием *xušruy čidow*. Чтобы украсить лицо и сохранить качество кожи лица *lunjen* «щёки», *peħüne* «лоб», *šanden* «губы» женщины используют такие средства для макияжа, как *safedā; pudri* «пудра», *čakka* «молочный продукт», *wilūxč* «окисшее молоко», *qalamfur* «гвоздика, буквально: красный стручковый перец), *bodiringpūst* «кожица огурца», свежие фрукты и т.п.

Safedā – это средство украшения для лица (макияжа), которое использовалось для отбеливания лица женщин. *Safedā* изготавливался следующим образом: скорлупа яиц замачивалась в воде на двое суток, в воду также добавляли гвоздику или какое-нибудь ароматное растение. Затем воду сливают и сушат эту массу на солнце. После того, как она высохла, ее нужно было растолочь в ступе, превращая в порошок. После этого порошок пропускают через сито, и продукт был готов к использованию. О *safedā* (*сафедэ*) и ее использовании женщинами также упоминает исследователь Ш. Некушоева: «Специально приготовленная пудра *шуг., руш., хуф., бр., safedā* (yi) изготавливалась путем дробления скорлупы яйца и добавления к нему гвоздики (шуг. *qalamfur*) и разновидности растения *ximlit* «укроп». Такой

пудрой пользовались почти все женщины, считая, что она хорошо отбеливает и делает гладким кожу лица» [108, с.120].

Исследователь обычаев и традиций таджиков долины Хуф М. С.Андреев в своей книге даёт информацию о макияже лица и подчеркивает: «Хуфские женщины употребляют румяна, называемые «*ришк*», а также белила, называемые «*сафед-гинодж*». Последние приготавливаются из сыворотки, которая варится до полного загустения, после чего засушивается в виде маленького комочка. Им натирается лицо после умывания. Считается что это придает коже мягкость и белизну. Кроме того, для придания мягкости и белизны коже лица женщины летом мажут лицо соком растения «*кирйонч*», а зимой – настоем из высушенных плодов этого растения» [15, с. 520].

В ряду лексических единиц макияжа лица чаще всего употребляются слова *safedā* и *pudri*. Слово *safedā* является заимствованным из таджикского языка и означает «1. белок; 2. порошок; оно имеет значение припудривания *сафедата задан*» [208, с.543]. В современную эпоху *pudri* заменила *safedā*, которое широко используется девушками и женщинами. Слово *pudri* также является заимствованным в шугнанский язык из русского языка.

Лингвист П. Абдулхамидова в своей диссертации даёт информацию об этом виде украшений и отмечает: «Косметические средства, согласно народному пониманию, должны отличаться одновременно полезными свойствами. Самыми популярными являются *пудра*, изготовленная из яичной скорлупы: шугн. *safeda* букв, «белизна»; шугн. *čirc-at būnj* букв, «кусочек графита, об который трут продолговатым камнем, для подведения глаз» [2, с. 22].

Čakka «густое, откинутое кислое молоко или пахтанье» помимо использования его в качестве молочного продукта, шугнанские женщины также используют его для поддержания свежести лица. Слово *čakka* в шугнанский языке вошел из таджикского языка.

Наряду с *čakka* шугнанские женщины также используют *wilūxč* -окисшее молоко, для украшения лица. То есть, когда молоко окиснет, делится на две

части – молочная сыворотка и загустевшее окисшее молоко. Загустевшую часть девушки и женщины мажут на лицо и используют как маску для лица. Оно освежает и омолаживает кожу.

Женщины также используют свежие фрукты для ухода за кожей. В частности, широко используются плоды дерева, известного как *kiryopč*. *Kiryopč* – паслен (используется женщинами для смывания лица) уст. помидор; *qadimen mi ramidor nım kiryopč lıvj* – «в прежние времена помидор называли кирйопч» [198, с. 128].

Xol - родинка, родимое пятно; пятнышко, крапинка; точка- это также одно из украшений на лице женщин. Слово *xol* также заимствован из таджикского языка и означает «черное пятно на коже лица или в другом месте». В основном существует два типа *xol* – родинок: естественный *xol* «родимое пятно», которое есть на теле человека с рождения, и искусственная родинка, представляющая собой синий или зеленый узор, который женщины наносят на лицо иглой с целью украшения и это действие называется *xolded* «нанесение татуировки». В «Шугнанско-русском словаре» профессора Д.Карамшоева слово *xol* трактуется следующим образом: «пятнышко, крапинка (узор в виде овальных пятнышек); родинка, родимое пятно» [199, с. 217].

Xol – очень древнее женское украшение, которое даже в литературе воспевается как красота женщины: Например, Хафиз Ширази в XIV веке восхвалял женщину с родинкой и был готов отдать ей за нее два прекрасных города - Самарканд и Бухару, ради единственной родинки на лице:

Агар он турки шерозй ба даст орад дили моро,
Ба *холи* хиндуяш бахшам Самарқанду Бухороро.

Перевод: Дам тюрчанке из Шираза Самарканд, а если надо Бухару!
А в благодарность жажду *родинки* и взгляда.

Таджикский лингвист М. Бобомуродова подчеркивает: «Поскольку родинки признаны признаком женской красоты, искусственные родинки стали привычными для женщин, не имеющих естественных родинок. Именно

поэтому татуировывать как вид женского украшения сохранилась с древнейших времен» [29, с.86].

Об античности обряда татуирования таджикский этнолог Г. М. Майтдинова также предоставила информацию в своей книге: «Наши исследования показали, что ещё в V-VI вв в изобразительном искусстве Тохаристана (живопись Дильберджина, Балалыктепа) на женских образах запечатлены искусственные родинки» [85, с. 234].

В прошлом татуаж считался важным видом украшения для всех женщин Бадахшана, в том числе и шугнанских женщин. По поводу использования татуировки среди хуфских женщин М.С. Андреев приводит интересную информацию, которую мы считаем необходимым привести здесь полностью: «Необходимо еще упомянуть о существующем обычае наносить себе на кожу искусственные родинки, которые считаются в Хуфе необходимым атрибутом красоты. Родинки бывают довольно большого размера. В Хуфе принято наносить пятнышко до 0,5 см в диаметре на переносицу, а также на щеки и руки. На переносицу наносят пятнышки и женщины, и мужчины, на лицо и руки – только женщины. Родинки на щеке наносятся по одной и по две на каждую щеку, ровно посередине. Кроме того, наносятся родинки на подбородок, под нижней губой. По три-четыре родинки наносятся на каждую руку, на запястье. Наносятся родинки или графитом «*чирц*» (в таком случае они легко смываются) или своеобразной татуировкой. Выбранное место накалывается иглой и натирается сажой от котла или краской индиго. Иногда краска или сажа заталкивается под кожу при помощи иглы. Иногда родители украшают родинками и своих маленьких детей, но делается это только *чирцем*» [15, с.254].

М.С. Андреев также отметил, что женщины делали *хол отметки* не только на лице, но и на руках и ногах. Родинка была нарисована на их лице чернилами. Чернила изготавливались из сажи, которая в шугнанском языке обозначается лексической единицей *arizm* или *arizm* «сажа». *Arizm* «сажа» смешивали с водой, после чего с помощью нескольких иголок, перевязанных

ниткой, на лице рисовали (укалыванием) рисовали искусственную родинку - *холи суньй*.

Piczěxt «буквально: удаление волосинок с лица, чистка лица» – одно из действий, связанных с украшением женского лица. С давних времен женщины старались сохранить лицо чистым и блестящим. Поэтому для женщин *piczěxt* «чистка лица» считается нормальным действием. *Piczěxt* – украшение, характерное для замужних женщин. Эту процедуру было запрещено делать себе незамужним девушкам. Номинативная единица *piczěxt* состоит из компонентов *pic* «лицо» и *zěxt* «братъ» и означает «очистить, оципать (лицо от волосинок)». Здесь компонент *zěxt* имеет значение «очистить, оципать (лицо от волосинок)».

Piczěxt выполняется с помощью *pidyũc* «нитки». Перед процедурой *piczěxt*, чтобы женщина или девушка не чувствовали боли, на кожу лица наносилась пудра. В наше время эта операция проводится с помощью специального оборудования, получившего известность под названием *лазерная эпиляция*, а также она используется в шугнанском языке с одноименным названием, заимствованным из русского языка. Однако *лазерной эпиляцией* в наше время пользуются не все женщины, в виду дороговизны данной процедуры, либо по другим соображениям, поэтому процедура *piczěxt* и сегодня не теряет своей актуальности среди женщин, а иногда и мужчин, которые страдают избыточным ростом волос на лице.

Не осталось без внимания русского фольклориста Андреева М.С. еще одно украшение, которое называется *rišk*. В своей книге об этом украшении исследователь отмечает следующее: «Хуфские женщины употребляют румяну, называемую *пушк* [15, с. 254].

Rišk – это также вид украшения лица, которое женщины делали из цветка *žirměsk* «букв. роза голоцветковая, мальва, алтей».

Žirměsk – растение, цветы которого имеют красный и белый цвет. Женщины делали порошок из красных цветков *žirměsk*. Чтобы приготовить порошок, нужно было собрать цветы *žirměsk* и высушить их на солнце. После

этого его измельчают в порошок с помощью ручной мельницы, затем этим порошком красили щеки (*румяна*) для красоты.

Сок *žirmêsk* использовался женщинами для мытья волос, об этом Д. Карамшоев отмечает следующее: «стебли *žirmêsk*, *žirmêst* употребляются для мытья волос, а также при замешивании глины» [197, с.530].

3.2.3 Лексика украшений глаз, бровей и ресниц

Помимо украшения лица, также имеют свой особый стиль украшения глаза, брови и ресницы, на которое женщины обращают особое внимание. Конечно, такое внимание женщин не напрасно, глаза традиционно называют «зеркалом сердца», чаще люди при общении смотрят друг другу в глаза и выражают свою любовь или наоборот, показывают свою ненависть. Глаза обладают силой притяжения, поэтому женщины стараются раскрыть свою красоту, подкрашивая свои глаза и брови. В шугнанском языке для обозначения *глаз, бровей и ресниц* наблюдается наличие следующих номинативных единиц: *сет, virũŷ и ридџ*.

Среди шугнанских женщин существует вид украшения *virũŷzëxt* «выщипывание бровей». Номинативная единица *virũŷzëxt* состоит из компонентов *virũŷ* «брови» и *zëxt* «выщипать» (букв. *взять*). Раньше *virũŷzëxt* «выщипывание бровей» был характерен только для замужних женщин. Одним из главных отличительных признаков замужней девушки от незамужней, известный среди жителей Бадахшана, были выщипанные брови. Другими словами, незамужняя девушка не имела права выщипывать брови до свадьбы.

Основным средством украшения глаз и бровей шугнанской женщины является *čirc at bũnj*.

Čirc - кусочек графита, о которой трут каменной палочкой для подведения глаз [199, с. 366]. *Ya tu čirc bed - Йā му чирц бед* «пропал мой графит». *Čirc* - графит для подведения ресниц - привозят из особых мест, преимущественно они наблюдаются в высокогорьях. Перед использованием

ĉirc варят в молоке и после того используют. *Bûnj* «каменная палочка для подведение глаз» [197, с. 295] – изготавливается из *ĉirc* или особых длинных круглых камней. *ĉirc at bûnj* используется как набор графитовых карандашей для подводки глаз, и они всегда используются вместе. В прошлом *ĉirc at bûnj* был широко употребляемым предметом косметики. Женщины и девушки верили в то, что *ĉirc at bûnj* защитят глаза от всех видов болезней, и в то же время его чернота придает выразительность глазам, подчеркивает их красоту, а также она полезна для зрения и поддержания гигиены глаз. *ĉirc at bûnj* подводили глаза и красили брови издревле и наносят украшение по сей день даже грудным детям, чтобы укрепить их зрение, а также защитить их от слеза.

М.С. Андреев отмечает то, что «из косметических приемов в Хуфе очень распространено подведение *ресниц* и *бровей*. Для этого используется небольшая палочка из камня, дерева или кости, утолщенная на одном конце, называемая в Хуфе «*бундж*». Если эта палочка каменная, то она сделана из обкатанного водой камешка подходящей формы, или ему придается нужная форма путем обтачивания его на другом, более твердом камне. Каменная, деревянная или костяная палочка является только орудием, карандашом для нанесения на подводимую поверхность (ресницы или брови) краски, который является графит – «*чири*», добываемый в окрестных горах. Перед употреблением его выдерживают несколько дней в кислом молоке или обжигают, помещая внутрь кизяка, закладываемого в огонь в очаге. Иногда *бундж* «палочка» для подведения ресниц и бровей имеет на утолщенном конце дырочку, через которую продевается нитка, и в таком виде камешек подвешивается на груди употребляющей его женщины. Или же он хранится вместе с кусочком *чирица* в небольшом матерчатом мешочке, называемом «*бунджхильта*», который также носится женщиной приколотым к платью на груди. Некоторые щеголихи в этот же мешочек помещают и небольшое зеркальце» [15, с.253].

В шугнанско-русском словаре Д. Карамшоев поясняет *bûnjxalta* - следующим образом: «*bûnjxalta* – мешочек для графита» [197, с. 295].

Номинативная единица *būnjxalta* состоит из компонентов *būnj* «каменная палочка» и *xalta* «мешочек». Следует отметить что, хотя он и называется мешком для графита (только для графита), но внутри хнаются и *būnj u čirc*, М. С. Андреев также отметил эту деталь в своем произведении «Таджики долины Хуф» [15, с. 253].

Следует отметить, что глагол *rūzdo/rēzdo* «красить глаза» используется в шугнанском языке только для действия окрашивание глаз *čirc at būnj* - ом. Глагол *rūzdo/rēzdo* образован от основы настоящего времени глагола *rēz: rēzd* и переводится следующим образом: *красить, подкрашивать* [198, с. 489].

Д.Карамшоев объяснил слово *rēz/rēzd* и описал способ окрашивания глаз, бровей и ресниц с помощью *čirc at būnj* следующим образом: «*būnj tar čirc dēn xu, xu cemat virūŷ rēzen idi, wađ tēr sen* – каменную палочку трут о графит и подкрашивают ею глаза и брови, чтобы они потемнели [198, с. 489].

Помимо *čirc at būnj* для украшения глаз, бровей и ресниц используются и другие косметические средства, к которым относятся: *usma* «усьма», *surma* «сурьма», *sirdorgak* букв. «цветонос, стебель в центре головки чеснока», *tuš* «тушь», *tēnen* «тени», *padvotka* «подводка», *rastušofka* «растушовка», *permanentni makiyaž virūŷ* «перманентный макияж бровей», *pudravi napileni virūŷ* «пудровое напыление бровей».

Usma «растительная краска для бровей» [199, с. 127] - это разновидность травы, соком которой женщины красят брови. Чрезмерное употребление *usma* вызывает рост бровей. По этой причине шугнанские женщины рисовали ватной палочкой брови своим маленьким детям, чтобы у них были *густые брови, virūŷin* «густобровыми» в будущем. В шугнанском языке *virūŷin (virawin)* - *серабру //густобровый* (разг.: *бровастый*) говорят о симпатичном либо красивом человеке [197, с. 308].

Наряду с *čirc* шугнанские женщины также используют *surmā* «сурьму» для окрашивания глаз. *Surmā* - *краска для бровей и ресниц* [198, с. 606]. Женщины также украшали сурьмой брови и ресницы. *Surmā* представляла

собой разновидность черного порошка, к которому также прикрепляли палочку *bûnj* и этой палочкой украшали брови и ресницы.

Полезные свойства сурмы для зрения подчеркнуты, в частности, в «Аджаиб-наме». В этом энциклопедическом сочинении XIII века *сурма* описывается как вещество, защищающее волосы в ресницах и бровях. Отмечается, что окрашенные ресницы служат защитой от ослепляющего света при продолжительном путешествии по снежной долине. В противном случае, пишет Мухаммад ибн Махмуд, человек может ослепнуть. Ресницы и брови, по его словам, созданы для усиления зрения. Осыпание ресниц приводит к полной потере зрения. Беление ресниц вызывает снижение видимости, поэтому желательно поддерживать их естественный черный цвет. Он же утверждает при этом, что ресницы никогда не теряют свой естественный цвет [103, с. 370].

Sirdorgak «цветонос, стебель в центре головки чеснока» также использовался женщинами для окрашивания бровей. Женщины перед нанесением украшения обжигали один кончик *sirdorgak*, затем ею чернили свои брови.

В настоящее время *sirdorgak* заменили новые косметические средства иностранного производства, а с появлением новых предметов данного действия их названия произносятся буквально в соответствии с фонетическими законами шугнанского языка. В частности, косметика, для украшения ресниц и бровей, используется в шугнанском языке в форме исходного происхождения, например: *tuš* «тушь», *ten* «тен», *padvotka* «подводка», *rastušofka* «растушовка», *permanentni makijž* «перманентный макияж», *pudravi napileni* «пудровое напыление». Современная косметика настолько умело разработана специалистами индустрии красоты, что многие женщины перестали пользоваться косметикой, подаренной нам нашими предками, абсолютно безвредной и экологически чистой. Наверное, причина заключается в том, что современная косметика, в том числе «перманентный макияж», наряду с противопоказаниями имеет ряд преимуществ перед натуральной косметикой: более длительный срок пользования, то есть он может держаться от нескольких

месяцев до нескольких лет, в то время как натуральная смывается при умывании; он не требует ежедневного нанесения, что весьма практично и для домохозяек, и для работающих, деловых женщин.

3.2.4 Лексика ушных украшений

Группу лексики женских украшений в шугнанском языке составляют также лексические единицы, относящиеся к ушным украшениям. Для обозначения разных видов украшений для ушей используются лексические единицы: *ǰǰǰsifc* «бусинка, нанизанная через нить как серьга», *gǰǰwor* «серьги», *awezǰngǰǰwor* «висячие серьги», *ǰaspakgǰǰwor* «клипсы», *alqa*; *girdakgǰǰwor* «колца», *tiloi gǰǰwor* «золотые серьги», *nuqrage gǰǰwor* «серебряные серьги», *qubador gǰǰwor* «серьги с камнем», *bequba gǰǰwor* «серьги без камня», *cemak gǰǰwor* «серьги из бисера ручной работы» и другие.

В лексическом ряду этих слов главное место занимает лексическая единица *gǰǰwor*. Для обозначения понятия «ухо» используется лексическая единица *ǰǰǰ* (ǰǰw ǰaw) гǰш || ухо, уши || ear(s) [188, с. 431]. Слово *gǰǰwor* «серьги» - в шугнанский язык вошел от формы *ǰǰwor* из таджикского языка. В слове *gǰǰwor* первый компонент *ǰǰǰ* – ухо, *wor* – вторая часть сложных слов, одно из значений которых «подходящее», «достойное». В нашем случае «подходящее для уха» – заимствовалась с таджикского языка в шугнанский язык, и произносится на основе фонетических правил шугнанского языка. В «Толковом словаре таджикского языка» слово *gǰǰwor* трактуется следующим образом: гǰшвор/гǰшвора асбоби зинат, ки ба гǰш меовезанд, ҳалқа, овеза (перев. наш: *серьга/сережка разновидность украшения, носимое в ушах, в виде колечка, подвески*) [206, с. 359].

Среди женщин существует традиция украшать уши разными серьгами - *gǰǰwor*. Чтобы носить *gǰǰwor* женщины прокалывают себе уши. Слово «прокалывать» в шугнанском языке обозначается лексической единицей *киǰǰз*. Матери стараются *киǰǰз* - *проколоть* уши дочерям еще в юном возрасте. Раньше

девочкам или женщинам уши прокалывали иглой. Это занятие не всем было под силу, то есть не все могли справиться с этим заданием. Эту работу выполняли женщины старшего поколения и их называли *γũŷkũŷzkun*, где *γũŷ* ухо, *kũŷz* «дырка, прокол», а *kun* от таджикского глагола настоящего времени «делать» – указывает на человека, выполняющий это действие. В процедуре *kũŷz čidow* «прокалывания ушей» женщина, проводившая эту операцию, работала очень умело и аккуратно. Сначала она смазывала мочки уха *čarv* «масло» - *ом* и массировала их одновременно, а затем прокалывала их иглой поочередно. В древности через проколотое ухо пропускали нить, для обозначения которой в шугнанском языке используется номинативная единица *pidyũc* «нитка» (зачастую красного цвета), а после заживления раны убирала нить и вместо нее вешали на ухо *γũŷsifc* букв. «бусинька для ушей» или *gũŷwor* - *серьги*. Следует отметить, что *γũŷsifc* «бусинка, нанизанная на нить как серьга», состоит из двух слов - *γũŷ* «ухо» и *sifc* «бусина»; в таком сочетании *γũŷsifc* использовалось в древности, а в настоящее время это слово забыто и входит в число архаизмов шугнанского языка. Со слов старшего поколения, в прошлом *γũŷsifc* носили маленькие девочки и молодые незамужние девушки. Данное украшение ручной работы изготавливалось из нитки, нанизанной на нее бусинкой. Только после свадьбы девушкам можно было носить серьги. Некушоева Ш. отмечает, что в прошлом женщины вешали на уши *γũŷsifc*: «Раньше женщины нанизывали привозимые бусы на нитки и надевали на уши в качестве серег» [108, с. 119].

Если проколотое ухо долгое время не прикрыто серьгой, *kũŷz* "ушное отверстие для серёг» закрывается. Для обозначения закрытия ушного отверстия для серёг в шугнанском языке используется номинативная единица *kũrak*. Слово *kũrak* происходит от компонента *kũr* букв. «слепой, невидящий», и суффикса *-ак*. *Kũrak*. объясняется в словарях шугнанского языка следующим образом: *kũrak sitow* - *зарастать, смыкаться* (о проколах в ушах) [187, с. 73].

Андреев М.С также отмечает в своей книге: «Ухо, находящееся постоянно на виду, на глазах, смотрящих, как раз самое удобное место для

всяких отметок, как, впоследствии, для украшений. Мы видим, как чаще всего на нём делается отметка хозяином о принадлежности ему того или другого данного животного. Это распространялось, видимо, также и на принадлежность одного человека другому. Следы этого мы видим сохранившимися в обряде ранних браков или, обычно, в обручении, диктуемом соображениями апострофического характера, чтобы отразить духов-похитителей, которым даётся понять, что ребёнок уже имеет хозяина через отметку на ухе, для чего служит кольцо или проколотое для него отверстие. Как только «жених» уже настолько подрос, что может достаточно свободно двигаться, ему поручают «вставить серьгу» в ушко предназначаемой ему «невесты». Мальчику помогают справиться с задачей вдевания серьги, и девочка с этого момента считается его невестой, «наподобие рабыни, принадлежащей ему», как пояснил мне про этот обряд один старик... [15, с. 57].

Gūǰwor «серьга, серёжки» как основное украшение уха бывает разных видов таких как: *awezǰngūǰwor* «висячие серьги», *ǰaspakgūǰwor* «клипсы», *alqa (girdak) gūǰwor* «круглые серьги (кольца)», *tiloi gūǰwor* «золотые серьги», *nuqrage gūǰwor* «серебрянные серьги», *qubador gūǰwor* «серьги с камнем», *bequba gūǰwor* «серьги без камня», *cemak gūǰwor* «серьги из мелкого бисера ручной работы» и другие.

Номинативная единица *awezǰngūǰwor* – букв. «висячие серьги» состоит двух компонентов: первый компонент *awezǰn* «висячий» и второй компонент *gūǰwor* «серьга». Этот вид украшения характерен для молодых девушек. Пожилые женщины, как правило, предпочитают более сдержанные и мелкие украшения, которые соответствуют их возрасту.

Номинативная единица *ǰaspakgūǰwor* «серьги-клипсы» также состоит из двух компонентов. Первый компонент единица *ǰaspak* «липкий, липнувший» и второй единица *gūǰwor* «серьга». Этот вид сережек употребляется в шугнанском языке чаще с русским словом *клипсы*. Серьги-клипс (-ы) - подходят женщинам и девушкам разных возрастов. Среди девушек модно иметь два и более прокола (пирсинг) на ушах. Если ухо девушки имеет два и

более отверстий, висячую серьгу вставляют только в одно отверстие, а в остальные отверстия вставляют *časpakgūxor* «серьги-клипсы».

Alqa (girdak) gūxor «круглые серьги (кольца)» эквивалент таджикского слова *ҳалқа* в шугнанском языке букв. петля; кольцо, круг, завиток. *Alqa* бывают большими и маленькими. Маленькие *alqa* свойственно носить женщинам старшего возраста и маленьким девочкам, большие же *alqa* носят молодые девушки от 18 до 30 лет.

Cemakgūxor «серьги из мелкого бисера ручной работы» – еще одна разновидность украшения для ушей появилась сравнительно недавно, но приобрела особую популярность среди шугнанских мастериц. *Cemakgūxor* (исконно шугнанское слово) также состоит из двух компонентов: первый компонент *cemak* «бусы; повязка из нескольких ниток мелкого и средних размеров бисера», и вторая единица *gūxor* «серёжка». *Cemakgūxor* популярное украшение среди памирских женщин и зачастую его носят в комплекте с *cemaksifc* «украшением для шеи» (это украшение мы охарактеризуем в следующем разделе). Поскольку название шейного украшения обозначается как *cemaksifc*, на основании этого сережки в составе комплекта украшений также называли *cemakgūxor*. Этот ансамбль шугнанские женщины носили в основном в праздничные дни, что придавало их одеянию двойную красоту и торжественность. Как уже отмечалось выше *cemakgūxor* – состоит из исконно шугнанского слова *cem* «глаза» и суффикса *-ак* и *gūxor* «серьга». *Cemakgūxor* также является плодом творения шугнанских рукодельниц. Каждый образец этих украшений является шедевром творения человеческих рук. В то же время магические и священные функции украшений были гораздо важнее, чем их эстетическая или финансовая ценность. Одним из любимых занятий шугнанских женщин считалось искусство использования бусин, бисероплетения при изготовлении множества нагрудных и шейных украшений и сережек. *Cemakgūxor* является одним их таких украшений. Для того, чтобы изготовить одно такое украшение рукодельнице нужны крепкие нитки, на которые она поочередно нанизывает цветные мелкие бусинки в форме

круга, треугольника и ромба и т.д. Каждый узор всегда идентичный, отличается своей уникальностью и национальным своеобразием. Узоры *setakgūxor* идентичны с узорами, изображенными на бадахшанских джурабах, и называются *gul* в значении «узор, орнамент». Слово *gul* буквально: «цветок», является распространенным таджикским словом и используется в шугнанском языке в том же смысле. Следует отметить, что цветок в таджикском языке, помимо значения куста или растения, означает еще и узор. Это слово в толковом словаре таджикского языка трактуется следующим образом: «накшу нигоре, ки ба шакли гул дар деворҳо кашида ё ба матоъҳо бофта мешавад; гул андохтан // гул партофтан ба чизе накшу нигор кашидан, ҳар хел тасвир даровардан ба чизе; гул дӯхтан ба рӯи матоъ бо сӯзану ришта тасвир даровардан, гулдӯзӣ кардани матоъ» [206, стр. 335]. «узор, который в форме цветка рисуется на стенах или рисуется на ткани; расстилать цветы // стелить цветы, рисовать на чем-либо рисунок, наносить на что-либо какое-либо изображение; вышивка (цветов), выполнение рисунков на ткани иголкой и нитками, вышивание ткани орнаментом». В шугнанском языке это слово употребляется также в значении *gul* - *цветок*, и чаще употребляется с глагол *gul ancivdow* «вышивать» [197, с. 400].

3.2.5 Лексика шейных и нагрудных украшений

Самым популярным шейным украшением шугнанских женщин является *setak* «бусы; повязка из нескольких ниток бисера (гердан)». По началу этот вид украшения изготавливался только из красно-белых бусинок. Каждое украшение *setak* персонально собирается шугнанскими рукодельницами для кого-то, либо в подарок, либо по заказу, что позволяет сохранить самобытность изделия и ее неотторимость. С помощью красно-белых бусинок нанизанные на несколько рядов нити создаются узоры и после этого готовится *setak* «бусы; повязка из нескольких ниток бисера (гердан)». Слово *setak* образован из компонента *set* «глаз» и словообразовательного суффикса *-ak*. Ш. Некушоева

поясняет и предполагает следующее: «Непонятная семантическая связь между единицей *сет* «глаз» и названным предметом, возможно, узоры на *семак* напоминающие в определённой степени форму глаз, легли в основу наименования данных разновидностей украшения» [108, с. 118].

Следует отметить, что *семак* как украшение носят все женщины Бадахшана, однако в других бадахшанских языках этот декоративный предмет имеет разные названия. К примеру, в ваханском языке оно известно, как *pərg* «бусы, бусина, ожерелье», а в бадахшанском диалекте таджикского языка *mora* «бусы». Оба слов *pərg* и *mora*, одинаково являются *семак*. Таким образом, можно полностью поддержать мнение Ш.Некушоевой, о том, что «узоры на *семак*, напоминающие в определённой степени форму глаз, легли в основу наименования данных разновидностей украшения». На самом деле узор, вплетенный в *семак*, похож на *цем* - глаз, и в связи с этим оно называется *семак*. В слове *семак* словообразовательный суффикс *-ak* указывает на сравнение.

В шугнанско-русском словаре Д. Карамшоева слово *семак* трактуется следующим образом: «*семак* – мелкие бусы; бисер; *семак ху mākti kin* «надень на шею мелкие бусы»; *tu semakenen bēd* «потерялись мои бусы» [199, с. 297].

Существует два вида *семак*: первый, *семак*, который изготавливается по размеру шеи и популярен в народе только под названием *семак* (автор: своего рода современный *чокер*); второй вид *семак*, удлиненный вариант украшения, без замочков, одевается через голову и вешается на шею, широко известный как *darozsemaк* или *awezūncemaк*. Первый вид *семак* прикрепляется к шее, и его толщина такова, что он полностью закрывает шею, как уже было сказано, современный *чокер* (с англ. choker – душитель). Со временем орнамент и узоры этих украшений совершенствуется, обогащаясь фантазией шугнанских рукодельниц. Если раньше они создавались только из красных и белых бус, то сегодня нет предела фантазии шугнанских рукодельниц в использовании всей природной цветовой гаммы.

В настоящее время украшения народов Бадахшана, в целом, Таджикистана популярны своей самобытностью и неповторимостью и представляют культуру народа на отечественных и зарубежных выставках.

С течением времени шугнанские ремесленники начали готовить второй вид *семак* *darozcetak* или *awezûncetak*. Это название также связано с тем, что данное украшение вешают на шею. То есть его длина изменена, и оно употребляется в форме *awezûn* «*висячий, висящий, повисший, свисающий*». С появлением нового типа *awezûn* украшение старшего поколения не исчезло и используется до сих пор. Способ плетения *darozcetak* или *awezûncetak* аналогичен способу плетения *семак*, прикрепляемого к шее. Длина его подготавливается в зависимости от пожеланий заказчиков. Тех, кто плетет *семак* в шугнанском языке обозначаются номинативным единицам *семакбоф*. В слове *семакбоф* первый компонент *семак* означает «бусы, бусина, ожерелье», а слово *боф* происходит от глагола настоящего времени *бофтан* «*вязать; заплетать*».

Семак также в шугнанском языке называют *гулибанд//гулбанд*. Д.Карамшоев в своём словаре также записал это слово и объясняет его таким образом: «*gulband // guliband* ожерелье; бусы. *Wam gac gulibanden-en murd xush yat* - «*мне понравилось, ожерелье той девушки*» [197, с. 400]. Слово *gulband // guliband* является заимствованным из таджикского слова *гулӯбанд*, которое в таджикском языке употребляется в том же смысле: *асбоби зинат, ки занон ба гардан мебанданд, гулӯбанд, гафабанд, тавқ*» [206, с. 306]. - «*украшение, которое женщины носят на шее, гулӯбанд, гафабанд, тавқ*». Это слово в наше время уже вышло из обихода и не используется в шугнанском языке. Напротив, сегодня в обиходе другое название этого декоративного аксессуара *макак*. Слово *макак* образовано из компонентов *мак* «шея» и словообразовательного суффикса *-ак*. Следует особо отметить, что суффикс *-ак* в таджикском языке является формообразующим суффиксом и обозначает малость и ласку. Но в шугнанском языке он выполняет функцию словообразования и посредством него создаются слова.

Самый распространенный вид украшения шугнанских женщин это *sifc* «бусы, бусина, ожерелье». Некоторые виды украшений, в том числе золотые, серебряные и другие виды ожерелий, используются только во время особых мероприятий, например, свадеб, вечеринок и т.д. *Sifc* это украшение - ожерелье, которое постоянно носят на шее женщины любого возраста. *Sifc* «бусина, бусы» общее название набора *sifcen* «бусы», которые состоят из более крупных бусинок и натягиваются в один, в два или в три ряда. Слово *sifc* служит производной основой для названий всех украшений для шеи, например: *yũysifc* «бусинка, нанизанная через нить как серьга» (букв. «ушные бусы»), образованное от слова *yũy* «ухо» и *sifc* «бусина», *obaksifc* «светлые прозрачные бусы» от *obak* «водичка» и *sifc* «бусина», *aqêqsifc* от *aqêq* «сердолик» и *sifc* «бусы», *yulā sifc* «большая бусина», *ǰipalānak sifcen* «блестящие бусы». Д. Карамшоев также в своем словаре упоминает виды *yulā sifc* «большая бусина», *ǰipalānak sifcen* «блестящие бусы» и приводит следующие примеры: «*ya tu yulā sifc bêd* – «та моя большая бусина потерялась»; *ǰipalānak sifceni xurd zoǰt* «она купила себе блестящие бусы» [199, с. 267].

Aqêqsifc – популярный вид бус, которые издревле использовались шугнанскими женщинами для украшений. Слово *aqêqsifc* состоит из компонентов *aqêq* (от таджикского: *ақиқ*) «сердолик» и *sifc* «бусы». Этот вид украшения из сердолика был редок и не каждый мог себе его позволить. *Aqêqsifc* вплетется в середине бусин, который за счет своего размера больше других бусин и отличается от других бусинок: *aqêq* «сердолик; крупная бусина (в центре ожерелья)» [197, с. 159]; «*aqêq aқиқ, aқиқа// сердолик// крупная бусина (в центре ожерелья)*» [186, с.127].

Marjũn или *marjũnsifc* «коралл, кораллы» тоже разновидность *sifc* (бус). *Marjũn* – коралл - это окаменевшее красное известковое вещество, которое происходит из морского растения и используется для изготовления ювелирных изделий и украшений. Д. Карамшоев в своем словаре упоминал этот тип бусинок только под названием *marjũn* и приводит следующий пример: «*marjũn mǰš mǰk tir vud*; у нас на шее были кораллы» [198, с. 207].

В народе *marjûn* более известен как *ǰarmarjûn* или *ǰarakmarjûn* «красные бусы», которые используются как синонимы этого слова. Название украшения *ǰarmarjûn* может быть связано с тем, что форма и цвет *ǰarmarjûn* похожи на растение, называемое в шугнанском языке *ǰar* «шиповник». Слово *ǰarmarjûn* состоит из двух частей: первая часть *ǰar* – шиповник, и вторая часть *marjûn* «коралл», где слово *marjûn* заимствовано из таджикского языка *маршон*. Д. Карамшоев в своём словаре даёт такое объяснение: «*ǰarmarjûn ǰarakmarjûn* «красные бусы, напоминающие плоды шиповника» [199, с. 251].

Также существуют другие виды *marjûn* «коралл» обозначаемыми в шугнанском языке следующими номинативными единицами: *ǰojmarjûn* от *ǰoj* «косточка» (плодовая) и *marjûn* «коралл» и *kilûxmarjûn* от *kilûx* «большой» и *marjûn* «коралл». Причина названия *ǰojmarjûn* в том, что его бусы подобны мелким косточкам плодовым (абрикоса), а *kilûxmarjûn* получил свое название из-за размера его бусинок.

Следует отметить, что *marjûn* «коралл» является одним из древнейших женских украшений для шеи и груди. Его происхождение относится к первому тысячелетию до нашей эры. В частности, доподлинно известно, что из могильного сооружения периода неолита были найдены разные виды каменных украшений, в том числе и *marjûn*.

У женщин шугнана с древних времен по сегодняшний день насчитывается большое количество украшений для шеи и груди. Еще одно из таких украшений в виде бус назывались *paymora* «крупные пёстрые бусы». *Paymora* это разновидность *sifc* «бус», которые женщинами использовались для изготовления ожерелья. Каждая из них могла для себя изготовить этот предмет украшения. Бусы, изготовленные из камня *paymora*, использовались женщинами для защиты от головных болей. В народе бытовала легенда, что ношение камня *paymora* на шее полезна при головных болях, и женщины, страдающие от этого недуга, носили *paymora sifc* не снимая. Это слово в шугнанско – русском словаре профессора Д. Карамшоева трактуется следующим образом: «*paymora* – крупные пёстрые бусы» [198, с. 368]. Слово

раумора происходит от таджикского диалекта бадахшанского языка и происходит от таджикских слов *най* «след» и *мора* (таджикская адаптация слова *мухра - бусы*), то есть большие бусы, которые собирают один за другим в одну нить. Следует отметить, что слово *раумора* не употребляется в таджикском языке, это слово употребляется только в бадахшанском диалекте таджикского языка.

Помимо украшения шеи, для женщин характерно также украшение груди или передней части одежды, иногда ее в народе называют словом из русского языка «*кокетка*». По мнению таджикского исследователя М. Бобомуродовой «Нагрудные украшения можно рассматривать как неотъемлемую часть украшения шеи, поскольку часто женщины украшают шею, горло и грудь одновременно» [29, с.65].

Декоративные аксессуары, которые женщины прикрепляют к груди в одежде, на шугнанском языке обозначается словом *реҳовец* «*треугольная брошка*». Этот вид украшений также широко используется среди шугнанских женщин, в основном они изготавливаются из серебра. Слово *реҳовец* состоит из двух частей *реҳ* «*передний*» и *овец* «*висячий*», в основном это таджикское слово, употребляющееся в таджикском языке в форме *пешовез*, что означает «*повесить что-либо с переди*». Однако в шугнанском языке оно употребляется не в смысле *повесить что-либо с переди*, а в смысле *прикрепления, прилеплять* чего-либо. Поскольку декоративные аксессуары *реҳовец* прикреплялись к груди или передней части одежды, то значение слова *реҳовец* соответствовало смыслу слова на шугнанском языке. М. С. Андреев по поводу данного украшения в своей работе отмечал следующее: «**Пих-овидз** (пих·-о:виц·, из тадж. «пеш-овез») – подвеска в виде металлического треугольника с висюльками у обращенного вниз основания. Прикрепляется к платью на груди» [15, с. 418].

Другой тип *реҳовец* «*брошки*» под названием *гахнизак* «*брошка в виде кориандр*» крепится по краям верхней части платья (кокетки) или женских костюмов. Слово *гахнизак* происходит от названия растения «*кориандр*,

кинза», получившего такое название в зависимости от своей формы. Иногда к *gaxniž* «кориандр, кинза» добавляют суффикс *-ак*, который делает произношение слова более приятным и придает названию декоративного предмета более привлекательный вид. Этот аксессуар добавляет еще одну красоту женским вещам.

Еще одно слово, которое мы включили в группу слов для украшения передней части одежды (кокетки), называется *tāk* «завязка, застёжка». Этот вид украшения также имеет свои разновидности, в том числе *nuqragin tāk* «серебряная застёжка», *pidyūcin tāk* «застёжки из ниток», *wuryin tāk* «застёжка из пряжи», *qalayin tāk* «оловянная застёжка». Подтверждением выше сказанному служат приведённые следующие примеры Д. Карамшоева в его словаре: «*māšanden fuk māš kurtātir pidyūcin taken vad* - у нас обычно на наших рубашках были застёжки из ниток»; *ām wuryin tāk lūven at ām qalayin tāk* «застёжкой называют и (ту, что) из нитки, и (ту что) из олова»; *tāk dād* «застёгивать на застёжку; завязывать, закалывать брошью» [199, с. 55].

Наряду с *tāk* у шугнанских женщин используются и другие декоративные аксессуары, называемые *čima* «брошь, брошка в виде кольца». Однако по сравнению со словом *čima* слово *tāk* используется более широко, оно наиболее популярно среди шугнанцев. Большинство женщин используют его как кольцо, на которое можно повесить ключи или маленький мешочек с украшениями.

Qalamfur «гвоздика (пряность)» - также использовалась женщинами в качестве нагрудного украшения. *Qalamfur* «гвоздику» сушили на солнце, затем натягивали на несколько коротких нитей и вешали их на кокетке как нагрудное украшение. Помимо украшения, он выполнял еще и функцию *ħojbūn* и *čaxmi bad* «от сглаза и страха». Именно по причине того, что это украшение служило в качестве оберега женщины сами готовили и носили этот вид украшения на груди или на краю передней части своей одежды.

Sizak «булавка, застёжка», также является одним из украшений на груди. В основном его используют пожилые женщины, чтобы закрыть перед или воротник одежды. Он не содержит стразы и может использоваться и для

других видов украшений. Например, с помощью такого типа украшений к передней части рубашки прикрепляется *qalamfur* - «гвоздика (пряность)». *Sizak* состоит из компонента *siz* «изгла» и суффикса *-ak*. В таджикском языке это слово обозначается словами *сузантузма, сарсузан, сузанак*.

3.2.6. Лексика украшения рук и ног

Наряду с украшением глаз, бровей, лица, шеи и груди, женщины издавна придавали особое значение украшению рук и ног, и всегда старались, чтобы их руки и ноги всегда хорошо выглядели. В частности, красота рук и ухоженность рук и ногтей – отличительная черта каждой женщины.

В шугнанском языке, слова, связанные с украшением рук, образуют особую лексическую группу. Наиболее заметный аксессуар украшений рук обозначаются лексическими единицами *ǰikurāng (ǰiturāng)* «растение, используемое для окрашивания ногтей на руках и ногах, хна», *pardist* «браслет», *ǰustbāndak* «шурок для кисти», *ǰojbūnsifc* «бусинка от сглаза и страха», *ǰillā* «кольцо».

ǰikurāng (ǰiturāng) «растение, используемое для окрашивания ногтей на руках и ногах, хна». Этот вид растения был популярным еще в прошлом среди женщин. Об этом М. С. Андреев также упомянул в своей книге: «Среди хуфских женщин принято окрашивать в красный цвет ногти и ладони, подобно тому как это делают и таджички горных и равнинных районов. Для этого к рукам привязывают на ночь растение «хикуранг» (х·икуранг), которое предварительно, положив на камень, выбивают другим камнем» [15, с. 419]. Профессор Д. Карамшоев в своём словаре слову *ǰikurāng // ǰiturāng* даёт такое пояснение: «...ботаническое название *ǰikurāng* «смолёвка, хлопушка» и употребляется как «растительная краска, которой красят ногти, ладони и пятки». В переводе примеров *ǰikurāng* переводится как «хна». Например: *dusik ǰikurāng murd dak* «дай мне немножко хны», *biyor ǰabum xu ǰust ti ǰikurāng anjuvd* «вчера вечером (я) покрасила себе руки хной» [199, с. 265].

В словаре Аламшоевых объясняется таким же образом: *ҳикурӯнг* гули магаскушак, пашакушак || смолёвка [188, стр. 254].

Следует отметить, что слово *ҳикурӯнг* состоит из двух компонентов: первого компонента *ҳику* и второго компонента *рӯнг* «цвет» значение первого компонента здесь неизвестно и не поясняется в словарях.

Ҷӯзиҷ – один из видов дикорастущих растений. Слово *Ҷӯзиҷ* в «шугнано-таджикско-русско-английского словарь» Аламшоева М.М. и Аламшоева Ш.М. объясняется таким образом: *Ҷӯзиҷ* «название растения из которого готовят хну, недотрога мелкоцветная - гиёҳчехак || name of plant of henna, touch-me-not» [188, с. 429].

Это растение состоит из семян. Когда семена созревают, они попадают на ствол самого растения и там же подсыхают. Женщины изготавливают *хну* из созревших семян этого растения, которое на шугнанском языке называется *хёна* (заимствованное от русского «хна»). *Хной* также красят ногти на руках и ногах. Следует подчеркнуть, что в таджикском языке она называется *ҳино*. *Хёна* «хна» наряду с украшающими свойствами, обладает и лечебными свойствами. Таджикский исследователь М. Бобомуродова в частности об этих особенностях хны говорит следующее: «Использование хны при необходимости есть возрождение некоторых исконных обычаев и традиций, что имеет также воспитательное, косметическое и медицинское значение» [29, с. 80]. Ведь у таджикского народа, в том числе и у шугнанского, в прошлом существовал обычай украшать руки и пальцы невест хной. Его использовали как для украшения и красоты, так и для поддержания здоровья рук и ног.

Историки отмечают, что в начале XIX века, хна входила в число главных товаров, импортируемых в Бухарский эмират из Индии. В столицу эмирата Бухары ее в виде порошка доставляли в специальных мешочках и из Персии. Для получения краски достаточно было растворить порошок в теплой воде [88, с. 107].

С другой стороны, если разобраться, горы Таджикистана очень богаты лечебными растениями, используемыми на современный лад в индустрии

красоты. Поэтому люди чаще использовали этот драгоценный природный ресурс. Даже эти травы вывозились в другие страны и из них изготавливали парфюмерию. Например, М.Г. Майтдинова в своем исследовании пишет: «В средневековье здесь изготавливали различные снадобья, которые даже вывозили в другие страны. Известно, что Тохаристан прислал в Китай «благоуханный плод» - смесь благовонных снадобий, которым придавалась форма плода. Подобными «плодами» - благовониями окуривали одежды для придания аромата. Из Кабадияна привозили в Китай путчук или костусный корень, дающий летучее масло с неповторимым запахом фиалки» [85, с. 235]. Из трав и растений изготавливали не только парфюм, но и краски для волос, губ, глаз и бровей. Таким образом, украшения и орнаменты существовали уже в период мезолита.

Наряду со словами М.Г. Майтдиновой, следует упомянуть, что в Бадахшане для изготовления украшений и создания ароматов также использовались различные растения, травы. Например, *ǰaspirux* «базилик» разновидность дикой травы, растущей в горах. Жители Бадахшана называют его ароматной травой. Траву *ǰaspirux* женщины замачивали в воде целый день, затем убирали траву из воды, а в этой ароматной воде после стирки белья полоскали, чтобы вещи приятно пахли. Сейчас природные ароматы заменены различными специальными средствами - кондиционерами для белья. Также пожилые женщины носят его на волосах, вешают на одно ухо для приятного запаха и красоты. По словам Д. Карамшоева, слово *ǰaspirux* представляет собой видоизмененную форму *ǰacpirux* в переводе «очанка; райхон; базилик». Здесь *ǰac* «вода», *pi* «в –предлог» и *ruх* «свет».

Еще один аксессуар, относящийся к группе украшений для рук, называется *pardist* «браслет». Слово *pardist* этимологически древнее, оно состоит из двух компонентов. Следует отметить, что первый компонент слова *par* до сих пор используется в других языках шугнано-рушанской группы, в том числе рушанском языке, в значении предлогов «под», «за», «на», в шугнанском же языке он изменил свою форму и употребляется сегодня в форме *pi*, что также

дает те же значения, что и «под», «за», «на». Второй его компонент *dist* также подвержен фонетическим изменениям и используется в шугнанском языке в форме *dust* «рука». *Pardist* носили женщины и девушки на запястьях, которые мастера украшали различным способом, используя национальный орнамент. *Pardist* бывают широкими и тонкими. Широкий *pardist* женщины носят один на запястье, а иногда с *dustbandak* «шнурком для запястья, с повязкой», который готовился из мелких бисеров. Тонкие же *pardist* девушки и женщины могут носить и несколько штук на каждой руке, исключительно на их усмотрение.

Еще одно украшение для рук *dustbandak* «шнурок для запястья, повязка» вид украшений, которые девушки и женщины носят на запястье. Носить шнурок на запястье сегодня модно среди молодежи. Ее используют как девушки, так и юноши. *Austbandak* состоит из следующих компонентов: *dust* «рука» и *bandak* «шнурок, повязка».

Еще один вид украшений, который был популярен среди женщин и девушек, это *ǰojbũnsifc*.

ǰojbũnsifc «бусинка черного цвета с одной белой точкой». *ǰojbũnsifc* также имеет суеверный характер и используется для новорожденного ребёнка, чтобы защитить его от злых духов, т.е. служил в качестве оберега. *ǰojbũnsifc* привязывается на нитку и завязывается на правую или левую руку маленького ребёнка. В названии слова *ǰojbũnsifc* первая часть *ǰoj* означает «страх, боязнь, опасение», *bũn* – словообразующий суффикс, обозначающий человека по профессии и роду деятельности и *sifc* «бусина». Само слово *ǰojbũn* в шугнанско – русском словаре Д. Карамшоева трактуется следующим образом: *ǰojbũn* «человек, приглашаемый кем-л. на ночь (для компании), чтобы не бояться» [199, с. 283].

Следовательно, слово *ǰojbũnsifc* можно рассматривать как состоящее из двух компонентов: *ǰojbũn* и *sifc* где основное значение слова содержится в компоненте *sifc* «бусы». То есть существуют специальные *sifc* «бусы», которые привязывались на руки маленького ребёнка, полагая, что они могут выполнить задание того же человека *ǰojbũn* «человека, приглашаемого кем-л. на ночь (для

компании), чтобы не бояться», т.е. защитить ребенка, иначе быть оберегом. Также верили в то, что *ǰojbũnsifc* защитит ребенка от дурного глаза.

ǰojbũnsifc используют и взрослые, но не как *ǰustbānd* «браслет», а скорее надевают его на *sizak* «булавка, застёжка», и носят это украшение, как брошь на груди.

ǰillā «перстень; кольцо» также входит в группу украшений для рук. *ǰillā* не изготавливалась шугнанскими мастерами. Этот вид украшения издревле привозился из других мест. *ǰillā* носили шугнанские женщины преимущественно на втором (указательном) и четвертом (безымянном) пальцах. Ношение *ǰillā* на среднем пальце наблюдалось редко, поскольку в народе бытовала легенда, что тот, кто носит его на среднем пальце, является неверующим. В наши дни эти суеверия устранены и женщины, и девушки носят *ǰillā* на любых пальцах.

ǰillā «кольцо» имеют разные виды. Один из видов *ǰillā* – это *qubadorǰillā*, где *qubador* означает «с драгоценным камнем (о перстне)», а *ǰillā* «кольцо». Слово *qubadorǰillā* в основном состоит из трех компонентов: *quba* происходит от таджикского слова, обозначающего «купол, свод», которое на шугнанском языке в зависимости от его формы интерпретируется как купол на вершине *ǰillā* «кольцо», и означает лишь «драгоценный камень перстня». Вторая часть также происходит от таджикского слова *dor* «основа настоящего времени глагола - иметь», и последняя часть слово *ǰillā* - кольцо.

Другой вид *ǰillā* называется *niginadorǰillā*, что также означает «перстень с драгоценным камнем». Слово *niginadorǰillā*, состоит из трёх компонентов: *nigina* таджикское слово в переводе «драгоценный камень вправленный в перстень», *dor* «основа настоящего времени глагола - иметь» и *ǰillā* «кольцо».

Слова *qubadorǰillā* и *niginadorǰillā* в шугнанском языке являются синонимами.

Для украшения ног шугнанские женщины в настоящее время используют такой вид украшения, как *pēdikiyūr* «педикюр», который включает в себя украшение ногтей ног и *pernak* «пяток». В прошлом такой практики не

существовало, и женщины использовали *ǰikurāng* для *pernak* «пяток», о котором мы говорили ранее.

Эта практика в основном использовалась не с целью украшения стоп, а для лечения *pernak* «пяток». Польза этого вида травы *ǰikurāng* заключалась в защите пяток от трещин.

Нынешнее время для украшения рук и ног используются различные виды и декоративные аксессуары, слова которых введены в шугнанский язык как заимствованные слова, особенно из русского и таджикского языков. Например, номинативные единицы: *pedikūyr* - «педикюр», *manikūyr* «маникюр», *tatuirofka* «татуировка», *anklet* - «анклет», *biraslet* «браслет», *lazêrni epilyac* «лазерная эпиляция», *dipilyaciya* - «депиляция», *pilka* «пилка», *noxungirak* «щипцы», *gêl* - «гель», *šilak* - «шеллак», *tips* - «типсы», *narašivanê* - «наращивание».

3.2.7. Лексика украшений женской одежды (тюбетейки и джурабы (носки))

В лексике, связанной с женскими украшениями, можно встретить множество слов и терминов, связанных с украшениями одежды.

Лексика украшений одежды также играет важную роль в совершенствовании и формировании лексики украшений женщин. Действительно, традиционная одежда таджиков уникальна по цвету, стилю, форме и т. д., которые приведены в научных трудах таджикских исследователей. Стоит отметить что работы С.Усмановой, Б. Алиевой, Р. Халимовой, М. Хасановой, Ш. Некушоевой, Х.Худоеивой, Дж. Худойбердиевой, Камол Н.Б. по лексике одежды в таджикском языкознании считаются выдающимися примерами последних лет.

Особыми украшениями украшаются платья, блузки, шарфы, платки, повязки, тюбетейки, шали, вуали (свадебные) и т.п.

Словарными единицами, обозначающими украшения одежды в шугнанском языке, являются группы слов слов *šerozi* «тесма с вышивкой»; *кант*

с узором», *pulkak* «кисти, бахрома», *gulduzi* «вышивка» *sifcin naqḥ* «украшение бисером», *wifḥin naqḥ* «плетённый узор (крючком)» и. т. д.

Одним из основных слов, используемых в шугнанском языке для украшения одежды и головных уборов, является *šerozi* «тесма с вышивкой; кант с узором». Слово *šerozi* «тесма с вышивкой; кант с узором» в шугнанский язык заимствован из таджикского языка. В таджикском языке слово *šerozi* обычно употребляется в форме *шероза*. В «Толковом словаре таджикского языка» слово *шероза* трактуется следующим образом: *шероза* – хошия, зеҳе, ки ба даври тоқӣ, бари чома, гирди остин ва ғ. медӯзанд» [207, с.636]. «*шероза* – кайма, которой обшиваются края тюбетеек, подол рубашки, манжеты на рукавах и т.д. В шугнанско-русском словаре Д. Карамшоев объяснил слово *šerozi* таким образом: «*šerozi*– вышивка; тесьма с вышивкой; кант с узором» [199, с. 417]. На основе слова *šerozi* в шугнанском языке сложились слова *šerozewafij*, «вышивающий тесьму», *šerozewift* «вышивание тесьмы», *šerozedor* «с тесьмой», и с глагольным составляющим *šeroze wiftow* «вышивать тесьму» [199, с. 417].

Как мы уже подчеркивали, слово *шероза* является общеупотребительным таджикским словом, поэтому в таджикско-русском словаре оно трактуется следующим образом: «*Шероза* – 1. шероза, кант (тесьма ручной вышивки, которой обшиваются края тюбетеек, ворот, рукава и полы одежды); 2. полигр. тесьма, связывающая сложенные листы книги в корешке; бастан - брошюровать» [201, с. 757].

Из этих толкований понятно, что *šerozi* – это пояс, украшенный вышивкой. *Šeroz – om* в основном украшают женские и мужские рубашки. Узоры, вязанные на *šerozi*, имеют этнический характер. Ткачи *šerozi* с большим мастерством создают его, придумывая различные неповторимые в национальном стиле узоры. Ткачи *šerozi* точны в изображении узоров и умело выбирают цвет ниток, ведь цвет, изображенный в *šerozi*, имеет свои особенности. Эта идея представлена в книге лингвиста Андреева М.С. «Таджики долины Хуф» следующим образом: «В 1943 г. на улицах Хорога нам

часто попадались на местных жителях одноцветные красные или пестрые (из адраса) тюбетейки, край которых были обшиты узорной тесьмой, называемой «**шерози**», выполненной тамбурным швом.

По-видимому, это артельный пошив северных районов республики.

По сообщению Т. Пулоди еще несколько десятков лет тому назад в Припамирье вышитых тюбетеек не изготавливали и только иногда носили привезенные из Читрала. Местные мастерицы начали их вышивать сами приблизительно во втором десятилетии текущего столетия. Сейчас в Шугнана славятся своими вышивальщицами город Хорог и селение Сохчарв» [15, с. 245].

Gulduzi «вышивание; узорное шитьё» - вид старинного украшения одежды. Чаще всего его пришивают вокруг шеи – как воротник женских платьев. Вышивка одежды в каждом регионе различна узорами, цветом и формой.

Старейшие образцы вышивок, которые хранятся в коллекциях музеев Бухары, Самарканда и других городов является убедительным свидетельством давности применения вышивки в быту шугнанцев и других народов Средней Азии. Установить достоверно, когда зародилось искусство художественной вышивки и вязанья в Таджикистане очень трудно, но богатство стилей их разнообразие и тонкость различных орнаментов, хранящихся в музеях, свидетельствует о том, что вышивальное искусство таджиков прошло в своем развитии длительный исторический путь. Основные элементы вышивального искусства - петля и стежок - впервые пришли на помощь человеку, по-видимому, уже тогда, когда из звериных шкур создавались первые одежды.

Таджикская вышивка, имея значительные региональные различия, составляет единое художественное целое со своими ярко выраженными национальными чертами. Отличительными характеристиками этого искусства является повышенная красочность при использовании сравнительно немногих цветов, а также тяготение к монументальности, простоте и лаконизму узора. Композиции вышивок при всём их разнообразии содержат один и тот же круг тем и мотивов [143, с. 103].

Слово *gulduzi* «вышивание; узорное шитьё» также является заимствованным из таджикского языка в шугнанский язык. В шугнанско-русском словаре Д. Карамшоева слово *gulduzi* объясняется следующим образом: *gulduzi* «вышитый». *Mu kurtā girêbûn fuka9 virexumin gulduzi* «весь ворот моей рубашки вышит шёлком»; *wuzum as bozor gulduzi toqi xarid čud* «я купил на базаре вышитую тюбетейку»; 2. *gulduzi čidow* «вышивать узоры» [197, с. 401].

В таджикском языке слово *gulduzi* употребляется в следующем значении: *гулдӯзӣ* – 1. *дӯхтани нақши гул ба рӯи матоъ*; *гулдӯзӣ кардан нақши гул дӯхтан бар чизе*. 2. *гули дӯхташуда, бо нақшу нигор орошиёфта*» [203, с. 338].

В таджикско-русском словаре слово *гулдӯзӣ* трактуется следующим образом: «*гулдӯзӣ* 1. вышивка; узорное шитьё; расшивание; *гулдӯзӣ кардан*, вышивать; 2. вышитый; расшитый; вышитая кружевом *тоқии гулдӯзӣ* вышитая тюбетейка» [201, с.155].

Одежда или тюбетейка, украшенная орнаментом (цветами) обозначается лексической единицей *guldor* «украшенный цветами; цветастый; вышитый; узорчатый» *guldor toqe* «вышитая тюбетейка»; *guldor kola* «ткань в цветочках». Следует отметить, что человека, занимающегося вышивкой, на шугнанском языке, как и на таджикском языке, называют *гулдуз gulduz* «вышивальщица», а иногда называют *ancavij* «шьющий; швея, портниха» и реже *gulancavij* «вышивальщица; мастерица по вышивке».

Gulkori еще один термин в украшениях, означающий «узорная роспись», «заниматься узорной росписью; вышивать» - [197, с. 401]. Наряду со словом *gulduz* также употребляется слово *gulkor*, которое является синонимом слова *gulduz*.

Gulduzi также меняется вместе с развитием общества и принимает разные формы. Сейчас мастерицы-рукодельницы для украшения женской одежды используют несколько видов вышивки. В настоящее время мастера используют вышивку под термином *popur*. В прошлом все виды вышивки наносились на одежду умелицами делались вручную. *Popur* же вышивается на специальной

швейной машинке. Но старая форма этого термина не утратила своего значения и используется до сих пор.

Pulkak еще один вид украшения, используемый для украшения женской и мужской одежды. **Pulkak** используется как дополнение к украшениям на женских и мужских тюбетейках, женских **реѣак** «*ниток красного цвета, вплетающих в косу девушек и женщин*», женских платьях и мужских сорочках. Слово **pulkak** происходит от корня **pulk** и в шугнанско-русском словаре Д. Карамшоева поясняется следующим образом: **Pulk, pulkak** «*кисти, бахрома в женских косах*» [198, с.453]. Следует отметить, что это слово употребляется и в южных диалектах таджикского языка в форме **пилкак**: «*пилкак – украшение кончика волос женщин и девушек*» [202, стр. 557]. Трудно определить происхождение слова **pulkak**. Можно предположить, что слово **pulkak** является метатезой таджикского слова **пунак**, что означает «1. кисточка, помпон; бахрома; 2. пунак (украшения, вплетаемые женщинам в косы)» [201, с. 492]. Но от таджикского слова **путк** (шугн.-рус. **pulk**) - *большой молоток; кувалда; путку сандон - наковальня* [208, с. 490] происхождение слова **pulk, pulkak** [108, с. 114] сомнительно.

Pulk или **pulkak** подвешивают на конце **реѣак**, о чем также упомянул Д. Карамшоев в своём словаре следующим образом: **pulk реѣак нўлти** - *на кончиках, кос-кисти* [198, с. 453]. Как мы уже отметили выше, **реѣак** изготавливается из шерстяной пряжи. Раньше **pulkak** «*кисти, бахрома в женских косах*» на **реѣак** мастерицы изготавливали только из шерстяных ниток.

В настоящее время одним из неотъемлемых частей украшения женской одежды является бисер. Поэтому стеклянный мелкий бисер широко используют при изготовлении **pulkak**.

Цвет **реѣак** красный, и для изготовления современного **pulkak** используются маленькие белые и красные стеклянные бусинки.

Бумажные (женские) платья, которые назывались в Шугнани таджикским словом **kurta** на горловине имели разрез, отверстия для головы. Пришивного ворота не было. Вместо застежек или пуговиц пришивались завязочки **tak**.

Поэтому в Шугнанах платья этого покрова называются *takdor* «с завязками». На кончиках этих завязок пришивался *пулкак*, чтобы дополнить украшение выразительностью и красотой.

Как свидетельствуют исторические и этнографические материалы, народную одежду дополняли головные украшения. В женских и мужских тюбетейках Бадахшана также используется *pulkak*. По словам женщин Бадахшана, мужчины поворачивают *pulkak* вправо, а женщины влево. Таджикский исследователь Некушоева Ш. в своей научной диссертации привела некоторые сведения об истории национальной тюбетейки, и отмечает следующее: «на традиционной тюбетейке, как на женской, так и на мужской с боковой стороны на поверхности ободка прикрепляется бахрама шугн.- руш. *pulk*» [108, с.113]. Женские головные уборы по сравнению с мужскими отличаются сложностью и обилием компонентов. Они традиционно имеют различные виды компонентов: украшений, отделок, вышивки, а разнообразие деталей головного убора ведет за собой к разнообразию их наименований.

Наряду с тюбетейками женщины носят *titak* «платок», который в основном служит для защиты головы от холода и жары. Но, несмотря на это, женщины *titak* «платок» так, что это добавляет женской красоте еще больший шарм.

Среди шугнанских женщин существуют разные виды *mumak*, известные под названиями *šol* и *lanzi*. Следует отметить, что слово *šol* заимствовано из таджикского языка в шугнанский язык. *Šol* в шугнанских и таджикских словарях интерпретируется как большой платок.

Вязание памирских джурабов *jirib* издревле считалось одним из известных ремесел жителей Бадахшана. На Памире зима продолжительная, поэтому холода сделали ремесло популярным. *Джурабы* не только приносят тепло в холодные зимние вечера их владельцам, но в то же время являются настоящими произведениями искусства. Украшение джурабов разными узорами существовало с древних времен, и существует среди бадахшанцев до

сих пор и с годами приобретает различные уникальные формы, вкус людей к красоте выростал, и по мере его развития усложнялись и узоры рукодельниц.

Каждый узор, вплетенный в джурабы, имеет свое название. Рисунок, орнамент и узор, вплетенный мастерицами в джурабы соответствует их названию, то есть они выполнены по форме названного предмета. Например, *zarwingulak*, *yocgulak*, *išqi pečûn*, *qolingulak*, *ħirbijak*, *kaħtakgul*, *sadbarggulak*, *lolagulak*, *tortānakgul*, *nuqrozgulak*, *widičakgul*, *aqobgulak*, *divuskakgul*, *partowusgulak* и тому подобное. Все эти виды узоров вплетаются в *джурабы* на основе заранее нарисованного узора (служила как калька) на куске белой ткани. Ткань, на которой заранее рисуется узор будущего джураба, называется *nusxa*. Узоры джурабов вяжутся двумя способами: крючком – называемый в народе *yaksêxa*, и четырьмя спицами, называется *čorsexa*. Узоры, изображенные на джурабах, являются преимущественно, связанное с природой, особенно цветы и растения (*sadbarg* «роза», *išqi pečûn* «вид цветка» *lola* «тюльпан», *kaħt* «пшеница»), животные и птицы (*ħirbij* «лягушка», *tortānak* «паутина», *widič* «воробей», *aqob* «орёл», *divusk* «змея», *partowus* «павлин») и различные геометрические фигуры (*jurn* «круг», *čorkunja* «квадрат», *romb* «ромб») и по этой категории мы разберем формы ниже.

а) формы флоры и фауны

Kaħtakgul (от *kaħt* «пшеница» + уменьшительный суффикс «ак» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок»). В этом узоре ткачи джурабов изображают пшеничное зерно. Этот вид узора широко используется и в других женских украшениях, о которых говорилось выше.

Sadbarggulak (от *sadbarg* «роза» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + суффикс – ак). Этот орнамент похож на бутон розы. Его настолько искусно изображают шугнанские вязальщицы, что каждый джураб выглядит как произведение искусства.

Lolagulak (*lola* «тюльпан» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + суффикс –ак в знач. сравнения). На джурабах с данным орнаментом *lolagulak* изображаются узоры из тюльпана либо мака.

Zarwingulak (от *zarwin* «вьющийся, свивать, плести» + *gul* «цветок, узор, орнамент, рисунок» + уменьшительный суффикс – *ак*), название которого соответствует его узору, то есть цветку выюна. В словарях это слово трактуется так: *zarwin, zarwint, zarwinč, zarwintow* «наматывать, свертывать»; *yā ŷal wurŷ zarwint* «она ещё наматывает нитку» [197, с. 540].

Išqi pečûn (от *išq* «любовь» и *pečûn* «вьющийся») – это цветок, известный под названием плющ. Узор плетеный в джураб напоминают вьющиеся кудрявые узоры. Этот орнамент соответствует своему названию, т.е. одновременно с плетением этого узора снизу вверх протягивается еще одна нить, на которую цветок обвивается, когда прорастает. К нему логично добавляется слово любовь, как двое влюбленных, обнимающих друг друга.

б) зооморфные узоры

Ķirbijak (от *Ķirbij* «лягушка» + уменьшительный суффикс – *ак*) – *Ķirbij* это вид животных из отряда бесхвостных земневодных, обитающих в водоёмах или возле них. Узор, который выплетен в джурабе с этим названием, похож на лягушку, а при его плетении используется зеленая нить. То есть сам узор не является чистым изображением лягушки, а похож на него, поэтому и называется *Ķirbijak*.

Tortānagul (от *tortānak* «паук» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок») также является одним из экземпляров орнамента джурабов. Такое название узор носит из-за его схожести на паука. Этот вид узора плетется из разноцветных ниток.

Widičakgul (от *widič* «воробей» + суффикс – *ак* + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок») также плетется из различных ниток и привлекает внимание человека своим необычным орнаментом.

Divuskakgul (от *divusk* «змея» + суффикс – *ак* + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок») – этот вид узора достаточно распространен среди памирских вязальщиц. Этот тип узора заплетается как змея, поэту мастерицы называли его *divuskakgul*. Вязальщицы искусно изображают в своих джурабах мельчайшие особенности этого узора. Глядя на узоры, изображенные на

джурабах, понимаешь, что рукодельницами сосредоточили все свои усилия на том, чтобы каждая работа уникальной.

Partowusgulak (от *par* «перо; крыло» + *towus* «павлин» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + суффикс – *ak*) в этом узоре представлено павлинье перо. Поскольку перья павлина разноцветные и имеют много деталей, в джурабах используется разные цветов.

в) геометрические узоры

Nugrozgulak (от *nugroz* «ножницы» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + суффикс – *ak*) имеет круглую форму и по своей сути напоминает ручки ножниц. Этот вид узора не плетется из определенного цвета ниток, подходящих исключительно для орнамента, а плетется из ниток разного цвета в зависимости от фантазий мастериц носочного дела.

Yocgulak (от *yoc* «пламя» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + суффикс – *ak*). Этот узор имеет треугольную форму и напоминает пламя огня, стремящееся вверх. *Yoc* символ света и тепла. По поверьям, ткачи носков занимаются этим занятием в основном зимой, и изображение огня на носках было плодом их воображения. Зимой в памирских домах разводят огонь, и члены семьи часто собираются вокруг него. Во время работы вязальщицы смотрели на пламя и изображали на джурабах этот огонь.

Qolingulak (от *qolin* «ковёр с ворсом» + *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + суффикс – *ak*) этот рисунок имеет круглую форму, как и на ковре изображено множество красочных цветков. Причина, по которой этот узор называется *qolingulak* возможно в том, что узор заплетенный на джурабе, как и узор на ковре связан из разноцветных ниток.

3.2.8. Выражение лексики украшений во фразеологизмах и пословицах

Женщины от природы эстетичны, и каждая женщина уделяет особое внимание украшению своих глаз, бровей, лица, рук и ног, а также одежды. Поэтому естественно, что это действие, наряду с появлением в языке ряда слов

и терминов, привело также к появлению фразеологизмов и пословиц. Шугнанский язык в этом процессе не исключение.

Δewi xurd sifc virūjat tu... «радоваться и чувствовать себя счастливым от какой-л. находки». Эта пословица используется, когда человек счастлив, и он всегда об этом думает и говорит об этом, куда бы он ни пошел. Элемент декора, используемый в этой пословице - это *sifc* «бусы». Содержание поговорки подчеркивает, что найденное украшение (*sifc* «бусинка») не только человеку, но и демону может принести радость и удовлетворение: *Δewi xurd sifc virujat tu ... (rizin)* «дьявол нашёл себе бусину, а ты...(дочь) (дословный перевод). Следует отметить, что в словаре Аламшоевых существует еще один вариант данного фразеологизма, где разница в произношении одного глагола *vuyjam* «принёс»: «*Δewi xurd sifc vuyjam tu* «дьявол нашёл себе бусину, а ты...» «радоваться и чувствовать себя счастливым от какой-л. находки» [186, с. 367].

Во фразеологизме *mu cēm sifc sut* - (я) в ожидании, ждал с нетерпением; все глаза проглядел, также используется тот же предмет украшения *sifc* «бусы» *māš cēm sifc sut at, tut nāyat* - мы все глаза проглядели, а ты не пришел [198, с. 588]. Эти два синонимичные фразеологизмы употребляются в значении долгого и безрезультатного ожидания: в результате долгого ожидания глаза становятся белыми, и эта белизна сравнивается с *sifc* - бусами. Дословно этот фразеологизм переводится в первом варианте: *мои глаза превратились в бусинки*, во втором варианте: *наши глаза превратились в бусинку, но ты так и не пришел (-а)*.

В следующей фразеологической единице *mu gap xu yūyard alqa kin* - в значении: *помяни мои слова* употребляется слово *alqa* «серьга», один из украшений для ушей. Этот фразеологизм используется при предупреждении о чем-нибудь кого-либо в значении: *вспомни(те) тогда, что я сейчас говорю*. Дословный перевод данного фразеологизма звучит следующим образом: *мои слова как серьги носи на своих ушах*. Другими словами, *как серьги украшают ваши уши, так и мои слова всегда должны звучать в ваших ушах*.

Пословица *mu kāl wiftat yato* «пришла мне волосы сплести», также очень популярна в шугнанском языке. В этой пословице основной статус имеет выражение *kāl wift* «плетение волос». Существовал обычай у памирских женщин, чтобы скрасить редкие свободные минуты от домашних проблем, они ходили к соседке и заплетали друг другу кочиски. То есть пословица употребляется, в тот момент, когда кто-то заявляется, не выполнив поручения старшего по возрасту, службе и т.д. Например, в контексте: Результата от твоего труда нет, так зачем ты пришел? *Ты пришел заплести мне волосы?*

Wiḫuj название одного из аксессуаров для украшения волос. Этот аксессуар в пословице *az kal wiḫuj tilapto* «попросить у лысого расчёску» (в русском языке эквивалент этой идиоме можно привести: «Проку как от козла молока»). То есть выражение сожаления от того, что данный человек оказался совершенно бесполезным в решении конкретного, поставленного задания.

Yu kurta wamti nud – букв. *платье на ней плачет*, еще один пример фразеологизма, в котором упоминается еще одна деталь украшений. Первое требование любой женщины к одежде: она должна ее украшать так, чтобы она видела в себе королеву. Однако этот фразеологизм несет в себе полную противоположность вышесказанного.

Таким образом, можно отметить, что слова и термины украшений и орнаментов широко используются даже в пословицах и фразеологизмах шугнанского языка, в которых отражается богатый исторический опыт, мировоззрение, связанное с бытом и культурой народа.

3.3 Языковая принадлежность лексики женских украшений

Лексический состав языка состоит из набора слов разного происхождения. Исследователи по языковой принадлежности разделили слова языка на исконные и заимствованные. Об этимологии заимствованных слов, причинах и способах их поступления в язык отмечает в своем исследовании таджикский исследователь Х. Маджидов и приводит следующее: «В заимствованной

лексике прослеживается взаимосвязь языков мира. Каждое заимствованное слово в словарном запасе языка является живым свидетелем того или иного события в истории его владельцев [97, с. 94]. Объясняя причины заимствований слов в таджикский язык, автор подчеркивает, что завоевание врагами древней земли таджикского народа – Средней Азии стало одной из причин распространения этого явления. Также, исследователь отмечает, что многовековое сосуществование разных народов также является причиной данного процесса [97, с. 94].

Некоторые исследователи трактуют заимствование слов в языки, с одной стороны, как способ обогащения словарного запаса языка, а с другой стороны, считают его причиной неупотребления родных слов. Например, Булаховский Л.А. обратил внимание на этот вопрос и подчеркнул: «В связи с изменениями социального строя, с развитием тех или иных видов производства, с развитием вообще материальной и духовной культуры - техники, науки, искусства, с изменениями характера общения с другими народами в языке происходит, с одной стороны, *отмирание* ряда слов, утрачивающих свое значение вместе с понятиями, которые раньше ими назывались, а позже вышли из употребления, с другой, при этом обыкновенно в гораздо большем количестве, *пополнение* словами – обозначениями новых представлений и понятий, обработанных в процессе жизненного опыта широких народных масс – носителей соответственного языка» [33, с. 86].

Эта ситуация влияет на бесписьменные языки больше, чем на другие. В такой же ситуации находятся памирские языки, в том числе шугнанский язык. На всех лексических уровнях в шугнанском языке можно наблюдать множество заимствованных слов, и лексика украшений не является исключением.

В настоящее время под влиянием других языков состав лексики, связанной с женскими украшениями, в шугнанском языке, отражающем культуру красоты, сильно изменился, в него вошло много заимствованных слов.

Профессор Х. Маджидов разделил лексику заимствований на следующие виды: 1) прямые и косвенные; 2) старые и новые [97, с. 95]. Шугнанский язык,

на основе непосредственного многовекового контакта с носителями таджикского языка, группы памирских языков, русского и даже киргизского языка, заимствовал многие слова и выражения из них. Также через таджикский язык, который является государственным языком, языком религии, обычаев и традиций, в шугнанский язык были заимствованы многие слова из других языков. Следует отметить, что в шугнанском языке немало слов, исторически связанных со словами таджикского языка. Однако такие слова являются не производными, а общеупотребительными словами, которые в результате дивергенции претерпели фонетические изменения и отделились друг от друга. Подобную ситуацию мы ясно видим в группе слов женских украшений. Например, слово *gixwor* «серьга, серги» - от *gix* «ухо» + *wor* «словообразовательный суффикс» в таджикском языке *guxwor* «серьга, серги» - от *gux* «ухо» + *wor* «словообразовательный суффикс» образовались от этого же слова (др.-ир. *γauša-*, авест. *gaōša-*, др.-перс. *gauša-*, ср.-перс. *gōš*, прес. *gūš*, тадж. *giš*, шугн. *γiγ*).

Таким образом, в лексике женских украшений в шугнанском языке заимствованы многие слова других языков. В частности, из таджикского языка и через него из арабского и турецкого языков, непосредственно из русского языка и через него из европейских языков вошли заимствованные слова, которые мы рассмотрим ниже.

3.3.1. Заимствованные слова из таджикского языка

Как мы уже упоминали выше, большинство слов шугнанского языка, являются словами, происходящими (калькированием) из таджикского языка, независимо от тех слов, которые имеют единый исторический корень. Также через таджикский язык в шугнанский язык вошли многие слова из арабского и турецкого языков.

В шугнанском языке кольца, украшенные камнями, а также со вставками из больших камней называются *куббадор* «имеющий купол». Здесь слово

qubbador является заимствованной из таджикского языка и состоит из двух частей: **qubba** и **dor**. Первая часть слова **кубба** цитируется с арабского языка на таджикский, который интерпретируется в словарях двумя разными значениями: 1. сакфи барчастаи мудававар (аз беруни бино); гунбаз. 2. ҳар чизи гирдаи сарборик ё нимкурашакли аз филизҳо рехташуда ё аз чӯб харротишуда, ки калонтарашро дар сари гунбазу хайма мегузоранд ва хурдтарашро барои зинат ба дарвозаҳои калон мезананд «1. выступающая круглая крыша (с внешней стороны здания); купол 2. любой тяжелый круглый или полусферический предмет, отлитый из металла или вырезанный из дерева, больший из которых помещается на вершине купола и шатра, а меньший из которых прикрепляется для украшения к большим воротам [206, с.693]. Слово **qubbador** образовано от слова **qubba** посредством аффиксоида **dor** (от основы настоящего времени глагола **доштан** - *иметь*), что означает имеющий купол; представляет собой купол. Через таджикский язык в шугнанский язык вошло арабское слово **qubba**.

Слово **niginādor** «кольцо с драгоценным камнем», также является заимствованным из таджикского языка и образовано от компонентов нигина - **niginā** «драгоценный камень» и **dor** (от основы настоящего времени глагола **доштан** - *иметь*). Слово **нигина** является оригинальным словом таджикского языка и состоит из корня **нигин**, что означает 1. санги қиматбаҳо ё филизе, ки ба чашмаки ангуштарин шинонда мешавад; 2. ангуштарӣ, ангуштарин; 3. ангуштарине, ки дар нигинаш муҳри ҳокимият канда шудааст ва рамзи ҳокимияти подшоҳӣ ҳисоб мешавад // 1. драгоценный камень или металл, вставленный в ушко кольца; 2. кольцо; 3. кольцо, на котором выгравирована печать власти и считается символом царской власти [206, с. 911]. Но в шугнанском языке понимают только его первое значение. В таджикском языке также используется слово **нигина** - драгоценный камень или металл, вставленный в ушко кольца. Также слово **нигинадор** – тоже таджикское слово, которое означает именно «камне содержащие украшения». Важно вспомнить, что все эти слова используются и в шугнанском языке: **nigin**, **niginā**, **niginādor**.

Слово *šerozidor* также является заимствованной из таджикского языка и состоит из компонентов *šerozi* - тесьма и *dor* (аффиксоид), что означает «одежда и головной убор имеющий вышитую тесьму, с вышитой тесьмой». Здесь первая часть слова *šerozi* хоть и является заимствованием из таджикского языка, но она адаптирована к фонетическим правилам шугнанского языка. В языке оригинала, то есть таджикском, оно употребляется не в форме *шерозӣ*, но *шероза*, что означает «1. шероза, кант «тесьма ручной вышивки, которой обшиваются края тюбетеек, ворот, рукава и полы одежды; 2. полигр. тесьма, связывающая сложенные листы книги в корешке» [207, с.636]. Слово *шерозӣ* на таджикском языке означает «принадлежащий городу Шираз», что не используется в украшениях в этом смысле, но употребляется в смысле *шероза*.

Слово *реҷак* также является заимствованным из таджикского языка. Это слово претерпело фонетические изменения и употребляется в шугнанском языке в форме *реҷак*. Однако его происхождение в таджикском языке *печа*, что означает «1. челка; локон; 2. пича косичка у маленьких девочек надо лбом и висками); 3. «лоб». Поскольку слово *печа* оканчивается на гласную (-а), в шугнанском языке к нему добавлена согласная (-к), которая звучит как характерный для шугнанского языка суффикс **-ак**. Но оно понимается в том же смысле, что и в таджикском языке.

Слово *usma* является заимствованием из таджикского языка и в той же форме используется в шугнанском языке. В словарь таджикского языка приведено турецкое произношение слова *ўсма/усма*, а также оно употребляется в таджикском языке в формах *васма* и *вусма*, произношение которых трактуется как арабское. В обоих случаях это объясняется так: «зеленое растение, сок которого женщины и девушки наносят на брови в качестве средства украшения».

Слово *surma* также заимствовано из таджикского языка в шугнанский язык и в словаре таджикского языка трактуется следующим образом: *сурма гарди сиёҳранг, ки аз хокаи калъагӣ (цинк) иборат аст ва онро барои зиннат ё дору ба чаши мекашанд; «черный порошок, состоящий из оловянного*

(цинкового) порошка, и ее наносят на глаза для украшения или как лекарства» [204, с. 276].

Итак, другие женские украшения, например, **guldor** «разукрашенная вещь, вещь украшенная цветами; цветастый; вышитый; узорчатый», **safeda** «пудра», **panjak** «косица, заплетенная из пяти прядей», **marjūn / marjon** «коралл», **gulkor** «мастер цветочного орнамента», **qolingulak** «узор, орнамент, рисунок в виде ковра», **sadbarggulak** «узор, орнамент, рисунок в виде розы», **lolagulak** «узор, орнамент, рисунок в виде тюльпана, мака», **tortanakgul** «узор, орнамент, рисунок в виде паука», **robandak** «повязка для кос невесты», **sarbandak** «повязка для шали невесты», **gulduzi** «вышивка», **sebofak** «плетение в три ряда» представляют собой заимствованные слова из таджикского языка и используются в исходном значении.

Помимо слов, обе части которых являются заимствованными из таджикского языка, существуют также заимствованные слова, одна часть которых представляет собой заимствование из таджикского языка или другого языка через таджикский язык, а вторая часть составлена изначально из шугнанских слов, такие заимствования представляют собой полузаимствованные слова. Например, **obaksifc** «светлые прозрачные бусы (тадж. **обак** «водичка» и шугн. **sifc** «бусы»), **aqêqsifc** «один из видов бус» (тадж. **ақиқ** «сердолик» и шугн. **sifc** «бусина»), **marjūnsifc** «один из видов бус» (тадж. **марҷон** «коралл» и шугн. **sifc** «бусина»), **ǰarmarjūn** «красные бусы, напоминающие плоды шиповника» (шугн. **ǰar** «шиповник» и тадж. **марҷон** «коралл»), **ǰojmarjūn** «один из видов бус» (шугн. **ǰoj** «косточки абрикоса» и тадж. **марҷон** «коралл»), **dustbāndak** «один из видов браслетов; браслет из шнурка» (шугн. **dust** «рука» + тадж.-шугн. **bāndak** «шнурок»), **niginadorčillā** «перстень с драгоценным камнем» (тадж. **нигинадор** «с камнем» и тадж.-шугн. **čillā** «кольцо, перстень») и прочее.

3.3.2 Заимствования из русского языка

Принятие заимствованных слов тесно связано с процессом общественного развития. Выше мы упоминали о различных причинах заимствования слов от одного языка в другой. Следует подчеркнуть, что русские заимствованные слова, широко используемые в шугнанском языке, в новейшее время имеют свои особые причины, на которых мы не будем здесь останавливаться. Необходимо только подчеркнуть, что слова русского языка в шугнанском языке произошли не в результате соседского обмена, так как географическое положение не позволяет этого. Здесь заимствование слов носило преимущественно политический характер. Таджикский исследователь Х. Маджидов по поводу таджикского языка, частью которой является и шугнанский язык пояснил следующее: «Русские и европейские слова, заимствованные из русского языка, не имеют очень долгой истории. Введение подобных слов началось во второй половине XIX века, после воссоединения Средней Азии в состав Российской империи. После Октябрьской революции заимствование русских и европейских слов на таджикский язык значительно увеличилось [97, с. 94].

То же самое происходит и в шугнанском языке, причем в шугнанском языке как напрямую, так и через таджикский язык многие русские слова проникают во все отрасли. Конечно, украшения, являющиеся основной частью культуры, не являются исключением. В лексический состав украшений вошли многие русские слова. Следует отметить, что в шугнанском языке, не имеющем письменности, слова, заимствованные из русского языка, приобрели более разговорный характер. Точно так же в шугнанском языке наиболее распространенными русскими словами являются аксессуары, относящиеся к женским украшениям и различным видам украшений. Например, различные виды украшения волос, глаз и лица пришли непосредственно из русского языка в шугнанский язык и сегодня являются частью языка молодого поколения: *pirčoska* «причёска», *yolučka* «ёлочка», *bakavoy* «боковой», *afrikanski kasička* «африканские косички», *kaskad* «каскад», *francuske kaskad* «французский каскад», *dvaynoу kaskad* «двойной каскад», *karê* «каре», *polboks* «полубокс»,

sesan «сессон», *bob karê* «боб каре», *zavifka* «завивка», *lesenka* «лесенка», *permanentni makiyaj* «перманентный макияж», *pudrovi napileni* «пудровое напыление», *rastušofka* «растушовка», *pedikyûr* «педикюр», *manikyûr* «маникюр», *tatuirofka* «татуировка», *lazerni epilyaciya* «лазерная эпиляция», *dipilyaciya* «депиляция», *narašivane* «нарашивание».

К словам, обозначающим декоративные аксессуары, взятым из русского языка, относятся: *zagolka* «заколка», *nividimka* «невидимка», *šipilka* «шпилька», *abadok* «ободок», *lent* «лента», *kasmetika* «косметика», *pudri* «пудра», *tuš* «тушь», *tênen* «тени», *padvodka* «подводка», *ankelet* «анклет», *biraslet* «браслет», *pilka* «пилка», *kusačka* «кусачки», *gel* «гель», *šilāk* «шеллак», *tips* «типсы».

Как видно из приведенных выше примеров, часть заимствованных русских слов адаптирована к стандартам шугнанского языка. В частности, слово «прчёска», являющееся формой русского «причёска», чаще употребляется в шугнанском языке в смысле украшения волос.

Следует отметить, что некоторые из заимствованных русских слов вошли в словарь шугнанского языка, например:

Pudri – пудра; *pudri dêdow (moltow)* – пудриться [187, с. 310].

Следует отметить что шугнанским языком было заимствовано большое количество слов, выражающих женские украшения русского языка, либо непосредственно, либо через таджикский язык. Однако некоторые из них претерпели фонетические изменения и адаптировались к фонетическим стандартам шугнанского языка, особенно слова, заимствованные в XX веке.

3.4. Грамматические особенности женских украшений

Как известно, язык постоянно находится в процессе развития. В особенности своей лексический состав языка всегда увеличивается за счет новых слов, появляющихся путем заимствования или образования грамматического значения (морфологии, словообразования и синтаксиса).

Лингвисты установили разные методы и средства словообразования. В частности, профессор Рустамов Ш. предложил следующие способы словообразования, относящиеся к существительному: морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический [130, с.112].

В действительности наиболее распространенным способом формирования состава языка является словообразование, которое лингвисты выделили морфологическим, морфолого-синтаксическим, лексико-синтаксическим, лексико-семантическим, синтаксически-морфологическим и аббревиатурным методами. Словообразование исторически является одним из способов развития языка и всегда может отражать состояние языка. Один из исследователей персидского языка Пейсиков Л.С так описывает роль словообразования в формировании языка: «Показать роль словообразования в формировании современного словарного состава - значит восстановить всю картину персидского словообразования в его истории» [115, с. 68].

Из научных работ исследователей становится явным, что зарождение новых слов в языке происходит посредством определенных закономерностей словообразования и их применение возможно в разных лексических группах того или иного языка.

Шугнанский язык не стал исключением из этих правил. Слова, появившиеся в лексическом составе шугнанского языка, конечно прошли тот же путь. В частности, к ним относятся слова и термины, связанные с женскими украшениями. О формировании слов путем словообразования в шугнанском языке исследователь Бахтибеков Т. трактует следующим образом: «Известно, что в шугнано - рушанской языковых группах, как и в других языках, новые слова образуются с помощью аффиксов и словосочетаний» [23, с. 12].

Т. Бахтибеков выделил два типа словообразования: а) с помощью аффиксов и б) с помощью сложения, которые относительно широко распространены в шугнанском языке. Следует отметить, что аффиксальный способ словообразования – происходит с помощью присоединения

словообразовательных аффиксов к производящей основе или слову (*порядок – бес+порядок*), сложением же происходит образование новых слов с помощью соединения двух или более основ или слов (*нигин+дор+čillā*).

По традиции основную часть словарного запаса любого языка составляют существительные. Следовательно, при образовании существительного можно использовать все существующие способы словообразования. Лексические единицы, связанные с женскими украшениями, в основном входят в группу существительных. Подробно остановилась на данной теме М. Бобомородова. Грамматический состав слов, связанных с женскими украшениями, автор разделила на простые, производные, сложные и составные слова [29, с. 108]. Следуя исследованию Бобомуродовой С., мы делим слова, связанные с женскими украшениями в шугнанском языке по их морфологическому строению на простые, производные, сложные и составные.

3.4.1 Простые слова

В группу простых слов, выражающих женские украшения в шугнанском языке, входят: *yunj* «волосы», *wirow* «пробор», *šay* «нарядиться», *pic* «лицо», *pěxūnē* «лоб», *wilūxč* «окисшее молоко», *kiryorč* «паслен», *xol* «родинка», *arizm* «сажа», *pidyūc* «нитка», *risk* «вид украшения лица», *žirmêsk* «роза голоцветковая, мальва, алтей», *cem* «глаз», *virūy* «брови», *pidč* «ресницы», *čirc* «кусочек графита, о которой трут каменной палочкой для подведения глаз», *būnj* «каменная палочка для подведение глаз», *usma* «растительная краска для бровей», *surma* «краска для бровей и ресниц», *yūy* «ухо», *kiyž* «отверстие уха», *čarv* «масло», *sifc* «бусы», *alqa* «серьги», *māk* «шея», *tāk* «брошь», *nigina* «камень перстня», *čimā* «брошь», *χaspirux* «базилик», *nusxa* «копия», *zird* «жёлтый», *wixuj* «расческа», *rust* «красный», *safêd* «белый», *têr* «черный», *savz* «зелёный», *ambaχc* «ёлка».

Эти слова как простые слова принимают суффиксы и префиксы или соединяются с другими корнями, образуя сложные слова.

Определить структуру некоторых слов, связанных с женскими украшениями в шугнанском языке довольно сложно. В лексике женских украшений используются слова, морфологический состав которых трудно или невозможно определить с точки зрения современного шугнанского языка. Такие слова можно отнести к группе слов, которые мы принимаем по структуре как простые слова. Такая же ситуация существует и в таджикском языке. На этот же вопрос Бобомуродова М. обратила внимание при разделении слов женских украшений по строению и подчеркнула: «Слов и терминов, сходных по строению с литературным языком намного больше, и далее мы обратим внимание на формы и виды словообразования этих слов. Непрозрачные по своей структуре слова – это слова, которые исторически были составными или сложными словами, а с течением времени их внутренние компоненты соединились друг с другом и стали единой лексико-грамматической единицей, и сегодня они понимаются в языке как простые слова» [29, с. 106].

В шугнанском языке среди таких слов встречаются слова *žirmêsk* и *ħaspirux* в которых одна часть имеет значение, но значение другой части неясен. Например, слово *žirmêsk* «бот. шток-роза голоцветковая; мальва; алтей» составлено из компонентов *žir* «камень» и *mêsk*, где смысл второй части неясен.

3.4.2 Суффиксальный способ образование слов

Одним из наиболее продуктивных способов образования слов в языке являются аффиксы. В шугнанском языке большая часть слов образована посредством аффиксов, в частности, слова женских украшений. В группу составных слов, выражающих женские украшения, входят следующие слова: *peĥak* «привязная шерстяная женская коса», *xoĥak* «косица, косичка», *yiwāk* «одна коса», *duyūnāk* «два коса», *panĵak* «косица, заплетенная из пяти прядей», *divūskak* «вид узора змеи», *kaĥtak* – «вид узора пшеницы», *kaĥak* «завиток, локон, кудри» *sabadak* «вид причёски», *girdak* «округлый; шарообразный», *lunjen* «щёки», *šanden* «губы», *safedā; pudri* «пудра», *virūĥin* «бровастый»,

gūxwor «серьги», *awezūnak* «висячий», *kūrak* «выжывать, замыкаться (о дирке в ушах)», *sifcen* «бусы», *gaḥnzzak* «брошка в виде кориандр», *sizak* «булавка, застёжка», *yūzič* «растения из которого готовят хну, недотрога мелкоцветная», *šerozi* «тесма с вышивкой», *pulkak* «кисти, бахрома», *titak* «платок», *ḫirbijak* «вид узора, лягушка», *widičak* «вид узора, воробей».

1. Суффиксы со значением лица по роду его деятельности:

-gar: *zargar* «мастер золотых дел; ювелир» – от *zar* «золото» + *gar* (суффикс);

-gari: *zargari* «ювелирное дело, ювелирное мастерство» – от *zar* «золото» + *gari* (суффикс)

2. Суффиксы, образующие названия разных вещей:

Суффикс **-ak** чаще употребляется в выражении слов, относящихся к описанию узоров, орнамента. По сути в шугнанском языке суффикс **-ak** выполняет и словообразовательную и формообразующую функцию. Как формообразующий суффикс он выражает уменьшительное, ласкательное значение. Кроме того, этот суффикс в шугнанском языке может выражать и другие значения.

Суффиксы шугнанского языка образуют термины, относящиеся к женским украшениям, из разных частей речи. Суффикс **-ak** в шугнанском языке – это суффикс, обозначающий уменьшительный, ласкательное значение. Он создает слова из разных частей речи для выражения форм женских украшений, как показано в примерах ниже:

1. Существительное:

а) существительное + **ak**:

-сетак - сетак «мелкие бусы, бисер» – из *цем - сет* «глаза» + **-ак** (словообразовательный суффикс);

-pulkak «кисти; бахрома в женских косах» – из *pulk* «кисти» + **ak** (суффикс, который здесь означает уменьшительное значение);

-хоḫак «косица, косичка» – от *хоḫ* «рога» + **-ак** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **divuskak** «вид плетения волос» – от **divusk** «змея» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **kaĭtak** «вид плетения волос» – от **kaĭt** «зерно» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **sabadak** «вид плетение волос» – от **sabad** «корзина» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **gaĭnizak** «один из видов брошь» – от **gaĭniz** «кориандр, кинза» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **titak** «косынка» – от **tit** «косынка» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **ĭirbijak** «один из видов узор джураба» – от **ĭirbij** «лягушка» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **widiĭak** «один из видов узор джураба» – от **widiĭ** «воробей» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

Наряду с аффиксами существуют также полуаффиксы, которые позволяют создавать из корней слов новые слова или термины. Суффикс **-dor** в шугнанском языке, как и в таджикском языке, выполняет функцию аффиксоида. Оно сочетается с существительными, образуя слова, обозначающие женские украшения. Суффикс – **dor**, наряду со своей суффиксальной функцией, также представляет основу настоящего времени. Суффикс – **dor** происходит от таджикского глагола **доштан, дорандаи чизе** «владеть чем-либо». Эту особенность мы наблюдаем на примерах ниже.

б) **существительное + dor**:

- **qubbador** «кольцо с драгоценным камнем» – от **qubba** «драгоценный камень» + **dor** (аффиксоид);

- **niginador** «кольцо с драгоценным камнем» – от **nigina** «драгоценный камень» + **dor** (аффиксоид);

- **ĭerozidor** «одежда и головной убор имеющий вышитую тесьму, с вышитой тесьмой» – от **ĭerozi** «тесьма» + **dor** (аффиксоид);

- **guldor** «разукрашенный вещь, вещь украшенный цветами; цветастый; вышитый; узорчатый» – от **gul** «цветок» + **dor** (аффиксoid);

- **takdor** «платье с завязками» – от **tak** «завязка, застёжка» + **dor** (аффиксoid).

Суффикс **-ен** в шугнанском языке представляет собой суффикс множественного числа и является формообразовательным. Он сочетается с корнем и показывает множество предмета. В диссертации перечислены части тела, которые украшают женщины. Это парные части, и для их выражения используется суффикс множественного числа **-ен**. Также этот суффикс в шугнанском языке является формообразовательным.

в) существительное + ен:

- **lunj** «щеки» – от **lunj** «щека» + **ен** (суффикс множественного числа);

- **šanden** «губы» – от **šand** «губа» + **ен** (суффикс множественного числа);

- **semen** «глаза» – от **sem** «глаз» + **ен** (суффикс множественного числа);

- **sifcen** «бусы» – от **sifc** «бусина» + **ен** (суффикс множественного числа).

Суффикс **-ич** в шугнанском языке является малоупотребительным суффиксом: с ним образованы всего лишь несколько слов, и только одно из них с описанием женских украшений мы привели как пример в своем исследовании:

г) существительное + ич:

- **yūzič** «название растения, из которого готовят хну» – от **yūz** «грецкий орех» + **ič** (словообразовательный суффикс).

Суффикс **-būn// -būn** образует множество слов в шугнанском языке. Этот суффикс, образующий существительные со значением лица:

д) существительное + būn:

- **šojbūn** «человек, приглашаемый кем-л. на ночь (для компании) чтобы не бояться» – от **šoj** «страх, боязнь, опасение» + **būn** (словообразовательный суффикс в значении сопровождать, охранять).

е) существительное + wor:

gix̄wor «серьга, серьги» – от **gix̄** «ухо» + **wor** (словообразовательный суффикс в значении как что-то).

2. Прилагательное:

а) прилагательное + **ak**:

- **kaḡak** «завиток, локон, кудри» – от **kaḡ** «кривой» + **ak** (словообразовательный суффикс);

- **girdak** «круглый; шарообразный вид заплетения волос» – от **gird** «круглый» + **ak** (словообразовательный суффикс);

- **kûrak** «выживать, закрываться (о дырке в ушах)» – от **kûr** «слепой» + **ak** (словообразовательный суффикс);

- **awezûnak** «висячий» – от **awezûn** «висит» + **ak** (словообразовательный суффикс).

б) прилагательное + **a**:

- **safeda** «пудра» – от **safed** «белый» + **a** (словообразовательный суффикс).

в) прилагательное + **in**:

- **virûḡin** «бровастый, с бровями» – от **virûḡ** «брови» + **in** (словообразовательный суффикс).

3. Числительное:

а) числительное + **ak**:

- **ranjak** «коса, заплетенная из пяти прядей» – от **ranj** «пять» + **ak** (словообразовательный суффикс).

б) числительное + **āk**:

- **diuyînak** «два коса» – от **diuyîn** «два» + **āk** (словообразовательный суффикс).

- **yîwāk** «одна коса» – от **yîw** «один» + **āk** (словообразовательный суффикс).

4. Глагол:

а) глагол + **ak**:

- **reṣak** «привязанная шерстяная женская коса» – от **reṣ** «завиток» + **ak** (словообразовательный суффикс).

Следует отметить, что в составе составных слов, обозначающих женские украшения, в этом языке посредством аффиксов создаются не только исконно шугнанские слова, но и производные слова, пример которых был приведен выше.

3.4.3. Сложные слова

Способом сложения лексем и образования сложных слов занимает особое место среди слов женского украшения шугнанского языка. По мнению лингвиста Чхеидзе Т.Д. этот способ словообразования очень древний и принадлежал к тому же этапу, когда в языке еще существовала нулевая морфема [166, с. 66]. Этот способ словообразования характерен для всех языков и считается источником формирования и развития словарного запаса.

Сложные слова в таджикском и шугнанском языках бывают двух типов: сложные слова сочинительного типа и сложные слова подчинительного типа [45, с.119; 23, с.14]. Сложные слова, компоненты которых независимы, называются сложными словами сочинительного типа. Сложные слова сочинительного типа в области женских украшений в шугнанском языке нам не встречались, поэтому приведённые ниже примеры в основном сложные слова подчинительного типа.

В таджикском и шугнанском языках образование сложных слов подчинительного типа в области женских украшений является одним из основных способов, обогащающих и совершенствующих лексическую структуру языка. В этом типе словообразования компоненты бывают разными частями речи и связь между ними бывает сочинённой и подчинённой. Первый компонент таких слов является атрибутом (изъяснительным) второго и по содержанию подчиняется ему или же наоборот. Мы сгруппировали эти слова следующим образом:

1. От двух существительных

- **bodiringpûst** «кожура от огурцов для снятия загара» – от **bodiring** «огурец» + **pûst** «кожа».

- **žirmêsk (žirmêst)** «шток роза голоцветковая, мальва, алтей для приготовления румяна» – **žir** «камень» + **mêst** «луна, месяц». В шугнанском языке это слово чаще всего употребляется в форме **žirmêsk**. В таком виде первая часть сохранила свой смысл, а вторая часть потеряла смысл.

- **bûnjxalta** «мешочек для графита» – от **bûnj** «графит» + **xalta** «мешок»;

- **sirdorgak** «палочка чеснока, для окрашивания бровей» – от **sir** «чеснок» + **dorg** «палка» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **yûŷsife** «бусина в качестве серьги» – от **yûŷ** «ухо» + **sife** «бусина»;

- **setakguŷwor** «один из видов серёг» – от **setak** «бусы; повязка из нескольких ниток бисера» + **guŷwor** «серьга»;

- **obaksife** «светлые прозрачные бусы» – от **obak** «водичка; ртуть» + **sife** «бусы»;

- **aqêqsife** «один из видов бус» – от **aqêq** «сердолик» + **sife** «бусина»;

- **marjûnsife** «один из видов бус» – от **marjûn** «коралл» + **sife** «бусина»;

- **ŷarmarjûn** «красные бусы, напоминающие плоды шиповника» – от **ŷar** «шиповник» + **marjûn** «коралл»;

- **dustbāndak** «один из видов браслет; браслет из шнурка» – от **dust** «рука» + **bāndak** «шнурок»;

- **ŷojbûnsife** «один из видов бус» – от **ŷojbûn** «человек, приглашаемый кем-л. на ночь (для компании) чтобы не бояться» + **sife** «бусина»;

- **gulkor** «цветовод; мастер узорной вышивки» – от **gul** «цветок» + **kor** «работа»;

- **yocgul** «один из видов узор джураба» – от **yoc** «огонь» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **robāndak** «вид украшения для кос» – от **ro** «дорога» + **bandak** «шнурок»;

- **sarbandak** «повязка на голову невесты» – от **sar** «голова» + **bandak** «шнурок»;

- **qolingulak** «один из видов узора джурабов» – от **qolin** «ковёр с ворсом» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок» + **ak** (уменьшительно-ласкательный суффикс);

- **kařtakgul** «один из видов узора джурабов» – от **kařtak** «зернышко» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **sadbarggulak** «один из видов узора джурабов» – от **sadbarg** «роза» + **gulak** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **lolagulak** «один из видов узора джурабов» – от **lola** «тюльпан» + **gulak** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **tortānagul** «один из видов узора джурабов» – от **tortānak** «паук» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **nuqrozgulak** «один из видов узора джурабов» – от **nuqroz** «ножницы» + **gulak** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **widičakgul** «один из видов узора джурабов» – от **widičak** «воробей» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **aqobakgul** «один из видов узора джурабов» – от **aqobak** «орёл» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **divuskakgul** «один из видов узора джурабов» – от **divusk** «змея» + **gul** «цветок; узор, орнамент, рисунок»;

- **partowus** «один из видов узоров джурабов» – от **par** «крыля» + **towus** «павлин».

2. От существительного и глагола

- **řayčid** «нарядить» – от шай «нарядный, разодетый, хорошо одетый» + **čid** «от настоящего времени глагола **чидов** «сделать, делать»;

- **xolđed** «татуировать» – от **xol** «пятнышко, крапинка (узор в виде овальных пятнышек); родинка, родимое пятно» + **đed** «от настоящего времени глагола **дедов** «бить»;

- **piczēřt** «чистка лица» – от **pic** «лицо» + **zēřt** «от настоящего времени глагола **zēřtow** «сделать, делать, брать»;

- *virûyzêxt* «чистка бровей» – от *virûy* «брови» + *zêxt* «от настоящего времени глагола *zêxtow* «сделать, делать, брать»»;

- *gulduzi* «вышитый» – от *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + *duz* «шить, шитьё» + *i* (суффикс);

- *gulancavij* «вышивальщица; мастерица по вышиванию» – от *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + *ancav* «настоящее время глагола *шитъ*» + *ij* (суффикс);

3. От прилагательного и глагола

- *xişruyčid* «украшать» – от *xişruy* «красиво» + *čid* «от настоящего времени глагола *čidow* «сделать, делать»»;

4. От существительного, прилагательного и глагола

- *yunjkaŷakkunak* «щипцы-гофре, инструмент для завивки волос» – от *yunj* «волосы» + *kaŷak* «завиток, локон, кудри» + *kun* «делать» + *ak* (суффикс).

5. От числительного и глагола

- *sebofak* «коса в три пряди» – от *se* «три» + *bof* «настоящее время глагола *бофтан* «плятать»» + *ak* (суффикс);

6. От наречия и глагола

- *reŷowez* «брошка» – от *reŷ* «вперед, спереди» + *owez* «висячий»;

7. От прилагательного и существительного

- *zarwingulak* «один из видов узоров джурабов» – от *zarwin* «запутанный»; *gul* «цветок; узор, орнамент, рисунок» + *ak* (суффикс);

- *kilûxmarjûn* «один из видов бус» – от *kilûx* «большой» + *marjûn* «коралл»;

8. От числительного и существительного

- *yaksexa* «односпицевое плетение джураба» – от *yak* «один» + *sex* «спицы» + *a* (суффикс);

- *čorsexa* «четыреспицевое плетение джураба» – от *čor* «четыре» + *sex* «спицы» + *a* (суффикс);

3.4.4 Словосочитания связанные с женскими украшениями

Для выражении слов женских украшений в шугнанском языке часто используются словосочетания. Как показали исследования основным компонентом словосочитанием являются слова, выражающие украшения. Следует отметить, что слово *guǰwor* является производным. Оно состоит из корня «ухо» и суффикса «wor». Но женщины используют несколько видов сережек и, чтобы отличить их друг от друга, выражают их в форме словосочетаний с тем предметом, форма которого схожа с ними. Например:

- *awezǰnak guǰwor* «висячие серьги» – из компонентов *awezǰnak* «висячий» и *guǰwor* «серьга»;

- *časpak guǰwor* «серьги клипсы» – от *časpak* «липкий, липнувший» *guǰwor* «серьга»;

- *girdak guǰwor* «серьги-колечко» – от *girdak* «круглый» и *guǰwor* «серьга»;

- *tilloi guǰwor* «золотые серьги» – от *tilloi* «золотой» и *guǰwor* «серьга»;

- *nuqragê guǰwor* «серебряные серьги» от *nuqragê* «серебрянный» и *guǰwor* «серьга»;

- *qubbador guǰwor* «серьги с драгоценными камнями» – от *qubbador* «с драгоценным камнем» и *guǰwor* «серьга»;

- *bequbba guǰwor* «серьги без драгоценного камня» – от *bequbba* «без драгоценного камня» и *guǰwor* «серьга».

Глаголы в шугнанском языке по своей структуре бывают составными именными. Составные именные глаголы в шугнанском языке образуются с помощью других частей речи, в которых глагол является вспомогательным компонентом. Слова *wiftow*, *čidow*, *sitow* для выражения женских украшений используются как вспомогательные глаголы:

- *ǰunj wiftow* «плетение волос» – от *ǰunj* «волосы» и *wiftow* «плетение»;

- *xušruy čidow* «нарядить» – от *xušruy* «красиво» и *čidow* «глагол, делать, сделать»;

- *kūz čidow* «прокаливать» – от *kūz* «дырка» и *čidow* «глагол, делать, сделать»;

- *kūrak sitow* «ослепнуть, закрываться (о дырке в ушах)» – от *kūrak* «выжывать, закрываться» и *sitow* «становиться».

Для обозначения признака украшений и орнаментов также используются составные слова и словосочетания. Например:

- *yulā sifc* «большая бусина» – от *yulā* «большой(-ая)» и *sifc* «бусина»;

- *ħipalānak sifcen* «сверкающие бусы» – от *ħipalānak* «сверкающие» и *sifcen* «бусы»;

- *nuqragin tāk* «серебрянная брошь» – от *nuqragin* «серебрянная» и *tāk* «брошь»;

- *pidyūcin tāk* «застёжки из ниток» – от *pidyūcin* «из ниток» и *tāk* «брошь»;

- *wuryin tāk* «застёжка из пряжи» – от *wuryin* «из пряжи» и *tāk* «брошь»;

- *qalayin tāk* «застёжка из олова» – от *qalayin* «из олова» и *tāk* «брошь»;

- *guldor toqi* «тюбетейка с цветочными узорами» – от *guldor* «с цветочными узорами» и *toqi* «тюбетейка»;

- *guldor kola* «материал с цветочными узорами» – от *guldor* «с цветочными узорами» и *kola* «материал»;

- *išqi pečūn* «одинь из видов цветов и узора джурабов» – от *išq* «любовь» и *pečūn* «проворный».

При анализе слов мы также использовали трёхкомпонентные слова, которые анализировались следующим образом:

- *čaxmi bad sifc* «бусина от глаза» – от *čaxm* «глаза» и *bad* «плохой» и *sifc* «бусина».

3.4.5. Грамматический род

Как известно, в таджикском языке категория грамматического рода отсутствует. Эта категория в таджикском языке выражается биологическим (природным) образом. В шугнанском языке, в отличие от таджикского языка,

существует категория грамматического рода и выражается морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами.

«В шугнанском языке род неодушевленных существительных присваивается в соответствии с их значением. Женский род представляет собой единство предмета, а мужской род представляет собой общий смысл целого. Именно поэтому то или иное существительное может быть женским или мужским в зависимости от его значения» [23, с.10].

В словах, выражающих женские украшения эти виды слов входят в категорию неодушевленных существительных. Например, *pečak* «тесма для заплетания косы», *yunj* «волосы», *wirow* «пробор», *sarbandak* «повязка на голову невесты», *sifc* «бусы», *čillā* «кольцо» и другие. Категория рода в этих словах выражается с помощью местоимений *mam, ya, wam, dam* (женский род) и *mi, yū, wi, di* (мужской род). Например, в приведенных ниже предложениях глагол *sarbandak* «повязка на голову невесты» и *čipêčk* «макротомия, название травы» имеют мужской род и употребляются с местоимениями *mi* «это, этот» и *yū* «тот, то».

Mi sarbandakum as rust kolāyand ancuvd «эту повязку для головы невесты я сшила из красного материала».

Yū čipêčk kāndê, uz wi wam «где та макротомия (трава), я её принесу»

Mi mu wirow rost kin «поправь мой пробор»

Также в других предложениях слова *sifc* «бусина» и *čilla* «кольцо» выражают женский род и используются с местоимением *ya* «та» и *mam* «эта»:

Ya cafed sifc bar mam zird xušruyde «та белая бусина красивее этой, желтой».

Mam mu čilla zi «возьми моё кольцо».

Выводы по 3 главе

Исследование этнолингвистических аспектов лексики женских украшений в шугнанском языке выявило, что женские украшения и одежда

прежде всего символизируют красоту, но исторически связаны с мышлением, воображением, ритуалами и религиозными традициями народа.

Изучение терминов, связанных с женскими украшениями в шугнанском языке, привело к следующим выводам:

1. Термины, относящиеся к женским орнаментам в шугнанском языке, свидетельствуют о древности языка и местной культуры горных таджиков.

2. Разнообразие видов женских украшений и украшений женской одежды отражает вкусы и пристрастия бадахшанских таджиков, одновременно обогащая шугнанскую и таджикскую языковую культуру.

3. Использование украшений в шитье, вязании и других ремёслах, а также сочетание различных цветов подтверждают существование этого искусства у горных таджиков с древних времён.

4. Лексика женских украшений включает исторические, этнокультурные, национальные и традиционные аспекты. Она обогащается под влиянием различных культур и меняется в зависимости от исторических условий.

5. Лексику женских украшений можно анализировать и классифицировать по разным критериям. Лингвисты группируют её по материалам украшений или видам одежды. В своём исследовании мы разделили лексику на группы по украшениям для причёсок и волосоплетения, макияжу лица, глаз, бровей и ресниц, ушным украшениям, украшениям груди и шеи, рук и ног, а также женской одежды (тюбетейки и джурабы).

6. По грамматическому строю лексика женских украшений шугнанского языка можно выделить на группы простых слов, таких как *yunj* «волосы», *wirow* «пробор», *šau* «нарядиться», *pic* «лицо», *pěxūnē* «лоб», *wilūxč* «окисшее молоко», *kiryopč* «наслен», *xol* «родинка», *arizm* «сажа», *pidyūc* «нитка», *risk* «вид украшения лица», *žirměsk* «роза голоцветковая, мальва, алтей», *cem* «глаз», *virūy* «брови», производных слов таких, как *pečak* «привязанная шерстяная женская коса», *xočak* «косица, косичка», *yiwak* «одна коса», *duyūnāk* «две косы», *panjak* «коса, заплетенная из пяти прядей», *divūskak* «вид узора змеи», *kačtak* – «вид узора пшеницы», *kačak* «завиток, локон, кудри»

сабадак «вид причёски», *girdak* «округлый; шарообразный», сложные слова, такие как *bûnjxalta* «мешочек для графита», *sirdorgak* «палочка чеснока, для окрашивания бровей», *cemakguǰwor* «один из видов серёг», *obaksifc* «светлые прозрачные бусы», *aqêqsifc* «один из видов бус», и такие выражения, как *časpak guǰwor* «серьги клипсы», *girdak guǰwor* «серьги кольца», *nuqragê guǰwor* «серебрянные серьги», *qubador guǰwor* «серьги с драгоценными камнями».

Категория рода в этих словах выражается с помощью местоимений *mat*, *ya*, *wam*, *dam* (женский род) и *mi*, *yû*, *wi*, *di* (мужской род).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Украшения, создающие особое настроение для человека, играют важную роль в повседневной жизни и присутствуют в истории человечества с древнейших времён. Их использование тесно связано с климатическими, природными, культурными и религиозными особенностями каждого народа, что приводит к появлению уникальных украшений и орнаментов, тесно связанных с материальной и духовной жизнью. Это формирует в национальных языках множество лексем, описывающих различные виды украшений. Следовательно, словарный запас шугнанского языка богат лексикой женских украшений, а этнолингвистические исследования этой лексики послужили основой для более глубокого изучения данной темы.

1. Язык отражает культурные ценности, верования, нормы и обычаи, используемые в обществе и этнических группах, передавая их из поколения в поколение. Он также раскрывает культурные концепции и способы их выражения.

2. Культура и язык тесно взаимосвязаны. Исследование лингвистов подтвердило, что культура может оказывать прямое влияние на язык.

3. В рамках исследования был осуществлён детальный анализ, который помог выявить значимые и интересные мнения. Доказано, что культура может влиять на фонетический и грамматический строй языка, а также словарный запас и семантику слов.

4. Лексика играет ключевую роль в этнолингвистических исследованиях, поскольку она отражает культурные ценности, идеи и особенности определенной группы людей. Анализ словарного запаса языка позволяет получить представление о культуре и образе жизни его носителей. Слова в языке могут отражать уникальные концепции, связанные с окружающим миром, традициями, верованиями и ценностями данной культуры. В этнолингвистике лексика рассматривается как совокупность единиц, представляющих отдельную часть национального образа мира и обладающих общим смысловым содержанием.

5. Исследования в области этнолингвистики, посвященные бесписьменным языкам Таджикистана, создали прочную научную основу для изучения языка, культуры, обычаев и традиций таджикского народа. Благодаря таким исследованиям можно ознакомиться с образом жизни и древними традициями таджикского народа, проживающего в разных регионах страны. Этнолингвистическое картографирование играет важную роль, поскольку оно фиксирует все этнокультурные слова, начиная с национальных обрядов и различных обычаев, заканчивая топонимическими названиями, типологическими признаками и словами, обозначающими предметы сельского хозяйства, женские украшения и т. д. Таким образом, этот метод позволяет сохранять этнокультурные слова в бесписьменных языках Таджикистана, включая шугнанский язык.

6. На протяжении всей истории различные народы и нации развивали свои уникальные традиции и обычаи, уделяя особое внимание украшениям и орнаментам, которые вносят значительный вклад в формирование национальной культуры, эстетики и грации. Источники показывают, что шугнаноязычные таджики, как и другие народы мира, проявляют сильный интерес к орнаментам и украшениям, что постоянно отражается в их языке, фольклоре, истории и этнографии. Лексика женских украшений в шугнанском языке состоит из слов, передающих обычаи и культурное наследие носителей языка.

7. Кроме того, украшения не только имеют декоративное значение, но и выполняют роль оберегов, защищая от колдовства и болезней. К примеру, шугнаноязычные таджики используют украшения *ǰojbũnsifc u qalamfur* для защиты от сглаза и страха, сочетая их эстетические и защитные функции.

8. Исследование лексики, связанной с украшениями, тесно связано с историей и культурой народа, что ценно для понимания развития общественной жизни, эволюции мышления и инноваций в повседневной жизни.

9. Языковые, историко-культурные факторы оказывают влияние на лексику, связанную с одеждой и украшениями; поэтому исследование учитывает не только этнографические данные, но и историко-философские факторы.

10. Классификация лексико-семантических и структурно-грамматических групп слов, описывающих женские украшения, отражает совокупность смысловых признаков, таких как материал, цвет, размер и способы использования украшений.

11. Шугнанский язык развивался на протяжении многих лет в тесном взаимодействии с бадахшанскими (памирскими) языками, а также с таджикским, персидским, русским и другими индоевропейскими и тюрко-монгольскими языками, заимствуя у них слова, но при этом сохраняя свои уникальные черты. Несмотря на значительное количество заимствованных слов, лексика, связанная с женскими украшениями, часто выражается исконно шугнанскими словами, что говорит о богатстве словарного запаса языка.

12. Лексико-грамматический анализ лексики, связанной с женскими украшениями, показывает, что в основном она состоит из существительных. Прилагательные также активно используются в составных существительных, а глаголы чаще встречаются в словах, описывающих процесс изготовления украшений и различные виды деятельности, связанные с ними.

13. Лексика, обозначающая украшения, широко используется в пословицах и идиомах, отражая культурные особенности и роль украшений в народных обрядах и обычаях.

14. В процессе словообразования слова, связанные с украшениями и орнаментами, часто сохраняют своё исходное значение, а также могут образовывать новые слова с тем же значением или приобретать метафорические смыслы.

15. Названия женских украшений в шугнанском языке сохраняют свои фонетические, лексические и морфологические особенности, составляя значительную часть словарного состава языка.

16. Лексика украшений делится на различные категории, включая лексемы, связанные с украшением волос и плетением волос; лексика макияжа лица; слова, описывающие украшения глаз, бровей и ресниц; лексика ушных украшений; лексика, связанная с украшениями шеи и груди; слова, описывающие украшения рук и ног; лексика, относящаяся к украшениям одежды, головных уборов и носков (джурабов).

17. Лексические группы, относящиеся к украшениям, взаимосвязаны между собой и составляют определенную систему в языке. Эта система включает как древние слова, так и более современные лексемы, которые до сих пор используются в шугнанском языке, отражая его уникальные особенности и свидетельствуя о важности украшений и эстетики для носителей языка.

18. Лексика, связанная с украшениями в шугнанском языке, отличается разнообразием и сложностью в плане материального фонда, смысловой структуры, происхождения и языковых связей. С точки зрения морфологической классификации, слова, относящиеся к украшениям, делятся на простые, производные, сложные и составные лексемы.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании проведенных исследований даны следующие научные рекомендации:

1. Данная диссертация может способствовать дальнейшим исследованиям в области этнолингвистического анализа.

2. Результаты исследования могут быть использованы для решения некоторых практических и теоретических вопросов указанного направления и служить основой и дополнением дальнейших научно-теоретических этнолингвистических исследований.

3. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания курсов лексикографии, этнолингвистики, а также для проведения семинаров и спецкурсов в области этнолингвистики (лингвокультурологии).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бр. – бартангский язык;

вах. – ваханский язык;

перс. – персидский язык;

рус. – русский язык;

рушан. – рушанский язык;

тадж. – таджикский язык;

шугн. – шугнанский язык.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Научная литература

А) на кириллице

1. Абдуллоева, Г. Лексика каратагского говора. / Г.З. Абдуллоева. – Душанбе, 2013. – 189 с.
2. Абдулхамидова, П. Лексика народной медицины шугнанского языка: автореф. дисс...канд. филол. наук. / П.Ш. Абдулхамидова. – Душанбе, 2006. – 22 с.
3. Агапкина, Т. А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. / Т. А. Агапкина. –М.: Издательство "Индрик", 2000. – 334 с.
4. Акрамова, Х.Ф., Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев: научно-биографический очерк. / Х. Ф. Акрамова, Н. М. Акрамов. – Душанбе: «Ирфон», 1973. - 225 с.
5. Аламшоев, М. М. Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: автореф. дисс...д-ра филол.наук. / М.М. Аламшоев. – СПб., 2002. – 279 с.
6. Алиев, Б. П. Ягнобская этнографическая лексика. / Б.П. Алиев. – Душанбе, 1998.
7. Алимӣ, Дж. Х. Лингвистическое исследование микропонимии бассейна Сурхоб (Ховалингский и Советский районы Хатлонской области): автореф. дисс... канд. филол. наук. / Дж. Х. Алимӣ. – Душанбе, 1993. - 20 с.
8. Алпатов, В.М., Крылов, С.А. История лингвистических учений: учебник и практикум для академического бакалавриата. / В.М. Алпатов, С.А. Крылов. – 5-е изд., 22 перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 452 с.
9. Амонов, Р. Лирикаи халқии тоҷик. – Душанбе: «Дониш», 1968. – 412 с.
10. Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи). Вып. 1 / М.С. Андреев // Тр. Ин-т истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, Т. 7. – Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1953. – 251 с.

11. Андреев, М.С. Из материалы по мифологии таджиков. / М.С. Андреев // По Таджикистану. Вып. 1. – Ташкент, 1927. С. 60 – 76.
12. Андреев, М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг.). / М. С. Андреев. – Душанбе: Дониш, 1970. – 192 с.
13. Андреев, М. С. Материалы по этнографии иранских племен Средний Азии. Ишкашим и Вахан. / М.С. Андреев. – СПб., 1911. – 270 с.
14. Андреев, М.С. По Таджикистану. Краткий отчет об этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. / М.С. Андреев. –Ташкент: [Б.и], 1927 а. Вып. I. – 85 с.
15. Андреев, М.С. Таджики долины Хуф / М.С. Андреев / Под ред. Э. Кочумкуловой – Вып. I-II. Переизд. – Б.: «Джем Кей Джи», 2020. – 794 с.
16. Андреев, М.С., Пещерева, Е.М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря. / М.С. Андреев, Е.М. Пещерева. – М., Л., 1957. - 390 с.
17. Аноятшоев, С. Этнолингвистический анализ лексики лекарственных растений языков бадахшанского ареала: дисс... канд. филол. наук. / С. М. Аноятшоев. – Душанбе, 2021. – 198 с.
18. Апресян, Ю.Д. Значение и оттенок значения. / Ю.Д. Апресян // Известия АН СССР. Отделение лит. и языка. – Т.XXXI1. Вып. 4. – М., 1974.
19. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. / Ю. Д. Апресян – М.: «Наука», 1974.
20. Апресян, Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография // Языки славянских культур. / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М., 2006. – 912 с.
21. Асрорӣ, В., Амонов, Р. Эчодиёти даҳанакии халқи тоҷик (фолклори тоҷик) / В. Асрорӣ, Р. Амонов. – Душанбе: «Маориф», 1990. – 304 с.
22. Атабаева, М.С. Этнолингвистические основы диалектной лексики казахского языка. / М.С. Атабаева. – Алматы: Билим, 2006. –208 с.
23. Бахтибеков, Т. Б. Грамматикаи забони шуғнонӣ. / Т. Б. Бахтибеков– Душанбе, 1979. – 147 с.

24. Березин, Ф.М. История лингвистических учений: Учебник для филол. спец. вузов. / Ф.М. Березин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк. 1984 . – 319 с.
25. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: сборник научных трудов. Том 1; Том 2. / Ф.И. Буслаев. – М.: «Директ-Медиа», 2014.
26. Бобоев, С.С. Чойгоҳи назми шифоҳӣ дар арӯсии тоҷикони Бухоро. / С.С. Бобоев – Хучанд, 2006. –144 с.
27. Бобомуродова, М.У. Маълумоти мухтасар дар бораи манбаъҳои лексикаи ороиши-зинатии занон //Мачмӯаи илмию методӣ /М. У. Бобомуродова. – Душанбе, 2009. – с. 143-152.
28. Бобомуродова, М.У. Этнолингвистическая характеристика лексики женских украшений в таджикском языке. / М. У. Бобомуродова. – Душанбе, 2012.
29. Бобомуродова, М.У. Пажӯҳиши (тахқиқи) этнолингвистии вожагони ороишоти занон / М. У. Бобомуродова. – Душанбе, 2014. – 167 с.
30. Бобомуродова, М. Корбурди истилоҳоти ороиши занон дар таркиби воҳидҳои фразеологӣ // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ, 2019, №1 (78). / М. Бобомуродова. –Душанбе, 2019. – С. 74 – 78
31. Броимшоева, М.К. Этнолингвистический анализ шугнанских примет и предсказаний. / М.К. Броимшоева. – Душанбе, 2006.
32. Брысина, Е. В. Диалектный словарь как форма отражения языковой картины мира диалектоносителей. / Е. В. Брысина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Цветаевой / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. – Воронеж, 2005. – Вып. 27.
33. Булаховский, Л.А. Введение в языкознание. / Л.А. Булаховский Ч.2. – М., 1953. – 177 с.
34. Булбулшоев, У. Микротопонимия Шохдары в этнолингвистическом освещении: автореф. дисс... канд. филол. наук. / У. Булбулшоев. – Санкт-Петербург, 2005. – 20 с

35. Бурдьё, П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
36. Вандриес, Ж. Лингвистическое наследие XX века. Перевод с французского Изд. 3 URSS. – 2004. – 408 с.
37. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. / В.В. Виноградов, – М.: "Наука", 1977.
38. Виноградова, Л.Н. Народная демонология и мифо – ритуальная традиция славян / Л. Н. Виноградова. – М., 2000.
39. Влахов, С. Флорин, С. Непереводимое в переводе: учебное пособие. / С. Влахов, С. Флорин, – М.: 1980. – 342 с.
40. Гамперц, Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. / Дж.Гамперц. - М.: Наука, 1975. - Вып. 7. - с. 182-199.
41. Гафуров, Б. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав / О. Гафуров. – Душанбе: «Нашриёти муосир», 2020. – 976 с.
42. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику. / А.С. Герд – СПб, 2005. – 457с.
43. Гердер, И. Г. Избранные сочинения: пер. с нем. / И. Г. Гердер; сост. В. М. Жирмунский. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959.
44. Грабовский, В.П. Лингвистическая карта как источник изучения истории языка /В.П. Грабовский. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (тезисы 5-ой конференции на тему «Проблемы атласной картографии», Уфа 28 – 30 января 1985 г.). – Уфа, 1985. – 205 с.
45. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 356 с.
46. Грюнберг, А.Л., Стеблин-Каменский, И.М. Языки восточного Гиндукуша. Ваханский язык. / А.Л. Грюнберг, И.М. Стеблин-Каменский. – Москва, 1976. – 670 с.
47. Гумбольдт, В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии языков. / В. Гумбольдт // Введение в языкознание: хрестоматия для вузов. – М., 2005. 312 с.

48. Давлатмирова, М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): автореф. дисс... д-ро филол. наук / М. Б. Давлатмирова. – Душанбе, 2019. – 51 с.
49. Додихудоев, Р. Х. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Под ред. кандидатов филол. наук С. Н. Соколова и Д. Т. Таджиева. / Р.Х. Додихудоев. – Душанбе, 1962. – 52 с.
50. Джамшедов, П., Озер, С. Англо-русский словарь лексики одежды и моды: 4000 слов / П. Джамшедов, С. Озер. – Душанбе, – 2015. – 330 с.
51. Додыхудоева, Л. Р. Памирские языки Центральной Азии: к сложению новых ареалов / Л. Р. Додыхудоева // Лексика, этимология, языковые контакты. – М.: «Тезаурус», 2011. – 312 с.
52. Журавлёв, А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. / А. Ф. Журавлёв. – М., 1994. – 256 с.
53. Зарубин, И. И. Шугнанские тексты и словарь / И. И. Зарубин. – М., 1960. – 388 с.
54. Зарубин, И.И. Бартангские и рушанские тексты и словарь. / И.И. Зарубин. – М.; – Л., 1937. – 97с.
55. Зарубин, И.И. Орошорские тексты и словарь. / И.И. Зарубин // Тр. Памирской экспедиции 1928г. Вып. VI: Лингвистика. – Л., 1930. – 375 с.
56. Зарубин, И.И. Рождение шугнанского ребёнка и его первые шаги. / И.И. Зарубин // В.В.Бартольд – туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 362 – 373.
57. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М., 1957. – 126 с.
58. Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике, вып. 1. – М., 1960. – С. 111-134.

59. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. /Д.К. Зеленин. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 432 с.
60. Зехниева, Ф. Сурудҳои маросими тӯйи тоҷикон. / Ф. Зехниева – Душанбе: “Дониш”, 1978. –163 с.
61. Зоолишоева, Ш.Ф. Цветобозначение в шугнано-рушанской языковой группе в этнолингвистическом освещении / Ш. Ф. Зоолишоева. СПб – 2005. – 178с.
62. Зоолишоева, Ш. Семантика красного цвета в шугнанском языке / Ш. Зоолишоева // Школа молодого востоковеда. СПб – 2004. – С. 27-29
63. Извекова, Т.Ф. Этнолингвистический анализ календарных обрядов алтайцев. / Т.Ф. Извекова // Ярославский педагогический вестник. – 2012, - №2, Том 1 (гуманитарные науки).
64. Исаков, А. Богатое женское погребение из Саразма. // Археологический вестник, №1, 1992. – С. 52 – 54.
65. Иमतшоева, М. Б. Выражение цветобозначения в разносистемных языках (на материале шугнано-рушанской группы языков, таджикского и английского языков). / М.Б. Иमतшоева. - Душанбе, 2013. -139 с.
66. Кайдаров, А.Т. Современные проблемы казахского языка / А.Т. Кайдаров. – Алматы, 1998.
67. Кайдаров, А.Т. Этнолингвистика. // Знание и труд. № 10, 1985. -274 с.
68. Каландаров, Т. С. Исторические судьбы шугнанцев и их верований: дисс...канд. филол. наук / Т.С. Каландаров – М.: ИВ РАН, 2000.
69. Камол, Н.Б. Лексика традиционной одежды в таджикском и английском языках (на материале романа Дж. икрами «Дочь огня» и романа М. Митчелл «Унесенные ветром») / Н.Б. Камол. – Душанбе, 2023. – 200 с.
70. Карамшоев, Д. Категория рода в памирских языках: (Шугнано-рушан. группа). Отв. ред. В.А. Лившиц, Стеблин И.М. / Д. Карамшоев // Акад. наук Тадж. СССР Инт. языка и литературы им. Рудаки. – Душанбе, 1978. – 356 с.

71. Кисляков, Н.А., Писарчик А.К. Таджики Каратегина и Дарваза. вып. 3. / Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик. – Душанбе: «Дониш», 1976. – 239 с.
72. Коварская, С. Я. Костина, И. Д. Шакурова, Е. Д. Русское золото XIV - начала XX века из фондов государственных музеев московского кремля // С. Я. Коварская, И. Д. Костина, Е. Д. Шакурова, - М.: «Советская Россия», 1987. - 27 с.
73. Конецкая, В. П. Лексико-семантическая характеристика языковых реалий. // Великобритания: лингвострановедческий словарь. / В. П. Конецкая, – М.: Рус. яз., 1980.
74. Копыленко, М. М. Актуальные проблемы лингвистики. (Сб. научных трудов). / М. М. Копыленко. – Алматы, 1998. – 249 с.
75. Косимов, О. Х. Названия растений в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. / О. Х. Касимов. – Душанбе, 2011. – 127с.
76. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебное пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л. П. Крысин. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с.
77. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте. / Новое в лингвистике / У. Лабов. – М., Известия. Вып. VII, 1975. С. 155-156.
78. Ларин, Л.И. Лексика и лексикография / Л.И. Ларин. – М., 1977. – 348 с.
79. Лашкарбеков, Б.Б. К этнолингвистической истории ироноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша / Б.Б. Лашкарбеков // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – С. 111 – 130.
80. Левицкий, Ю.А., Боронникова, Н.В. История лингвистических учений: Учеб. пос. / Ю. А. Левицкий, Н.В., Боронникова. – М.: Высш. шк., 2005. – 302 с.
81. Лившиц, В.А. Иранские языки народов Средней Азии. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. / В.А. Лившиц. – М., 1962.

82. Лиманова, И. Язгулямсие украшения / И. Лиманова // Язгулямский сборник. – СПб., 1996. – С. 43 – 45.
83. Литвинский, Б.А. Украшения из магильников западной Ферганы / Б.А. Литвинский. – М. 1973. – 213 с.
84. Майтдинова Г.М. Костюм ранне средневекового Тохаристана / Г. Майтдинова. – Душанбе, 1992. -Т. 1. – 284 с.
85. Майтдинова, Г. История таджикского костюма. Средневековый и традиционный костюм / Г. Майтдинова. – Душанбе, 2004. -Т. 2. – 254 с.
86. Майтдинова, Г. В. Развитие исторической науки Таджикистана / Академия наук Республики Таджикистана. / Г. В. Майдинова. - Душанбе: Дониш, 2011. – 259 с.
87. Малаховский, Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. / Л. В. Малаховский – Л., 1990. – 213 с.
88. Мардонова, А. Хна в быту таджиков Горного Таджикистана и зирабадских эрони Бухарской области / Этнография Таджикистана. / А. Мардонова – Душанбе, 1985. –С. 123-129.
89. Мартьянова, Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре. // Филология и человек. – № 4. – 2013.
90. Матробиён, С. Қ. Этнолингвистикаи тоҷик: пажӯҳиши назариявӣ ва амалӣ. Китоби 1. Асосҳои назариявии этнолингвистика ва тасвири ҷаҳон. / С.Қ. Матробиён – Душанбе: «Шоҳин-С», 2022. -256 с.
91. Матробиён, С.Қ. Таҳлили этнолингвистии як гоҳи шабонарӯзӣ дар забони ваҳонӣ: аз фурӯғи офтоб то нимрӯз. / С. Қ. Матробиён // Суханшиносӣ (маҷаллаи илмӣ), №3. – Душанбе, 2019. – С. 15-18.
92. Матробов, С. К. Лексика традиционных игр ваханцев в этнолингвистическом освещении. / С.К. Матробов. – СПб., 2005. – 190 с.
93. Матробов, С. Қ. Этнографизмҳои суннатҳои наврӯзии мардуми водии Ваҳон. / С. Қ. Матробов // Паёми Донишқадаи забонҳо, №1 (5). – Душанбе, 2012. – С. 15-18.

94. Матробиён, С. Гуломалиева, Р. Накши этнолингвистика дар пажухиши забонҳои бехат / С. Матробиён, Р. Гуломалиева // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (бахши филологӣ). – Душанбе, 2023, №6. – С.79-85.
95. Матробиён, С. Гуломалиева, Р. Хаританигории этнолингвистӣ ва мавзӯҳои он / С. Матробиён, Р. Гуломалиева // Конференсияи байналмилалӣ “Забони русӣ дар фазои муҳити дузабона”. ДБЗХТ ба номи Сотим Улуғзода. – Душанбе, 2023
96. Мачидов, Ҳ. Масъалаҳои мубрами сотсиолингвистикаи тоҷик / Ҳ. - Мачидов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (бахши филологӣ). – Душанбе, 2015, №4/9 (185). – С. 3-9.
97. Мачидов, Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Ҷилди 1. Луғатшиносӣ. / Ҳ. Мачидов. – Душанбе, 2007. – 243 с.
98. Мирбобоев, А. Лексика ҷивотноводства ваханского языка: автореф. дисс...канд. филол. наук. / А. Мирбобоев. – Душанбе, 1991. – 26 с.
99. Мирбобоев, А. Об одном этнолингвистическом явлении в лексике летописцев Вахана / А. Мирбобоев // Вопросы памирской филологии. Вып.3. – Душанбе, 1985.
100. Мирзоев, С. Суннатҳои маҳаллӣ ва сурудҳои яғнобӣ / С. Мирзоев. – Душанбе, 2012. -167 с.
101. Молчанова, Е. К. Албасты и Кивина в иранской мифологии, или Кто вредит роженицам и новорожденным / Е. К. Молчанова // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки / Отв. ред. выпуска А. И. Коган; ред.-сост. А. С. Панина. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 242 - 246.
102. Муродов, Ф. Воситаҳои тасвири бадеӣ дар ҳамосаи «Гурӯғлӣ» / Ф. Муродов. – Душанбе: “Деваштич”, 2006. – 300 с.
103. Муҳаммад ибни Маҳмуд ибни Аҳмади Тусӣ. Аҷоиб – нома (Аҷоиб– ул-маҳлуқот ва ғароиб-ул-мавҷудот) / Муҳаммад ибни Маҳмуд ибни Аҳмади Тусӣ. – Душанбе, 2016. - 604 с.

104. Мухина, Н. Н. Система терминообозначений восточных заимствований в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. / Н. Н. Мухина. – 2021. Том 14. Выпуск 6.
105. Назарова, З. О. Реликты древних верований в этнокультурном контексте (на материале ишкашимского языка). / З. О. Назарова // Ирано- славика, №2. – М., 2004. – С. 70 - 75.
106. Назаршоева, Ч. Этнолингвистическое освещение лексики родильного обряда шугнанского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук. / Ч. Назаршоева. – Хорог, 2022. – 27 с.
107. Некушоева, Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики шугнано-рушанской группы памирских языков. / Ш. С. Некушоева. – Душанбе, 2010. -179 с.
108. Некушоева, Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале языков шугнано-рушанской группы) / Ш. С. Некушоева. – Душанбе «ЭР-граф», 2019. – 178 с.
109. Неменова, Р. Л. О селениях Дарваза. / Р. Л. Неменова // Изв. АН Тадж. ССРСР. Отд. общ.наук. – 1956. Вып.10 -11. – С. 33- 44.
110. Ожегов, С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. / С.И. Ожегов – М.: 1974 – 352 с.
111. Оранский, И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия). Этнолингвистическое исследование. / И. М. Оранский – Москва: «Наука», 1983. – 237 с.
112. Осипова, Е. П. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и этногеографический анализ): дис. канд. филол. наук / П. Осипова. -Москва: Изд-во, 1999. -190 с.
113. Офаридаев, Н. К. Вопросы картографического изучения субстратной топонимии Юго-Восточного Таджикистана. / Н. К. Офаридаев // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (тезисы 5-ой конференции на тему

- «Проблемы атласной картографии», Уфа 28 – 30 января 1985 г.). – Уфа, 1985. – 205 с.
114. Пахалина, Т. Н. Исследования по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. / Т. Н. Пахалина. – Москва, 1983. - 254с.
115. Пейсиков, Л.С. Лексикология современного персидского языка. / Л.С. Пейсиков – М., 1975, -203 с.
116. Перехвальская, Е.В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата. / Е.В. Перехвальская. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 351 с.
117. Писарчик, А.К. Рушанские тексты. / А. К. Писарчик. – Сталинабад, 1954. – 90 с.
118. Плотникова, А. А. Этнолингвистическая географии Южной Славии. / А. А. Плотникова. – М.: Издательство "Индрик", 2004. –768 с.
119. Поливанов, Е. Д. Избранные труды повосточному и общему языкознанию. / Е. Д. Поливанов. – М. 1991. – 623 с.
120. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. / З. Д. Попова, И. А. Стернин – М., 2007. – 314 с.
121. Потенбня, А. А. Эстетика и поэтика. / А. А. Потенбня. – М., 1976. – 426 с.
122. Расторгуева, В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. / В. С. Расторгуева. – Москва: «Наука», 1964.
123. Рахими, С. С. Концеп «измена» в русском и таджикском языках: автореф. дисс... канд. филол. наук. / С. С. Рахими. – Душанбе, 2016. – 21 с.
124. Рахимов, Р.Р. Зарубин И.И. (1887 -1964) / Р. Р. Рахимов, Зарубин И.И. // СЭ. 1989, №1, - С. 111 – 121с.
125. Раҳмон, Эмомали. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён. / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе, 2006. – 425 с.
126. Раҳмон, Эмомали. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби 1. Ба сӯйи пояндагӣ. / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе, 2016. – 516 с.

127. Рахмонова, Н. Б. Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов). автореф. дисс... канд. филол. наук. / Н. Б. Рахмонова. – Душанбе, 2019. – 27 с.
128. Рахимов, И. Язгулямская этнографическая лексика в историческом освещении: автореф. дисс... д-ра филол. наук. / И. Рахимов. – Душанбе, 1992. – 41 с.
129. Розенфельд, А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. // А. З. Розенфельд // Фольклор и этнография. – Л., 1970. – С. 202 – 211.
130. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони забони адабии ҳозираи тоҷик. / Ш. Рустамов – Душанбе, 1972. -79 с.
131. Саймиддинов, Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ. / Д. Саймиддинов. – Душанбе: «Шарқи озод», 2013. – 208 с.
132. Саркоров, С. Этнолингвистическая характеристика рушанцев. / С. Саркоров. – СПб, 2006.
133. Саучишкина, И.Б. Наименование украшений в русском и английском языках. / И.Б. Саучишкина. -Москва, 2010.
134. Серебренников, Б. А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: “Наука”, 1988. – С. 70 – 86.
135. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии (пер. с англ.) / Э Сепир. – М.: Изд. группа «Прогресс»: Универс, 1993. – 464 с.
136. Симаков, А.В. Функциональные особенности этнографизмов с семантикой «пища» (на материале произведений Ч. Диккенса) // Вопросы германистики. / Известия ВГПУ, 2010. – С. 92-95.
137. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества» слова) // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. –М., 1954.
138. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. / Фердинанд де Соссюр; пер. со 2 фр. изд. А. М. Сухотина; ред. пер. Н. А. Слюсаревой; примеч. Н. А. Слюсаревой; Н. А. Слюсарева. О Фердинанде де Соссюре и его науч. парадигме. Ввод. ст. Примеч. - Москва: «Логос», 1998.

139. Соколова, В. С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. / В. С. Соколова. – Л.: «Наука», 1967. – 158 с.
140. Солиева, М. А. «Структурно-семантический анализ текстильных терминов в таджикском и английском языках». / Солиева, М. А. – Душанбе, 2015.
141. Стеблин-Каменский, И. М. Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении: автореф. дисс...д-ра филол. наук. / И. М. Стеблин-Каменский. – Л., 1984. – 48 с.
142. Сулаймонов, И. О. Лексика говора Горного Гиссара: диссертация ... кандидата филологических наук. - Душанбе, 2019. - 189 с.
143. Сухарева, О.А. Вышивка – народное декоративное искусство советского Узбекистана. / О.А. Сухарева. – Ташкент, 1954. -103 с.
144. Токенов, О.С. Основы культурологии. / О.С. Токенов – Алматы, 2001. – 163 с.
145. Толстая, С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры. / С. М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: «Индрик», 2008. – С. 210 – 225.
146. Толстой, Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. / Н. И. Толстой // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и Этнос). – Л., 1983. – С. 181-190.
147. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. / Н. И. Толстой. – М.: "Индрик", 1995. – 512 с.
148. Топоров, В. Н. Исследования по этимологии и семантике. / В. Н. Топоров. – Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), М., – 2006. – 539 с.
149. Уорф, Б. Отношения норм поведения и мышления к языку. / Б. Уорф // Новое в лингвистике: сб. науч. ст. (пер. с англ.). – Вып.1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 135 – 168.
150. Усачёва, В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. / В. В. Усачёва. // Институт славяноведения РАН, – М., 2008. – 368 с.

151. Усманова, С. Лексика орнаментации текстиля в таджикском языке. / Усманова, С. Душанбе, 1971.
152. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. / А.А. Уфимцева – М., 1968.
153. Фокеев, А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития: дисс... д-ра филол. наук / А.Л. Фокеев – М., 2004.
154. Хаймз, Д. Х. Общение как этнолингвистическая проблема (Осн. направления в амер. этнолингвистике) / Д. Х. Хаймз // Вопр. языкознания. – М., № 2, 1965.
155. Халимова, М. Лексика, обозначающая понятие "одежда" в таджикском языке (на основе материалов говора Худжанда и его окрестностей): автореф. дисс...канд. филол. наук. / М. Халимова. – Худжанд, 2002.
156. Хасанова, М. И. Обрядовая лексика ритуала бракосочетания в диалекте Худжанда (этнолингвистический аспект). / М. И. Хасанова. – Худжанд, 2010.
157. Хочаев, Д. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии тоҷик дар асрҳои миёна. / Д. Хочаев. – Душанбе, 1998. – 149 с.
158. Хромов, А.Л. Говоры таджиков Матчинского района. / А.Л. Хромов – Душанбе, 1962. – 215 с.
159. Худоиёева, Х. М. Структурно-семантический анализ лексики украшений одежды в таджикском и английском языках. / Х. М. Худоиёева. – Душанбе, 2019. – 145 с.
160. Худойбердиева, Дж. «Этнолингвистический и структурный анализ лексики женской одежды и моды в разносистемных языках (на материале русского таджикского и английского языках). / Дж. Худойбердиева – Душанбе, 2019. – 180 с.
161. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской картины мира. / Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 210 с.

162. Чарыкова, О. Н., Попова З. Д., Стернин И. А. Основы теории языка и коммуникации: учеб. пособие для бакалавров / О. Н. Чарыкова, З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: «Флинта», 2012. – 312 с.
163. Черемисина, М. И. Языки коренных народов Сибири / М.И. Черемисина. – Новосибирск: Наука, 1992. -235 с.
164. Черепанова, О. А. Культурная память в древнем и новом слове: исследования и очерки. / О.А. Черепанова - СПб, 2005. – 329 с.
165. Чернов, А.В. Русская беллетристика 20–40-х г. XIX в. (вопросы генезиса, эстетики и поэтики): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 1997.
166. Чхеидзе, Т. Д. Именное словообразование в персидском языке. / Т. Д. Чхеидзе. – Тбилиси, 1969. – 140с.
167. Шакармамадов, Н. Назми халкии Бадахшон. / Н. Шакармамадов. – Душанбе, 1975. – 126 с.
168. Шамбезода, Х. Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении). / Х. Шамбезода – Воронеж, 2007. – 422 с.
169. Шердилова, С. Таҳқиқоти этнолингвистии лексикаи гӯйиши тоҷикони водии Горон (аз гурӯҳи лаҳҷаҳои шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ). / С. Ф. Шердилова. – Душанбе, 2022. - 199 с.
170. Шукуров, М. Забони мо ҳастии мо. / М. Шукуров. – Душанбе: «Маориф», 1991. – 232 с.
171. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. / Л. В Щерба, – Л. 1974.
172. Эдельман, Д. И. К проблеме "язык или диалект" в условиях отсутствия письменности. / Д. И. Эдельман // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127-147.
173. Эмомалӣ, Раҳмон. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби 1. Ба сӯйи пояндагӣ. / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе, 2016. – 516 с.

174. Эмомалӣ, Раҳмон. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби 2. Забон ва замон. / Эмомалӣ Раҳмон – Душанбе, 2020. – 432 с.
175. Эмомалӣ, Раҳмон. Суханронӣ ба муносибати Рӯзи забони давлатӣ. / Эмомалӣ Раҳмон // Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ва сиёсати давлатӣ дар бораи забон. – Душанбе, 2018, 232 с.
176. Эмомалӣ, Раҳмон. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён (нашри дувум). / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: «Ирфон», 2016. – 704 с.
177. Эмомалӣ, Раҳмон. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён. / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе, 2006.
178. Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. / А.В. Юдин – М.: МОНФ, 1997. – 319 с.
179. Юсуфбеков, Ш. П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: Семантико-прагматические аспекты. / Ш.П. Юсуфбеков. – М., 1998. –151 с.
180. Юсуфбекова, З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX века). / З. Юсуфбекова. – Душанбе: Шарки Озод, 2015. – 220 с.
181. Яковлюк, А. Н. Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи. / А. Н. Яковлюк // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. – С. 156–162.

Б) на латинском алфавите

182. Calame-Griaule G. Ethnologie et sciences du langage / G. Calame-Griaule // les sciences du langage en France au XX-aème siècle/ Ed. Par Prottier B. P., 1992.
183. Dinguirard, J.C. Ethnolinguistique de la Haute Vallée de Gers Lille / J.C. Dinguirard. – 1976.
184. Halliday, M.A. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore, MD: University Park Press, 1978. – 268 p.
185. Pottier, B. Le domaine de l’ethnolinguistique / B. Pottier // Langages, 1970, №18.

II. Словари и справочная литература

А) на кириллице

186. Аламшоев, М., Аламшоев, Ш. Шугнано-таджикско-русско-английский словарь. Том 1. / М. Аламшоев, Ш. Аламшоев, – Душанбе: «Ирфон», 2020. – 480 с.
187. Аламшоев, М., Аламшоев, Ш. Шугнано-таджикско-русско-английский словарь. Том 2. / М. Аламшоев, Ш. Аламшоев, – Душанбе: «Ирфон», 2020–448 с.
188. Аламшоев, М., Аламшоев, Ш. Шугнано-таджикско-русско-английский словарь. Том 3. / М. Аламшоев, Ш. Аламшоев, – Душанбе: «Ирфон», 2020–512 с.
189. Бобомуродов, Ш., Мухторов, З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ. / Ш. Бобомуродов, З. Мухторов. – Душанбе, 2015. – 322 с.
190. Большой энциклопедический словарь. / гл.ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Академическая Энциклопедия, 2000. – 688 с.
191. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия; Норинт, 2000. – 1434 с.
192. Бурҳон Муҳаммадхусайн. Бурҳони қотей. Ҷ. 1. (Таҳияи матн бо пешгуфтор, мулҳақот, тавзеҳот ва феҳрист Амон Нуров) / М. Бурҳон. – Душанбе: Адиб, 1993. – 416 с.
193. Бурҳон Муҳаммадхусайн. Бурҳони қотей. Ҷ. 2. (таҳияи А.Нуров) / Б. Муҳаммадхусайн. – Душанбе: «Адиб», 2004. – 424 с.
194. Бурҳон Муҳаммадхусайн. Бурҳони қотей. Ҷ. 3. (таҳияи А.Нуров). – Душанбе: «Адиб», 2014. – 400 с.
195. Додихудоева, Л.Р. Словарь этнокультурной лексики шугнанского языка. 2012–2016. / Л. Р. Додихудоева.
196. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: Изд-во "Пилигрим», 2010. – 450 с.
197. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь. Том 1. / Д. Карамшоев. – М.: «Наука», 1988. – 576 с.

198. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь. Том 2. / Д. Карамшоев. – М.: «Наука», 1991. – 615 с.
199. Карамшоев, Д. Шугнанско-русский словарь. Том 3. / Д. Карамшоев. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 568 с.
200. Луғати русӣ-тоҷикӣ /зери таҳрири академик М.Осимӣ. – М.: Русский язык, 1985. – 1279 с.
201. Русско-таджикский словарь / зери таҳрири Саймиддинов Д. – Душанбе «Пайванд», 2006. – 802 с.
202. Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ / мурағатӣ М. Маҳмудов, Ғ. Ҷӯраев, Б. Бердиев. – Душанбе: «Пайванд», 2012. – 946 с.
203. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ. 1. –М.: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с.
204. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ. 2. –М.: Советская энциклопедия, 1969. – 949 с.
205. Фарҳанги мукаммали забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Душанбе: Шарқи озод, 2011. – 832 с.
206. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ /зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, Мирзо Ҳасани С./ Ҷилди 1. – Душанбе, 2008. – 950 с.
207. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ /зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, Мирзо Ҳасани С./ Ҷилди 2. – Душанбе, 2008. – 945 с.
208. Фарҳанги тоҷикӣ-русӣ /зери таҳрири Саймиддинов Д. – Душанбе: «Пайванд», 2006. – 784с.
209. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷилди 1. / М. Фозилов. – Душанбе, 1963. – 952 с.
210. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷилди 2. / М. Фозилов – Душанбе, 1964. – 803 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ:

211. Лингвистический энциклопедический словарь: Режим доступа: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com>

212. Большой толковый словарь русского языка: Режим доступа:
<https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>.
213. История развития ювелирных украшений. Режим доступа:
<https://diamant.ua/ru/articles/skvoz-tysyacheletiya-istoriya-razvitiya-yuvelirnykh-ukrashenij>
214. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: Режим доступа:
<https://1597.slovaronline.com>